

**ЧЭНЬ ВАНЬЖОУ
ВАН ШИЮ**

**ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ ТРАНСФОРМАЦИИ
СОДЕРЖАНИЯ БАЗОВЫХ
ЭТНИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ
В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ**

**Чэнь Ваньжоу
Ван Шию**

**ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ТРАНСФОРМАЦИИ СОДЕРЖАНИЯ БАЗОВЫХ
ЭТНИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ**

Монография

Чебоксары
Издательский дом «Среда»
2023

УДК 81(‘23)
ББК 81.2-5
Ч-43

Рецензенты:

канд. филол. наук, профессор, директор института
иностранных языков Чаохуского университета (КНР)

Юй Жонци,

канд. филол. наук, доцент института иностранных языков
Чаохуского университета (КНР)

Дун Янь

Ч-43 Чэнь В.

**Психолингвистический анализ трансформации
содержания базовых этнических ценностей в русской
культуре : монография / В. Чэнь, Ван Ш. – Чебоксары:
Среда, 2023. – 168 с.**

ISBN 978-5-907688-90-2

В монографии исследуются ценности, выделенные по результатам проведения проекта «Томская инициатива»: вера, милосердие, терпимость, Родина, семья, которые входят в ядро культуры, понимаемой как совокупность материальных и духовных ценностей, воплощенных в различных формах культурной продукции. Выделенные ценности являются важными в ценностной системе русского народа и отчетливо отражаются в художественных текстах.

ISBN 978-5-907688-90-2

DOI 10.31483/a-10565

© Чэнь В., Ван Ш., 2023

© ИД «Среда», оформление, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	5
Глава I. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИССЛЕДОВАНИЯ БАЗОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ	10
1.1. Аспекты исследования ценностей в философии	10
1.2. Специфика понимания ценностей в социологии	16
1.3. Исследование ценностей в психологии.....	21
1.4. Разграничение понятий «ценность» и «ценностная ориентация»..	24
1.5. Основные классификации базовых ценностей как представление их доминантного содержания	29
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I.....	33
Глава II. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ БАЗОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ «ВЕРА», «МИЛОСЕРДИЕ», «СЕМЬЯ», «РОДИНА», «ТЕРПИМОСТЬ» В РУССКОЙ ДЕРЕВЕНСКОЙ ПРОЗЕ	35
2.1. Основные тенденции изучения содержания базовых ценностей «вера», «милосердие», «семья», «Родина», «терпимость» в русской деревенской прозе	35
2.1.1. Принципы отбора ценностей для анализа.....	35
2.1.2. Лексикографическое содержание ценности «вера» как база контекстуального анализа	38
2.1.3. Лексикографическое содержание лексемы, номинирующей ценность «милосердие»	46
2.1.4. Лексикографическое содержание лексемы, номинирующей ценность «семья».....	51
2.1.5. Лексикографическое содержание лексемы, номинирующей ценность «терпимость».....	53
2.2. Специфика вербального представления ценностей в творчестве В. Распутина.....	60
2.2.1. Смыслы базовых ценностей в творчестве В. Распутина.....	81
2.3. Реализация содержания базовых ценностей в творчестве В. Астафьева	91
2.3.1. Смыслы базовых ценностей в творчестве В. Астафьева.....	96
2.4. Базовые ценности русской деревни в творчестве В. Белова...	104
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II	116

Психолингвистический анализ трансформации содержания базовых этнических ценностей в русской культуре

Глава III. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА ЗНАЧИМОСТИ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО НОСИТЕЛЯ КУЛЬТУРЫ	119
3.1. Ассоциативный эксперимент как способ установления психологически актуального содержания ценностей	119
3.2. Методика психолингвистического анализа лексем, обозначающих базовые ценности	121
3.2.1. Исследование структурно-содержательных особенностей ассоциативного поля вера	121
3.2.2. Исследование структурно-содержательных особенностей ассоциативного поля милосердие	127
3.2.3. Исследование структурно-содержательных особенностей ассоциативного поля семья	131
3.2.4. Исследование структурно-содержательных особенностей ассоциативного поля Родина	134
3.2.5. Исследование структурно-содержательных особенностей ассоциативного поля терпимость	138
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ III	143
Заключение	147
Библиографический список	149

Введение

Специфика русского национального характера была предметом тщательного изучения в трудах многих выдающихся философов, социологов, этнографов, лингвистов. Русские религиозные философы Н.А. Бердяев, В.В. Розанов, Н.О. Лосский обнаруживали в нем «религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра» [Лосский 1990, с.21]. Они полагали: Россия настолько глубоко усвоила христианство, что идеалом народа стала не сильная и богатая, а «Святая Русь». Из религиозности философы выводили две противоположных совокупности свойств русского народа. Первая связывалась с его духовными качествами: «способностью к высшим формам опыта (религиозному, мистическому), к восприятию чужих душевных состояний, к исканию смысла жизни и абсолютной правды, свободолюбие (прежде всего свобода духа), страстность и могучая сила воли, даровитость, доброта, незлопамятность» [Пищальникова, Хлопова 2020, с. 45]. А.И. Солженицын отмечал в народе «доверчивое смирение с судьбой, сострадательность: готовность помогать другим, делаясь своим насущным; способность к самоотвержению и самопожертвованию; готовность к самоосуждению, раскаянию – и публичному, даже преувеличение своих слабостей и ошибок» [Солженицын 2009 <http://obval.by.ru/6.htm#29>]. Главной опорой характера русского человека писатель считал веру как религиозность, откуда «эпическое спокойствие в приятии смерти; непогоня за внешним жизненным успехом, непогоня за богатством, довольство умеренным достатком» [там же]. Вторая группа качеств русского народа тоже связывается с особенностями русского православия: это пассивность, бездейственность, русская «обломовщина», небрежность, неточность, неряшливость (прежде всего в работе), которые Н.О. Лосский считал оборотной стороной русского характера. Русское долготерпение соседствует с поисками справедливости. Отсутствие интереса к политике и общественной деятельности объясняется

Психолингвистический анализ трансформации содержания базовых этнических ценностей в русской культуре

«нечистой» этой сферы деятельности, но одновременно и формирует беспомощность, покорность судьбе [Солженицын 2009 <http://obval.by.ru/6.htm#29>]. Поэтому сейчас актуальна проблема осознания Россией своих культурных и социальных архетипов, образующих базу национальной психологии, и «встраивание» их в свое настоящее и будущее [Касьянова 1994]. Однако душа русского народа, считают многие философы, сформирована не только православной церковью, но и необъятностью земли. Поэтому в русском человеке сильна стихийная сила, а природное начало сильнее, чем у западных людей [Бердяев 1998].

«В настоящее время данные многочисленных социологических исследований показывают, что русские отличаются высоким уровнем образования, но низкой бытовой культурой, острой сообразительностью, склонностью к коллективизму, но отсутствием твердой морали и правового сознания, некоторым двоемыслием, комплексом неполноценности по отношению к Западу, неустойчивостью общественного поведения, ловкостью в обходе государственных запретов и установлений» [Пищальникова, Хлопова 2020, с. 47]. Поиски нравственной опоры миропонимания русского человека осуществляются также художественным путем и характерны для русской литературы вообще, а в творчестве писателей-деревенщиков они занимают доминирующее место. Проза писателей-деревенщиков – уникальное явление в мировом литературном процессе, впервые осознавшее и художественно описавшее специфику «слома» базовых этнических ценностей в определенные исторические периоды существования русского этноса.

Базовые ценности, смоделированные в научном процессе на основании различных данных, рассматриваются как иерархическая система мировоззренческих представлений, определяющих, наряду с экономическими и иными факторами, существование и развитие этноса [Лурье 2004 <http://psy.piter.com/library/?tp=2&rd=5&l=177&p=500>]. Ценности существуют в сознании индивидов, будучи присвоенными в процессе познания действитель-

ности в ходе интериоризации знания, социально одобренных моделей поведения, способов действия [Пищальникова 2007]. Ценности выступают определяющим фактором в деятельности этноса и человека, одновременно выполняя защитную функцию: индивид оценивает реальность в соответствии со стереотипами, в которых ценности фиксируются. Установив специфику содержания базовых ценностей, их структуру, факторы, воздействующие на их стабильность и динамику, а также систему средств, в которых воплощаются базовые ценности, исследователь может моделировать ядерные представления определенной культуры, в частности морально-нравственные.

Как правило, моделирование содержания ценностей осуществляется на базе лексикографических источников ([Бульгина, Шмелев 1997], [Бартьминский 2005], [Светоносова 2006], [Байрамова, Юнусова 2008], [Мельничук 2017] и др.), но они, как правило, не фиксируют его динамики, обусловленной различными условиями существования этноса, не отражают особенностей личностного присвоения ценностей. В этом смысле художественный текст является достоверным материалом для моделирования ценностей, потому что в речевом действии фиксируются все аспекты индивидуальной аксиологической деятельности человека. Кроме того, психологически актуальное содержание ценностей возможно установить в свободном ассоциативном эксперименте, рассматривая соотношение *стимул – реакция* как речевое действие ([Адамова 2006], [Панарина 2017], [Хлопова 2018], [Пэй Цайся 2019], [Яо Чжипэн 2019] и др.).

В настоящей монографии исследованию использованы все три возможности изучения ценностей – лексикографическое, с опорой на художественный текст, экспериментальное – с целью более обоснованного их моделирования. В работе изучаются ценности «вера», «милосердие», «терпимость», «Родина», «семья», которые, по данным ряда фундаментальных исследований (З.Г. Адамова, С.В. Лурье, Е.Ш. Курбангалиева, Д.А. Леонтьев, В.С. Магун, И.А. Муравская, А.В. Немировская, М.Г. Руднев, А.В. Рябов, С.П.

Психолингвистический анализ трансформации содержания базовых этнических ценностей в русской культуре

Самойлова, А.А. Семенов Р.В. Сергеев, Т.Г. Стефаненко, И.А. Сурина, В.А. Пищальникова, В.П. Тугаринов, Е. Erikson, Е. Hoffman, С. Kluckhohn, Г.Н. Mead, М. Rokeach, М. Weber и др.), считаются базовыми для традиционной русской культуры.

Разработка стимульного списка и проведение ассоциативного эксперимента определяется методологически важными исследованиями психолингвистов (Е.И. Горошко, А.А. Залевская, А.А. Леонтьев, Дж. Миллер, Ч. Осгуд, В.А. Пищальникова, Н.В. Уфимцева и др.).

В качестве **материала** исследования используются (1) тексты В. Распутина, В. Астафьева и В. Белова, в произведениях которых в полной мере представлены особенности традиционного национального характера русского народа, (2) лексикографические данные ряда фундаментальных толковых словарей русского языка и (3) результаты свободного прямого ассоциативного эксперимента, проведенного автором (в эксперименте приняло участие всего 748 человек (от 700 до 748 по разным стимулам).

Основные **задачи** исследования в настоящей монографии:

- описать научный контекст проблемы, обозначив основные тенденции в изучении аксиологических понятий;
- представить основные типы классификаций ценностей с целью выявления их ядерного состава;
- определить методологическую и теоретическую базу исследования с опорой на фундаментальные философские, социологические, лингвистические, этнопсихолингвистические работы,
- провести семантический анализ лексем *вера*, *милосердие*, *семья*, *Родина*, *терпимость*, номинирующих базовые ценности, на основе авторитетных толковых словарей русского языка;
- исследовать содержание ценностей «вера», «милосердие», «терпимость», «Родина», «семья», представленное в ряде художественных текстов писателей-деревенщиков («Живи и помни», «Прощание с Матерой», «Изба» В. Распутина, «Последний поклон» В. Астафьева, «Привычное дело» В. Белова);

- осуществить контекстуальный анализ содержания базовых ценностей и определить способы их репрезентации;

- сопоставить содержание базовых ценностей, смоделированное на разном языковом материале.

Теоретико-методологической базой исследования послужили научные труды российских и зарубежных ученых в разных научных областях:

- в философии и аксиологии (Платон, Аристотель, Г.В.Ф. Гегель, И. Кант, Н. Гартман, Н. Бердяев, Н. Лосский, Вл. Соловьев, Г. Лотце, Г. Риккерт, С. Франк, М. Хайдеггер, Ю. Хабермас, М. Шеллер, Э. Фромм, М. Рокич, В. Томас, Ф. Знанецкий, В.С. Степин, Л.Н. Столович, В.П. Тугаринов, Л.В. Баева и др.);

- в социологии, психологии и психолингвистике (Т. Гоббс, Дж. Локк, В. Дильтей, Э. Шпрангер, Г. Оллпорт, Дж. Брунер, М. Вебер, В. Франкл, П.А. Сорокин, Б. Шледер, Г. Зиммель, Г. Маркузе, В.А. Ядов, А. Маслоу, Р. Инглехарт, С.Л. Рубинштейн, Л.С. Выготский, Д.Н. Узнадзе, Б.Ф. Ломов, Б.Г. Ананьев, А.Г. Асмолов, А.Н. Леонтьев, А.А. Леонтьев, А.А. Залевская, Д.А. Леонтьев, В.А. Пищальникова, Н.В. Уфимцева, Е.Ф. Тарасов, Е.И. Горошко и др.);

- в исследовании художественного текста (М.М. Бахтин, Д.С. Лихачев, З.Я. Тураева, Л.А. Колобаева, В.Е. Ковский, А.А. Лапченко, Танака Кнёши, Джеффри Хоскинг, И.И. Шпаковский и др.).

ГЛАВА I. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИССЛЕДОВАНИЯ БАЗОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

1.1. Аспекты исследования ценностей в философии

Термин «ценность» означает различные объекты природного мира и явлений культуры человека, как материальные, так и духовные, представляющие для социума в целом и каждого члена общества особую значимость для осуществления их социальных функций. К ним относятся одобряемые обществом формы и стереотипы поведения, образцы искусства, наука как специфическая деятельность, создающая специальные знания, идеалы общества и др. На протяжении всего времени, пока существует человечество, духовные ценности соотносятся с тремя категориями: добро, красота, истина. Так, добро объединяет морально-этические и нравственные ценности, красота – эстетические, истина – познавательные.

Ценности изучаются представителями разных гуманитарных наук: психологии, философии, культурологии, социологии, экономики, социологии, правоведения, политологии, а также специалисты по эстетике, этике, теории воспитания и др. Выделение аксиологии в самостоятельную область знаний началось в конце 60-х гг. XIX в. Определяется понятие «ценность» в философии по-разному, что связано с неодинаковым пониманием сущности человека, личности, культуры, духовности и других основополагающих понятий.

В аксиологии ценности – это идеалы, которые существуют для индивида, обосновывая его моральные принципы, для отдельной культуры и человечества в целом. Ценности соответствуют целям, которые человек ставит перед собой в своей жизнедеятельности. «Ценность в ее экзистенциальном аспекте выступает неким *вектором, отражающим направление тех изменений в социальном бытии*, которые не относятся к разряду объективных, спонтанных, естественно-природных. Там, где мы имеем дело с направленным саморазвитием, самоусложнением, с попытками внесения разумного или нравственного начала в природное бытие, неизбежно обращение к ценностям – смысло-значимым целям развития» [Баева 2003].

В изучении ценностей в рамках аксиологии выделяют два основных направления: (1) выявление сущности ценностей во внутреннем бытии личности, индивидуальная интерпретация и интериоризация ценностей и (2) установление ценностного основания социальной жизни. Резких границ между этими направлениями нет, поскольку любая ценность существует только в деятельностном осознании субъектом.

Обсуждение понятия «ценность» начинается еще в античности. Греческие философы объединяли понятия блага и сущности бытия, потому что в их понимании перед философией стояла главная задача – совершенствование мира и индивида. Современные исследователи считают, что античное мировосприятие аксиологично и оценивает бытие как истинное, благое, прекрасное. Платон, ученик Сократа и учитель Аристотеля, сформулировал учение об идеях, ставшее основой философского идеализма. В этом учении разграничивается идеальное и реальное бытие. Иерархический мир идей, по Платону, первичен, а мир вещей – это его не вполне точное отражение. Во главе мира идей располагается абсолютная идея совершенного Блага, которое определяет все другие, расположенные ниже, обладая высшей ценностью для человека и определяя совершенствование его души.

Элементами «высшего блага» являются идеальные эстетические и нравственные понятия, среди которых главные – вечность, своевременность, умеренность, мера. Ниже в иерархии платоновских ценностей расположены категории прекрасного и совершенного, а интеллектуальные способности он ставит только на третье место. Платон выделяет также «правильные суждения, искусства и знания», различные удовольствия «беззаботной человеческой души» и «песенный строй» [Платон 1971, с. 82–84].

Аристотель тоже говорил о необходимости тождества бытия и блага, бытия и прекрасного. Вместе с тем он разделял истину и мнение; то, что прекрасно на самом деле и то, что кажется прекрасным. Прекрасное же, по Аристотелю, определяется целью его использования, целесообразностью. Аристотель уже использует понятия «ценность», «ценное», «ценимое», разделяя блага на ценимые, почитаемые (базовые ценности «душа», «ум», «добродетель»); это «первоначала бытия» – сущности, которые воплощаются в вещах и

Психолингвистический анализ трансформации содержания базовых этнических ценностей в русской культуре

сближают мир идей и вещей), хвалимые и возможности. Аристотель выделяет также индивидуальные и коллективные блага [Аристотель 1983].

Не анализируя детально хронологию философского исследования ценностей, можно отметить, по крайней мере, три четко выделяемых подхода к их изучению: (1) понимание ценности как объективного бытия, которое складывается у субъекта в процессе различных видов деятельности. В рамках этого подхода созданы различные теории, по-разному интерпретирующие само понятие ценности: как вневременной и внепространственной объективной сущности, иррациональной по природе (Платон, Н. Бердяев, Н. Гартман, Н. Лосский, Г. Лотце, Вл. Соловьев, С. Франк, М. Шеллер и др.); как социокультурного феномена, внутренне присущего социальному бытию (Г. Зиммель, Г. Маркузе, В.С. Степин и др.); как идеального продукта материальных и духовных потребностей индивида (Т. Гоббс, Дж. Локк и др.); как следствие воздействия физиологических факторов на становление потребностей индивида (А. Шопенгауэр, Ю. Вейденгаммер, З. Фрейд, Э. Фромм и др.).

Второе направление – понимание ценности как субъективного феномена, как порождения совокупных особенностей индивида. Здесь ценность может рассматриваться как выражение индивидуальности субъекта, его уникальной души (И. Кант, А. Шейфсбери и др.); как продукт рациональной деятельности человека (Дж. Дьюи, Д. Юм и др.); как продукт физиологического развития индивида (Ф. Ницше, Р.Б. Перри, Дж. Сантаяна и др.). Наконец, ценность может рассматриваться как отношение между субъектом и объективным бытием, как переживание индивидом условий своего существования (Ф. Brentano, Э. Гуссерль, В. Виндельбанд, Г. Риккерт и др.) и т.д. Все перечисленные подходы обнаруживают те или иные стороны ценностей, которые фиксируются в речевой деятельности человека и могут быть смоделированы на основании характера представления определенных смыслов ценностей, репрезентированных в индивидуальной речи.

Введение понятия «ценность» в философский оборот принято связывать с именем Р.Г. Лотце и с его трехтомной книгой «Микрокосм. Мысли о естественной и общественной истории человечества. Опыт антропологии», вышедшей в свет с 1858 по 1864 г.,

хотя, как мы уже говорили, понятие использовалось и в более ранние исторические эпохи.

Р.Г. Лотце пишет: «Все мимолетное, мнимое менее ценно, оно лишь оказывает определенное впечатление на нашу душу. Гораздо большую ценность имеет то, что находится в гармонии с естественными и общими чертами организации, используемой для освобождения духа, предоставления ему возможности выполнять свое предназначение беспрепятственно. И, наконец, наивысшую ценность представляет все, что постоянно воспринимается приятным столь идеальной душе, такой, которая не имеет ни малейшего отклонения развития внутренних состояний. Ценностей выше этой не существует» (Цит. по: [Столович 1994, с. 126]).

И. Кант относит к абсолютным ценностям добрую волю, которая, в свою очередь, определяет другие ценности; при этом ценность и нравственность являются для И. Канта тождественными понятиями. И. Кант акцентирует, что ценностями могут быть не вещи, а действия, «выполняемые на основании долга, доброй чистой воли или стремления к определенной цели. С такой точки зрения этика объединяется с теорией познания и эстетикой, основываясь на выстраивании ценностей в определенную иерархию...» [Кант 1994, с. 338]. Наивысшая человеческая ценность – способность делать добро ради него самого.

На труды И. Канта опирался и М. Шелер, который считал, что ценности объективны, связаны с природой вещей, их нельзя сформировать или уничтожить. Главными ценностями М. Шелер считал Бога, религиозность, святость и веру. Отсюда и мнение о том, что ценности формируются на эмоциональном уровне (ненависть и любовь философ называет априорными чувствами) и не регулируются логически. Ценности существуют вне времени, они едины, нераздельны, целостны, хотя и могут принадлежать разным «носителям»: так, артефакты духовной культуры могут восприниматься как ценности сразу у многих людей, но с разной степенью глубины.

Подчеркивая важность разграничения событий и действий в жизни человека на главные и второстепенные, Г. Риккерт отмечал: «Ценности помогают распределять процессы по мере значимости, отодвигая некоторые на второй план и ставя другие на первый. У историков бы не было интереса к индивидуальным и одноразовым

Психолингвистический анализ трансформации содержания базовых этнических ценностей в русской культуре

процессам, вызванным «романтической школой» или «Возрождением», если бы данные процессы не были связаны с эстетическими, политическими или любыми другими общими для всего человечества ценностями» [Риккерт 1997, с. 314–315].

Спорные вопросы аксиологии в своих исследованиях рассматривает М. Хайдеггер, полагая, что ценностные ориентиры препятствуют пониманию действительной сути мира, постижение которой возможно исключительно рационально: «...любому проявлению гуманизма свойственна метафизичность. Гуманизм никоим образом не затрагивает вопросы бытия индивидуума, даже, наоборот, препятствует самому их появлению, так как не понимает этих вопросов, имея метафизическое происхождение [Хайдеггер 1993 электронный ресурс].

Для определения и изучения феномена ценности основополагающими исследованиями в современной отечественной аксиологии являются, на наш взгляд, работы Г.П. Выжлецова, М.С. Кагана, Н.С. Розова, Л.Н. Столовича, хотя интерес российских ученых к проблеме ценностей стал активно формироваться уже в 60-е гг. XX в. (см., например: [Тугаринов 1960], [Василенко 1966], [Дробницкий 1967] и др.).

Так, В.П. Тугаринов связывает ценности с личными и общественными потребностями, с целями, интересами, стремлениями индивида, называя одной из главных характеристик ценности полезность: «ценность – это то, что полезно и необходимо конкретному человеку или обществу в целом» [Тугаринов 1966, с. 14]. Г.П. Выжлецов утверждал наличие многоуровневой, сложной структуры ценностей в рамках определенной культуры, подчеркивая, что «ценности возникают и существуют в процессе формирования социокультурных отношений. Они субъективно переживаются каждым отдельным человеком посредством норм, категорий, идеалов, оказывая большое воздействие на общественную и индивидуальную жизнь через духовно-эмоциональную сферу человека и его интеллект» [Выжлецов 2010 электронный ресурс]. В работах М.С. Кагана акцентируется субъектно-объектный характер ценностей, при этом человек является «носителем своего отношения к миру, в котором он живет, учитывает его идеалы, потребности, осо-

бенности» [Каган 1991, с. 348]. М.С. Каган различает оценку и ценность: ценность – это значимость объекта для конкретного субъекта, оценка – это интеллектуальное и эмоциональное значение реалии для субъекта [Каган 1991]. Н.С. Розов подчеркивает, что «ценности – это совершенно новая форма мировоззрения», способная вытеснить старую религию, идеологию, мифологию [Розов 1998].

Независимо от исторического периода развития общества именно ценностная система лежит в основе организации общества, ценности – «это самые высокие регуляторы общественного поведения человека, понимание и исследование которых позволит предвидеть поведение индивидуума, а также влиять на него» [Сурина электронный ресурс].

Сегодня аксиология – это самостоятельный раздел философии, в котором ценности, материальные и духовные, исследуются в самых различных аспектах. Сформированы новые смыслы ценностей, обусловленные доминирующими факторами той или иной исторической эпохи. Сохраняются прежние смыслы, и все они вместе образуют многоуровневые, сложные, иерархические системы ценностей, без которых не существует ни одна культура мира. Ценности объединяют субъективное и объективное в бытии, с их обязательным участием реализуется процесс интериоризации реального мира человеком и соотношение внутреннего мира индивида с действительностью.

В аксиологии ценности изучаются как (1) важнейший структурно-целевой компонент бытия человека и этноса в *онтологическом* аспекте. Ценность рассматривается и как (2) необходимый элемент процесса познания, определяющий выбор объекта познавательной активности – в *гносеологическом* аспекте. Если акцентируется мысль о предпочтении индивидом определенной формы саморазвития, направленность к совершенному бытию, но можно говорить об (3) *антропоцентрическом* аспекте изучения ценностей, приводящему к формулированию доминирующих смыслов жизни. Подчеркивая мысль о том, что при формировании содержания ценностей велика активность субъекта, направленность его деятельности на определенный результат, исследователи выделяют (4) *праксеологический* аспект. Наконец, акцентируя, что ценности во многом определяют характер интерпретации реальности, говорят о (5)

герменевтическом аспекте. В любом из перечисленных аспектов ценность как аксиологическое понятие, регулирующее бытие социума, связывает мир и индивида.

Ценности, даже если они при сопоставлении разных культур рассматриваются как универсальные, будучи аксиологическими понятиями, принадлежат субъективному восприятию и сознанию и существуют в индивидуальных смыслах. «Ценность уникальна в восприятии, переживании ее отдельным субъектом и наполнена глубоким общественно значимым смыслом и содержанием и, таким образом, воплощает собой единство единичного и всеобщего. Ценность не существует без оценивающего субъекта и без самого процесса оценивания» [Баева 2003, с. 14].

Эти положения методологически соотносимы с фундаментальным положением психологии и психолингвистики, согласно которому предмет, включенный в активную деятельность субъекта, приобретает личностный смысл, индивидуальную значимость в рамках совершаемой деятельности, в том числе и речевой, а потому является для нас одной из составляющих теоретико-методологической базы исследования.

1.2. Специфика понимания ценностей в социологии

Понятие ценности, всесторонне изучаемое в философии, необходимо не только в анализе бытия человека, но и в исследовании социальных процессов и их динамики. Первоначально термин «ценность» возник в среде социологов, рассматривающих общество как объединение людей, у которых имеются общие интересы, цели и ценности. У. Томас и Ф. Знанецкий отметили, что под ценностями следует понимать такую совокупность правил, «в соответствии с которыми среди членов одной группы *сохраняются, регулируются, распространяются соответствующие типы действий*» [Цит. по: Беккер, Босков 1961, с. 114] (курсив наш. – Ч.В.). Это определение подчеркивает не константный характер содержания ценностей, а их деятельностный характер, что для психолингвистического исследования чрезвычайно важно, поскольку соответствует основному методологическому принципу психолингвистической научной парадигмы – деятельностному. Поэтому в обзоре мы будем представлять только те исследования, которые так или

иначе соотносятся с избранной нами парадигмой или могут быть использованы в ней после методологической обработки. Мы хотим подчеркнуть, что необходимость рассмотрения деятельностного начала в присвоении ценностей постепенно осознавалась в недрах различных наук.

Проблема ценностей на протяжении последних ста лет исследовалась в работах таких известных мыслителей, как Ф. Адлер, Г. Беккет, П. Блау, Ф. Гросс, К. Клакхон, Н. Луман, Р. Мертон, Дж. Мид, Т. Парсонс, М. Рокич, Н. Смелзер, П. Сорокин и др.

П. Сорокин, основоположник стратификационного подхода в социологии, продемонстрировал, что формирование методологической базы социологического изучения ценностей в XX в. детерминировано особенностями развития общества [Сорокин 1992]. Исследователь считает, что «смысл», «ценность» и «норма» могут быть отождествлены, поскольку все они характеризуют суть *личности*, при этом норма – отправная точка для создания ценностного смысла. Ценности лежат в основе формирования культуры, и «каждая система ценностей имеет определенные особенности, включая позитивные, негативные стороны» [Сорокин 1992, с. 40]. Система ценностей складывается из взаимодействия эффективных действий человека. Таковым действие становится в случае наличия трех составляющих: (1) действующих субъектов, вступающих в различные типы социальных отношений, (2) системы норм, ценностей и функциональных значений, которые детерминируют процесс коммуникации, (3) набора действий и артефактов как инструментов достижения поставленных целей [Сорокин 1992]. Таким образом, в позиции П. Сорокина представлена система факторов, определяющих специфику социального существования ценностей и, следовательно, специфически обуславливающих речевую деятельность и проявляющихся в ней.

Важным для психолингвистического исследования ценностей является утверждение Т. Парсонса, основоположника структурного функционализма, о том, что ценность – важный элемент определенной символической системы, представляющей стандарты поведения [Парсонс 2002], сформированные под влиянием социальных

Психолингвистический анализ трансформации содержания базовых этнических ценностей в русской культуре

событий. Следовательно, содержание тех или иных ценностей может быть смоделировано в результате анализа поведения индивидов, в том числе и речевого.

По мнению Т. Парсонса, ценность будет существовать в обществе, даже если она не будет принята отдельным человеком. Отсюда следует, что базовые ценности – это основа, которая обеспечивает связь общества и личности. Другими словами, происходит ретрансляция базовых ценностей в культурные образцы конкретного социума, там она внедряется в сознание нового поколения, принуждает его к социализации. Следовательно, та система базовых ценностей, которая сложилась в обществе, в состав которой вошел индивид, когда родился, заранее предопределяет выбор этих ценностей. Т. Парсонс рассматривает интернализацию ценностей, как один из основных механизмов, которые воспроизводят социальные системы, упорядочивает и поддерживает равновесие системы. Он считает, что для общественных изменений, а именно проведения реформ в социальной сфере, оптимальным средством будет создание института ценностных ориентаций [Парсонс 2002]. Интересно, по Т. Парсонсу, механизм формирования модели поведения человека, включающий следующие переменные: эмоции, ориентация на окружающих людей, стремление к обособленности, повышение результативности действий, специфика рассеянного восприятия информации [Парсонс 2002]. В такой модели объединяются параметры, представляющие как физиологические, так и социальные черты личности, что способствует более диалектичному пониманию сущности ценностей.

К. Клакхон полагал, что ценностями нужно считать представления о желаемом, которые могут быть явными или скрытыми, индивидуальными или групповыми. От содержания ценностей человека зависят конечные цели, средства и способы его действия, которые выбираются индивидом из всех существующих и, подчеркнем, могут совпадать или не совпадать с предпочитаемыми социумом [Kluckhohn 1951]. Здесь, как мы полагаем, по сути, акцентируется, что предмет познания приобретает ценность только в деятельности человека. Это убеждение можно сформулировать в виде теоретико-практической гипотезы: если содержание одобряемого обществом действия реализуется в деятельности человека, то можно

считать, что он разделяет общественные ценности. Однако если индивид, зная об одобряемых обществом способах действия, не использует их в своей конкретной жизнедеятельности, это означает, что эти способы не являются ценностными для данного человека. Вот почему исследовать систему ценностей индивида и общества в целом очень трудно: человек может осознанно говорить одно, но действовать иначе, что и проявляется, как мы покажем, в речевой и иных типах его деятельности. Только исследование деятельности индивидов помогает понять, что внутри общества живут люди, по-разному эксплуатирующие содержание общих представлений и идеалов, которые выполняют, скорее, ориентирующую функцию. Поскольку присвоение ценностного содержания – это сложный познавательный процесс, базирующийся на всем содержании ассоциативно-апперцепционной базы человека, в нем значительное место занимает эмоциональное отношение к миру.

К. Клакхон уверен, что без ценностей ни одна личность не смогла бы понять себя, у нее отсутствовал бы эталон, определяющий и соизмеряющий цель его деятельности с деятельностью других членов общества [Kluckhohn 1951], без чего комфортно существовать в социуме невозможно (см. положение С.В. Лурье о культуре как защитном механизме социума: [Лурье 2004 электронный ресурс]).

В концепции М. Рокича акцентируется, напротив, что ценностью следует считать устойчивое убеждение в том, что «определенный способ (mode) действия или определенные жизненные цели более предпочтительны для индивида и общества другим способам деятельности или другим конечным целям» [Rokeach 1973, с. 107–117]. Исследователь считает, что общее количество значимых ценностей невелико, но они определяют развитие общества в целом: его культуры, социальных институтов, каждой личности, хотя и имеют разную значимость для отдельного человека. Ценности в рамках определенной культуры организуются в иерархические системы, и эти системы могут значительно отличаться, даже если в них включены тождественные или сходные компоненты.

Как правило, в качестве заслуги М. Рокича отмечается разделение им ценностей на терминальные и инструментальные. К терминальным принадлежат предпочитаемые обществом ценности – идеалы.

Психолингвистический анализ трансформации содержания базовых этнических ценностей в русской культуре

К инструментальным относят поведенческие режимы, стили, способы, которые предпочитает индивид. Следовательно, и в этой концепции тоже подчеркнута необходимое включение «общего содержания» в конкретную деятельность индивида – тогда и только тогда ценность приобретает для него детерминирующий характер.

Ш. Шварц использовал для исследования ценностей многомерные методы статистики, что позволило ему установить идеальную модель системы ценностей, выстроить иерархическую структуру ценностей. Важно, что эта идеальная схема коррелировала с измерениями М. Рокича.

Представим существенные компоненты понятия «ценность», которые выделил Ш. Шварц, опираясь на предшествующие исследования.

1. Ценности представляют собой сложные связи убеждений и аффектов, что, как представляется, позволяет индивиду специфически присваивать их и формировать свои действия в соответствии с ними.

2. Ценности, реализуясь в конкретной деятельности, формируют ее индивидуальные мотивы и принимают участие в формировании ее целей.

3. Ценности являются эталонами действий и выполняют функцию критерия при сравнении действий индивидов.

4. В каждом обществе формируется иерархическая система ценностных приоритетов, которая выполняет руководящую функцию в деятельности индивида (Цит по:[Карандашев 2004]).

М. Вебер разработал концепцию ценностно-рационального социального действия как «объективного обоснования определенных поступков людей» [Вебер 1990, с. 628], обращая особое внимание на эстетические и религиозные ценности.

Но, несмотря на оригинальные и многоаспектные исследования ценностей в социальном аспекте, единой теории пока нет: существуют разногласия по поводу сущности ценностей, их типов, классификации и влияния на становление и развитие культуры. Так, ценности могут рассматриваться как «разделяемые в обществе (общности) убеждения относительно целей, к которым люди должны стремиться, и основных средств их достижения (терминальные и инструментальные ценности)» [Смелзер 1994, с. 78]; как

«обобщенные цели и средства их достижения, играющие роль фундаментальных норм» [Лапин 1996, с. 37], которые выполняют, с одной стороны, интегрирующую функцию в обществе, с другой – регулируют выбор поведения индивидов «в жизненно значимых ситуациях».

Эта же идея регулятивной функции ценностей подчеркивается в работах В. Магуна. Исследователь полагает, что ценности влияют на принятие индивидом конкретного решения, потому что, отражая специфические стандарты поведения, позволяют проанализировать ситуацию и выбрать оптимальную модель поведения [Магун, Руднев 2010].

Таким образом, в социологической науке ценностями считаются сущности объективного и абстрактного характера, которые формируются под влиянием конкретных условий бытия социума и выполняют регулирующую функцию в деятельности общества в целом и конкретных его представителей. Ценностные системы всегда иерархичны, но человек осознает эту иерархичность далеко не всегда и частично, что определяется условиями его конкретной деятельности. Следовательно, с учетом социологических работ важным аспектом исследования ценностей в психолингвистике может стать выявление мотива речевой деятельности, позволяющего установить значимость той или иной ценности для индивида.

1.3. Исследование ценностей в психологии

Ценности можно интерпретировать как репрезентацию человеческих представлений о том, какие принципы операционально, неосознаваемо становятся основой жизни людей и какие цели определяют их бытие. При этом важно определить, какое влияние оказывают ценности на мотивы человеческих поступков и какие факторы детерминируют присвоение содержания тех или иных ценностей индивидом или их игнорирование. Кроме того, выявляя мотивы деятельности человека, необходимо определить иерархию ценностей в его представлениях о жизни, поскольку именно этой иерархичностью определяется поведение индивида в конкретных условиях бытия. При этом личностная иерархия ценностей может значительно отличаться от идеальной схемы, которая характери-

Психолингвистический анализ трансформации содержания базовых этнических ценностей в русской культуре

зует то или иное общество в целом, и это вполне закономерно: жизнедеятельность каждого человека определяется степенью его индивидуальной социализации и, следовательно, личностным смыслом всех предметов его деятельностей, в том числе и личностным смыслом ценностей. Вместе с тем социально значимое содержание ценностей выполняет в обществе консолидирующую функцию, поскольку согласовывает деятельность членов сообщества, предписывая нормы, правила и регламенты поведения индивидов.

Активное научное исследование проблемы ценностей в психологии началось в 30-х гг. XX в. В. Дильтей отметил роль чувств и эмоций в душевной жизни человека, через которые он выражает свое отношение к ценностям. Только то, что человек прочувствовал, может являться для него ценным, поэтому «отделить чувства от ценностей никак нельзя» [Дильтей 1996, с.108].

Э. Шпрангер подчеркивает, что у человеческой души есть возможность отражать объективные ценности, появляющиеся в жизни индивида, – дух, духовную жизнь, культуру [Шпрангер 1992].

Г. Оллпорт считает, что ценность проявляется как субъективный смысл реалии. Большинство ценностей, по его мнению, основаны на морали, а внутренние, личностные ценности достигаются подчинением этическим правилам, будучи усвоенными путем внешнего подкрепления со стороны общества. Личность проявляет свою «функциональную автономию», по мнению Г. Оллпорта, превращая ценности из внешних во внутренние, когда «категория знаний» становится в деятельности человека «категорией значимости»: Г. Оллпорт подчеркивает, что ценность возникает только тогда, когда она присваивается личностью, когда становится внутренним ее свойством и потребностью [Оллпорт 1998].

Дж. Брунер выделяет коллективные и индивидуальные ценности, подчеркивая, что индивидуалистическая ориентация распространяется по мере овладения людьми окружающим миром. Основные ценности индивидуалистической культуры – свобода в поступках и самодостаточность, самостоятельность в суждениях, власть над окружающими – позволяют индивиду чувствовать себя комфортно в любом окружении или в одиночестве, отличаться от других и быть независимым. Основные ценности коллективистской культуры – следование традициям, послушание, чувство

долга; они способствуют сохранению единства группы, взаимозависимости ее членов и гармоничным отношениям между ними [Брунер, Гудмен 1998].

Эти идеи активно поддерживаются и развиваются и в отечественной психологии, когда отмечается, что ценности и представления о них являются, с одной стороны, регуляторами поведения личности, с другой – посредниками, с помощью которых осуществляется социальное воздействие на личность [Бобнева 1978]. Поддерживая такую позицию, К.К. Платонов отмечает, что главным фактором структурирования личности является ее направленность, которая интегрирует ее убеждения, мировоззрение, интересы, идеалы, моральные качества, мотивы [Платонов 1986]. При этом воздействие социума не исключается, но, как правило, это воздействие все-таки корректируется направленностью личности.

В русской психологии сильны традиции культурно-исторической школы Л.С. Выготского, в соответствии с которыми важна социальная опосредованность ценностей и ориентаций личности, а сама личность является элементом общества [Выготский 1996]. Как утверждает Л.С. Выготский, индивид способен осваивать культурные ценности, развивать себя в процессе социальной коммуникации: любое присвоение знаний другого осуществляется индивидом через использование знаковых средств коммуникации, в том числе языка как универсального средства общения. Именно с помощью символических знаковых систем происходит актуализация ценностей и их внедрение в сознание каждого человека [Выготский 1996].

Исследователи выделяют несколько *форм существования ценностей*: «1) общественный идеал, представление абстрактного характера про атрибуты должного в различных сферах жизни общества, которое выработало его сознание; 2) произведения материальной и духовной культуры или поступков человека, как конкретное предметное воплощение ценностных идеалов для общества; 3) личностные ценности, которые образуются из социальных ценностей, а затем преобразуются под индивидуальные особенности человека и входят в его психологическую структуру. Именно личностные цели – один из основных источников, мотивирующих поведение человека» [Петровский, Ярошевский 1990, с. 442].

Отсюда следует, что личностно актуальные ценности обязательно соотносятся со стандартами ценностей, которые действуют для групп, классов, нации, социальных систем, хотя субъективное их содержание определяется одновременно мотивационными личностными ориентациями. Поэтому ценности, по мнению С.Л. Рубинштейна, нельзя считать конкретной вещью, явлением – это как раз принципы и мировоззренческие установки, определяющие жизнь индивида и социума [Рубинштейн 2001]. (Возможно, впрочем, что в строго научном плане следует различать стоимость (вещи) и ее ценность как значимость для индивида. При этом вещь, обладающая малой стоимостью, вполне может быть ценностью для человека).

Однако разное толкование понятие «ценность» и актуализация разных его аспектов, тем не менее, позволяет выделить такие содержательные компоненты понятия, которые являются общими для всех дефиниций и отметить, что *базовыми* являются такие ценности, которые (1) представляют собой комплекс жизненных идеалов и принципов поведения, которые человек определяет в культурной сфере, (2) они отражают доминирующие потребности общества. Этому не противоречит понимание ценности как определенного убеждения, принимаемого всеми членами определенной социальной группы, независимо от ее численности, социальной принадлежности и направленности. Ценность выступает регулятором и мотивационной доминантой деятельности группы, передается от одного поколения другому.

1.4. Разграничение понятий «ценность» и «ценностная ориентация»

Для нашего исследования представляется необходимым разграничить понятия ценностей и ценностных ориентаций, поскольку последнее подчеркивает *индивидуальную форму репрезентации и существования ценностей*.

Каждая культура создает свою нормативную систему ценностей, но отношение между ценностными ориентациями индивидов и социально одобряемыми поведенческими нормами всегда диалектично. Понятие «ценностная ориентация» акцентирует положе-

ние о том, что именно индивид специфически присваивает ценности, которые становятся / не становятся сознательными регуляторами его поведения. Ценностные ориентации активно исследовали в своих работах Дж. Мид, М. Рокич, В. Томас, Ф. Знанецкий, Б. Шледер, А. Маслоу, Т. Парсонс и многие другие.

Особое внимание уделено ценностным ориентациям в работах многих российских исследователей ([Здравомыслов 1966], [Здравомыслов 1986], [Дробницкий 1966], [Дробницкий 1967], [Тугаринов 1968], [Узнадзе 1966], [Рубинштейн 1973], [Леонтьев 1977], [Асмолов 1996], [Ломова 1984], [Василюк 2003], [Ананьев 2008], [Ядов 2009] и многие др.).

Понятие «ценностные ориентации» в современной психологии рассматривается как предпочтение/отвержение определенных смыслов в качестве принципов организации жизни индивида, а также готовность/неготовность к тому, чтобы поведение человека им соответствовало. Таким образом, ценностные ориентации направляют интересы личности, определяют иерархию ее предпочтений и образцов поведения, программу целей и мотиваций – в целом представление о том, что является должным.

Это положение активно используется и философией, которая отводит ценностным ориентациям главную роль в становлении сознания и благодаря которой личность становится устойчивой. Развитость ценностных ориентаций свидетельствует о зрелости личности и ее социальной адаптированности, способности придерживаться определенных идеалов и принципов, а также возможности реализовать эти ценности и идеалы [Артюхова 1999]. В целом мотивация поведения, готовность предпринимать действия, чтобы удовлетворить интересы и потребности, направленность человеческого поведения определяются системой ценностных ориентаций [Нагоева 2011].

Вместе с тем психологи не только прослеживают тесную связь между развитием ценностных ориентаций и развитием направленности личности индивида, но и указывают на их тесную связь с социальным существованием человека. По мнению Б.Ф. Ломова, под направленностью следует понимать отношение получаемых и взятых личностью от общества ценностей, как материальных, так и

Психолингвистический анализ трансформации содержания базовых этнических ценностей в русской культуре

духовных, к тому, что она способна дать обществу и как может способствовать его развитию. Он считает, что именно направленность выражает ценностные отношения личности субъективного характера к деятельности с разных сторон. Также Б.Ф. Ломов подчеркивает, что, являясь психологической системой, ценностные ориентации должны рассматриваться как многомерное динамическое пространство, каждое измерение которого отвечает конкретным отношениям в обществе и значимо для каждой личности в разной степени [Ломов 1984]. С.Л. Рубинштейн считает, что общественная ценностная шкала является показательной в деятельности человека, когда удовлетворяются непосредственные потребности общества. Когда удовлетворяются личные и индивидуальные потребности через деятельность, которая несет пользу обществу, способствует его развитию, будет реализовываться отношение личности к обществу и, как следствие, личностное значимое будет соотноситься с общественным [Рубинштейн 1973]. Ценностные ориентации, по мнению Д.А. Леонтьева, показывают, что субъект осознанно представляет, что для него является ценным [Леонтьев 1996]. Разные формы проявления ценностной ориентации – это ориентир для деятельности индивида, благодаря которому он получает возможность дать оценку окружающему миру. Индивид, присваивая базовые ценности, формирует в себе новые потребности, и поэтому ценности становятся для него ориентиром в деятельности [Леонтьев 1996]. Определенные ценностные ориентации могут восприниматься отдельными людьми и группами социума как фундаментальные. Как считает Е.Ш. Курбангалеева, ценностные ориентации отдельного человека и социальных групп могут привести к образованию новых поведенческих норм, ценностей и идеалов для общества в целом [Рябов Курбангалеева 2003]. Ценностные ориентации оптимизируют поведение, дают личности возможность удовлетворить свои основные потребности при использовании тех способов и ценностей, которые есть у общества [Семенов 2013]. Мы согласны с А.А. Семеновым и считаем, что в структуру нравственного сознания включены ценностные ориентации. Благодаря этому появляется возможность уловить самые общие факторы мотивации поведения социального характера, которые берут свое

начало в социальной и экономической общественной природе, среде формирования и повседневной деятельности личности.

Из вышесказанного следует, что для личности присвоение содержания социальных ценностей и формирование ценностной ориентации является сложным, подчас противоречивым и постепенным процессом. Поэтому проведение эксперимента, позволяющего сделать срез содержания ценностей в определенный момент существования социума, является важным способом получения психологически достоверной информации как об актуальном содержании той или иной ценности, так и о личностном понимании ее содержания отдельными членами сообщества.

Ценностные ориентации психология связывает с *установкой* – неосознаваемой психологической предрасположенностью к определенной активности в определенной ситуации. Установка базируется на опыте субъекта и предшествует разворачиванию любой психической деятельности индивида. Первоначальное объяснение феномена установки было осуществлено в рамках физиологической психологии С. Экснером и Л. Ланге в 1886 г., которые сводили установку к определенным физиологическим процессам. Общепсихологическая теория установки была разработана школой Н.Н. Узнадзе еще в 50-х гг. XX в. Д.Н. Узнадзе подчеркивает, что установка – это отношение потребностей к ситуации, определяющее весь функциональный статус личности в данный момент. Стронниками школы Д.Н. Узнадзе были выделены разные типы установок: простейшие, а также сложные социальные, в том числе и ценностные ориентации личности [Узнадзе 1966]. Последнее понятие важно для нашего исследования, поскольку мы ставим своей задачей выявление того, присвоена или нет определенная социальная ценность тем или иным субъектом (персонажем исследуемой прозы).

Изучение психологической установки могло бы составить отдельный аспект специального исследования, однако текст художественной литературы не дает оснований для выявления условий становления тех или иных установок – это проверяется в эксперименте.

Важную роль в исследовании установки сыграл С.Л. Рубинштейн еще в 40-х гг. XX в. Он подчеркнул, что общественно значимые цели и задачи могут становиться для индивида личностно значимыми [Рубинштейн 1998, с. 519–520]. Это положение отчетливо проявляется в поступках, действиях персонажей прозы «деревенщиков». Представляется, что у С.Л. Рубинштейна можно обнаружить объяснение поведению героев деревенской прозы, которые неосознанно принимают нормы общественной жизни и подчиняются им не в силу внешнего давления, а потому, что это стало их внутренней потребностью: «Общественно-значимое, должное, закрепляясь в регулирующих общественную жизнь нормах права и нравственности, становясь и личностно значимым для человека, порождает в нём динамические тенденции иногда большой действительной силы, тенденции долженствования, отличные от первоначальных тенденций влечения по своему источнику и содержанию, но аналогичные с ними по их динамическому эффекту. Должное в известном смысле противостоит тому, что непосредственно влечет, поскольку в качестве должного нечто приемлется не в силу того, что оно меня влечет, что мне этого непосредственно хочется. Но это не означает, что между ними непременно образуется антагонизм, что должному я подчиняюсь лишь как некоей внешней, идущей извне силе, принуждающей меня поступать вопреки моим влечениям и желаниям. Все дело в том, что должное не потому становится значимой для меня целью, что мне этого непосредственно хочется, а я потому этого хочу – иногда всем своим существом, до самых сокровенных глубин его, – что я осознал общественную значимость этой цели и её осуществление стало моим кровным, личным делом, к которому меня влечет иногда с силой, превосходящей силу элементарных, только личностных влечений. В возможности такой обратимости этой зависимости между значимостью цели и влечением, стремлением, волей заключается самая специфическая и своеобразная черта направленности человека и тенденций, которые её образуют [Рубинштейн 1998, с. 520] (курсив наш. – Ч.В.). Установка как психическое состояние, будучи бессознательной, направляет разворачивание конкретных актов мышления и поведения, но по отношению к типичным ситуациям и состояниям может

воспроизводиться. Возможна в последнем случае и смена установки, но такая смена сопровождается перестройкой всего психического строя человека, изменением отношения к тому, что являлось для него значимым. В этом смысле анализируемые тексты демонстрируют постоянство установок у представителей старшего поколения жителей деревни по отношению к базовым ценностям: как бы радикально ни менялись условия жизни, эти люди ценностей установок не меняют; для представителей молодых поколений это оказывается вполне возможным.

На характер присвоения ценностей оказывают влияние социальные нормы. Так, донтические нормы реализуются в морально-этических, правовых нормах, социальных законах и регламентах. Они проявляются в одобряемых, положительно оцениваемых стереотипах поведения, которые регулируют и оптимизируют социальные процессы и нарушение которых оценивается негативно. Эти нормы определяют специфические типы модальности языковых выражений. Так, исследователи выделяют алетическую (объективную) и деонтическую (субъективную) модальность [Булыгина, Шмелев 1992]; последняя реализуется в социально детерминированных компонентах речи, связанных с осуществлением долга, с требованиями к поведению коммуникантов, она модальность предписывает что должно, что разрешено и что запрещено. В текстах писателей-«деревенщиков» такая норма если и реализуется, то не по отношению к осмыслению ценностей. Герои вообще не рассуждают о том, что должно и можно – они внутренне, неосознаваемо реализуют свои представления о ценностях в повседневной жизни – во всех ее проявлениях – и могут допустить лишь негативную оценку чего-то, нарушающего эти представления.

1.5. Основные классификации базовых ценностей как представление их доминантного содержания

Понятие «базовые ценности» трактуется по-разному. Ценности могут рассматриваться как «универсалии смысла», как смыслы «объективного характера», одинаковые для всего человечества во все времена [Франкл 1990]. Ценности могут быть всеобщими, но ценность становится значимой, когда индивид принимает ответственность за то, чтобы она была реализована.

Психолингвистический анализ трансформации содержания базовых этнических ценностей в русской культуре

По сути, этой же точки зрения придерживаются ученые, когда говорят о том, что ценности являются основными смыслами в жизни, используемыми индивидами в качестве ориентиров в разных сферах жизни; это «смыслы, способные в высокой степени определять отношение индивидов к окружающей их действительности и детерминирующие основные модели социального поведения» [Андреева, Ратнер, Глухих 2014, с. 100].

Ценностями можно считать идеи и взгляды социального и социально-психологического характера, которые разделяет общество и наследует каждое новое поколение. Этнический коллектив рассматривает ценности в качестве образца, которому нужно соответствовать [Стернин 1996, с. 18].

Сегодня ценности могут классифицироваться по разным параметрам: по предмету, направленности (социально-политическая, экономическая, нравственная), субъекту отношений (индивид, группа, класс, социальная группа, коллектив и общество в целом). Ценности могут дифференцироваться на основании различных признаков, но чаще всего они делятся на духовные и материальные. К материальным ценностям относятся продукты труда человека в их огромном многообразии, к духовным – произведения искусства, памятники истории, научные открытия, совершенные нравственные подвиги и под. «творения человеческого духа.

Акцентируя цели использования ценностей и их инструментальный характер в познавательных процессах, М. Рокич выделяет (1) терминальные и (2) инструментальные ценности. В первую группу входят сформулированные убеждения и стремления индивида, помогающие достичь конечной цели личности и общества в целом, определяющие путь их совершенствования. Ко второй группе относятся предпочтения в конкретной ситуации определенных действий с точки зрения личности и общества. Эта часть ценностей более стабильна [Рокич 1969].

Иерархия ценностных представлений предполагает возможность объединения их, по Д.А. Леонтьеву, в определенные блоки по разным признакам; такие блоки могут рассматриваться как в известной степени полярные ценностные системы:

- конкретные жизненные и абстрактные ценности (здоровье и свобода, семейная жизнь и познание);

- самореализация в профессиональной сфере и личные ценности (интересная работа и наличие друзей, творчество и развлечения);

- ценности, важные для индивида и ценности, важные для других людей (творчество, свобода, активная деятельность, развлечения и др.);

- ценности активного и пассивного характера (свобода, активная деятельность, продуктивная жизнь, интересная работа и красоты природы и искусства, самоуверенность, познание, жизненная мудрость) [Леонтьев 1992].

Д.А. Леонтьев выделяет также ценности, которые нельзя однозначно отнести ни к одной их выделенных групп: *этические* (честность, невозможность примириться с недостатками). Это одновременно ценности межличностного общения (воспитанность, жизнерадостность, чуткость) и профессиональной самореализации (ответственность, эффективная деятельность, высокий уровень исполнительности, твердая воля); индивидуалистические (высокие запросы, независимость, твердая воля) ценности, которые одновременно носят конформистский (высокий уровень самоконтроля, исполнительности, ответственности) и альтруистический характер (терпимость, чуткость, широкие взгляды); самоутверждающие (непримиримость, смелость, твердая воля) и ценности принятия индивидом других личностей, его терпимость, чуткость, широкие взгляды; интеллектуальные (образованность, рационализм, контроль самого себя) и то, что окружающий мир воспринимается через человеческие эмоции, в частности, радость жизни, честность и чуткость [Леонтьев 1992].

Венгерский социолог Ф. Патаки представил иную классификацию ценностей:

- ценности общественно-политического характера (жизнь индивида и общества, оценка отношения к перспективам развития общества, чувство патриотизма и интернационализма и др.);

- коллективистские (солидарное отношение к другим лицам, совместная деятельность, высокий уровень соблюдения дисциплины, умение согласовывать личные интересы и подчинять их интересам общества и др.);

Психолингвистический анализ трансформации содержания базовых этнических ценностей в русской культуре

- интерперсонального характера (дружественные и сексуальные отношения, отношение индивида к людям своего и старшего возраста, способность давать оценку тому, как ведут себя окружающие);
- объективированные (наука, мораль, искусство);
- ценности «Я» (личные перспективы, карьера, выбор профессиональной деятельности);
- предметные (предпочтительное поведение, оценивание потребительских предметов [Патаки 1987]).

По мнению Н. Бердяева, в бытии человека свобода является первичной и абсолютной. Он заявлял, что именно акт его свободы утверждает базовые духовные ценности в первую очередь. И если свобода не может их утвердить, они просто исчезают. Свободы совести и духа являются теми свободами, на отказ от которых у человека нет права, если ему важно достоинство. Совесть является верховенствующей ценностью, поэтому отчуждать ее нельзя ни во имя чего или кого бы то ни было [Бердяев 1998]. Считая установку иерархии ценностных ориентаций трансцендентной функцией сознания человека, Н.А. Бердяев выделил ценности «духовного», «социального» и «материального» характера [Бердяев 1990, с. 171]. Кроме совести, базовые духовные ценности для философа – истина, красота, справедливость и др.

Социолог Н. Лапин считает, что базовые ценности следует рассматривать как обобщенные представления человека о целях и нормах поведения, в которых содержится опыт, полученный за время существования человечества; в них содержится концентрированное выражение смысла культуры всего человечества и каждого этноса в отдельности. Отсюда следует, что индивид в своем сознании имеет базовые идеалы, которые и являются основными ориентирами для его действий. Именно на основании этих идеалов и формируется определенное поведение, от них зависит отношение к изменениям в политической и экономической сферах [Лапин 2000].

Н. Лапин относит к базовым следующие ценности: человеческая жизнь – самая высокая ценность, которая только существует у индивида; свобода; нравственность как соответствие поведения человека нормам морали и этики; взаимопомощь; семья, личное счастье, продолжение рода; работа как средство к существованию;

благополучие (здоровье, материальный доход, комфорт); инициатива, предприимчивость, возможность самовыражения, противопоставленность массам; традиционность как уважительное отношение к традициям; независимость, индивидуальность; самопожертвование как готовность прийти на помощь другому человеку даже в ущерб собственным интересам; 12) авторитетность как проявление личной успешности, способности вести конкурентную борьбу, влиять на окружающих; законность как осознанная готовность соблюдать государственный порядок и реализовать свои права наравне с другими; свобода воли [Лапин 2000].

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I

Анализ контекста изучения базовых ценностей показал, что они, как правило, рассматриваются в качестве иерархических систем представлений, определяющих, наряду с экономическими и иными факторами, существование и развитие этноса, оказывают регулирующее влияние на жизнь индивида и социума в целом. Благодаря им индивид получает возможность осмыслять и регулировать свое поведение, используя ценности как систему социально одобренных моделей, эталонов, стереотипов. Ценности участвуют в мотивации всех видов деятельности индивида, будучи присвоенными в процессе познания действительности и став компонентом содержания сознания человека. Взаимодействие ценностных ориентаций и направленностью человеческой личности образует основу мировоззрения и мотивации.

В связи с определяющей ролью ценностей в бытии социума и индивида их изучение является одним из центральных вопросов в современных гуманитарных науках, которые устанавливают специфику содержания базовых ценностей, их структуру, факторы, воздействующие на их стабильность и динамику, а также систему средств, в которых воплощаются базовые ценности.

Приведенные классификации ценностей позволяют сказать, что все они являются формальными, поскольку в них используются произвольные критерии, зависимые от целей конкретного исследования. Вместе с тем упорядочение ценностей способствует более системному их усвоению и описанию. Все перечисленные (и другие) ценности в рамках определенной культуры выстраиваются в

Психолингвистический анализ трансформации содержания базовых этнических ценностей в русской культуре

иерархические системы, обусловленные конкретными культурно-историческими условиями развития общества. Они отвечают разным уровням и стадиям развития личности и проявляются в разных сферах ее жизни.

Анализ различных аспектов научного исследования ценностей проведен нами с целью обоснования методологии изучения речевого произведения как репрезентанта базовых аксиологических понятий и способов вербального воплощения их содержания. В аксиологических исследованиях подчеркивается активность субъекта при формировании содержания ценностей, направленность его деятельности на определенный результат, что соответствует одному из главных положений теории речевой деятельности, согласно которому только объект, включенный в активную деятельность субъекта, приобретает индивидуальную значимость в рамках совершаемой деятельности, в том числе и речевой. Кроме того, философы и социологи подчеркивают динамичный характер системы ценностей, зависимость ее от характера деятельности субъектов, что соответствует психолингвистической концепции и позволяет методологически верно подойти к анализу языкового материала.

ГЛАВА II. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ БАЗОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ «ВЕРА», «МИЛОСЕРДИЕ», «СЕМЬЯ», «РОДИНА», «ТЕРПИМОСТЬ» В РУССКОЙ ДЕРЕВЕНСКОЙ ПРОЗЕ

2.1. Основные тенденции изучения содержания базовых ценностей «вера», «милосердие», «семья», «Родина», «терпимость» в русской деревенской прозе

2.1.1. Принципы отбора ценностей для анализа

Задача данной главы – выявить содержание базовых ценностей «вера», «милосердие», «семья», «Родина», «терпимость», репрезентированных в русской деревенской прозе.

Базовые ценности представляют собой своеобразные содержательные коды, специфичные для каждой культуры. Для целей монографии были выбраны ценности, выделенные по результатам проведения проекта «Томская инициатива», – «вера», «милосердие», «семья», «Родина», «терпимость». Процесс выявления наиболее важных для русской культуры ценностей в рамках указанного проекта подробно описан в книге «Базовые ценности россиян» [Рябов, Курбангалеева 2003]. Первые попытки составления списка наиболее важных для русского этноса ценностей предприняты еще в 1993 г., когда был составлен список из 242 слов, не включающий так называемые инструментальные ценности. В результате уточнения в 1998 г. список был конкретизирован и уменьшен до 152 слов. Исследования в рамках проекта «Томская инициатива» проводились поэтапно в 2000 – 2001 гг. с использованием для сбора материала методов анкетирования, интервью, приема завершения предложений и др. Тщательный анализ полученного материала позволил представить два обоснованных списка: перечень базовых инструментальных ценностей (186 слов), перечень антиценностей (178 слов). Формулирование списков для социологического исследования осуществлялось на основе следующих принципов: ценностное понятие (1) должно восприниматься как таковое группой людей, (2) быть интегративным, интересубъектным, (3) должно быть дифференцированным и логичным и не выводиться из других понятий. Эти принципы позволили выделить наиболее существен-

Психолингвистический анализ трансформации содержания базовых этнических ценностей в русской культуре

ные ценностные понятия – 38 ценностей и 30 антиценностей, обозначенных лексемами *безопасность, вера, власть, внимание к людям, доверие, долг, достаток, дружба, законность, здоровье, известность, любовь, милосердие, мир, могущество, надежда, независимость, образование, покой, порядочность, природа, профессионализм, равенство, развитие, родина, свобода, семья, смысл жизни, согласие, сотрудничество, справедливость, стабильность, творчество, труд, убеждения, уважение к родителям, удовольствие, успех* и 30 антиценностей: *агрессия, бедность, бездуховность, беззаконие, безответственность, безработица, болезни, взяточничество, война, вырождение, глупость, жестокость, зависть, загрязнение, корысть, лень, месть, наркомания, алкоголизм, непрофессионализм, неудача, обман, одиночество, подлость, порабощение, разврат, разобщенность, святотатство, слабость, хамство, черствость*. Отметим, что в эти списки входили слова, не обязательно отмеченные всеми участвующими в опросах респондентами, но и малыми группами информантов [Рябов, Курбангалеева 2003, с. 20–21].

Ценность представляет собой фундаментальный принцип культуры, а своеобразие ценностей предопределяет специфику той или иной культуры. Поэтому культурные ценности обеспечивают «тождественность действующих субъектов», и «групповая и индивидуальная тождественность выражается в них настолько, что они образуют интегральную составную часть той или иной культуры или личности» [Хабермас 2000, с. 268–269]. Системы ценностей в разных культурах конструируют специфические ценностные ориентиры, представленные в сознании носителей этих культур в виде особенных понятий, обладающих ценностным содержанием – концепты культуры [Ильин 2005]. Именно такие концепты, отражающие моральные и материальные ценности, являются структурообразующим фактором социально-культурной целостности общества. Будучи присвоенными индивидами в виде норм, правил, поведенческих стереотипов, они выполняют регулятивную и ориентирующую функции в разных видах деятельности людей.

Морально-нравственные ценности «вера», «милосердие», «семья», «Родина», «терпимость» входят, по данным исследователей

[Магун, Руднев 2015], в ядро культуры, понимаемой как совокупность материальных и духовных ценностей, воплощенных в различных формах культурной продукции.

В 1990 г. в России начал разрабатываться проект «Наши ценности сегодня». Авторы проекта выделили для анализа 20-30 ценностей, полагая при этом, что они окончательно закрепляются в 18-20 лет и изменяются только в кризисные периоды жизни индивида или социума. С точки зрения значимости ценностей в жизни человека и этноса, они были разделены на ядро, периферию и резерв [Лапин 1996], причем наиболее важными ценностями были названы «семья», «жизнь индивида», «традиция», «порядок», «свобода», «работа», «благополучие», «нравственность», «инициативность», «независимость», «общительность», «жертвенность», «властность», «своевольность». Их анализ показал, что приоритеты в жизненных ценностях изменяются незначительно и медленно, а в ядро были включены также ценности «семья», «порядок», «коммуникабельность», названные 50% респондентов как следствие «ценностно-нормативной социализации» [Лапин 2002]. В периферию ценностной системы вошли «своеволие», «властолюбие» (30% респондентов). При этом среди терминальных ценностей респонденты отдают предпочтение традиционным, а среди инструментальных – сиюминутным жизненным «плюралистическим» ориентирам, что, по мнению Н.И. Лапина, определялось социально-экономическими условиями 90-х гг., реакцией на реформы и кризисы [Лапин 2010]. Такая картина полностью соответствует психологическому механизму усвоения социально значимого содержания.

Та же проблема – установление списка базовых ценностей как необходимый этап для сопоставления разных культур – занимает умы социологов, стремящихся сравнить ценностные системы граждан РФ и жителей стран Евросоюза [Магун 2015]. Основываясь на методе приоритетных показаний Ш. Шварца, В.С. Магун в исследованиях 2008–2012 гг. описал десять основных общих для РФ и стран Евросоюза ценностей: «безопасность», «конформность», «традиция», «самостоятельность», «риск-новизна», «гедонизм», «достижение», «власть», «богатство», «благожелательность», «универсализм».

Вместе с тем, базовые ценности представляют собой своеобразные содержательные коды, специфичные для каждой культуры. Для целей нашей монографии были выбраны ценности, выделенные по результатам отбора из списка разных исследователей, – «вера», «милосердие», «семья», «Родина», «терпимость» в качестве общечеловеческих и базовых ценностей россиян. Кроме того, анализ философской литературы, посвященной изучению особенностей русского национального характера, показал, что именно эти ценности чаще всего выделяются русскими религиозными философами, философами и культурологами как специфичные для русского этноса. Наконец, такое представление о базовых русских ценностях поддержано и литературоведами, которые, как показано выше, усматривают их представление в классической русской литературе XIX в., в прозе писателей-«деревенщиков» и в других направлениях современной русской литературы.

Наша задача заключается во всестороннем выяснении содержания этих ценностей посредством их вербальной репрезентации в деревенской прозе. Морально-нравственные ценности «вера», «милосердие», «семья», «терпимость», «Родина» входят, по данным исследователей (О.Н. Баранова, Н.В. Горбунова, С.Ю. Долгова, А.В. Ключкова, Г.М. Сагинбаева, Е.А. Сипрова, О.И. Чиркова, Ф.С. Фазылова, Р.Р. Янмурзина и др.), в ядро культуры, понимаемой как совокупность материальных и духовных ценностей, воплощенных в различных формах культурной продукции.

2.1.2. Лексикографическое содержание ценности «вера» как база контекстуального анализа

В начале XX в. популяризировалась мысль, активно поддерживаемая социологами и этнографами, что культурная сфера каждого этноса оказывает воздействие на способы мышления этноса, а следовательно, на его национальный характер [Мид 1988]. В свою очередь, специфика ментальных процессов воздействует на формирование системы ценностей. Этот постоянный и динамичный процесс осуществляется в течение всего исторического времени существования этноса. Но лексикографические источники позволяют определить содержание ценностно актуальных понятий на определенных этапах развития культуры того или иного этноса / социума.

При помощи компонентного анализа, основанного на словарных дефинициях, возможно выявить и сопоставить семантические составляющие указанных ценностей. В качестве базовых для исследования словарей, репрезентирующих содержание ценностных понятий, мы избираем словари разных лет издания Д.Н Ушакова [Ушаков <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=4438>], С.И. Ожегова [Ожегов <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=2820>], А.П. Евгеньевой в 4 томах [Евгеньева <https://gufo.me/dict/mas/vera>], Т.Ф. Ефремовой [Ефремова <https://www.efremova.info/word/vera.html#.XeOgpy9ojBI>], С.А Кузнецова [Кузнецов <https://gufo.me/dict/kuznetsov/vera>], полагая, что при их сопоставлении можно наблюдать семантические изменения в значении лексем, номинирующих ценностные понятия.

«**Вера**» рассматривается как одна из главных жизненных ценностей [Жамалетдинова 2018]. Некоторые исследователи, рассматривающие веру как религиозность, подчеркивают ее смыслообразующий характер для индивида, утверждая, что «религиозность личности всегда нужна для становления и совершенствования государственной системы и общества» [Багдасарян, Сулакшин 2013, с. 166]. Такие функции веры осложняются тем, что вера «представляет собой непосредственную функцию самого живого организма, заключается в ориентации поведения индивида и его поступков» [Ортега-и-Гассет 1997, с. 438].

Вера акцентирует представление человека о ценностных ориентациях, определяет направления деятельности человека. (Под ценностными ориентациями принято понимать комплекс различных убеждений индивида (философских, эстетических, политических, нравственных и др.), его привязанностей и моральных принципов, реализующихся сознательно и неосознанно).

Основное содержание веры – провозглашение чего-то истинным без предварительной верификации мнения. Исследователи считают, что в ценностную ориентацию веры, которую принято рассматривать в качестве интегративного, обобщающего показателя направленности духовных потребностей, входит три доминирующих элемента: смысловой, в котором фиксируется ценностное отношение личности к бытию; эмоциональный, представляющий

Психолингвистический анализ трансформации содержания базовых этнических ценностей в русской культуре

способы переживания индивидом собственного отношения к ценностям; поведенческий, проявляющий способность и желание совершать какие-либо действия [Подольская 1991]. Индивид испытывает потребность в вере независимо от жизненных благ, поскольку вера расценивается как норма, как высшая ценность, которой возможно подчинить другие желания и надежды.

Лексема вера многозначна, что фиксируется в словарях. Так, в толковом словаре С.А. Кузнецова, вера имеет значения 'убежденность'; 'истина, присяга, обет'; 'уверенность в божественные законы, преклонение, религия', 'доверие': она понимается как «1. в кого-что. Твердая убежденность, глубокая уверенность в ком-, чем-л. В. в будущее. В. в добро, в справедливость. В. в победу. Утратить, подорвать веру в людей (в их положительные качества или большие возможности). Обрести веру в себя, в свои силы (в возможность преодолеть что-л., добиться чего-л.). // Убеждение в существовании чего-л. В. в Бога. В. в чудеса. В. в бессмертие. 2. с опр. разг. Религиозное учение, вероисповедание; религия. Христианская, православная, католическая, мусульманская в. Человек иной веры. Обратить кого-л. в свою веру (также: сделать своим единомышленником). 3. Разг. Доверие. Выйти из веры (потерять доверие кого-л.). Брать, принимать на веру что-л. (доверять, не требуя доказательств). Нет тебе веры!» [Кузнецов <https://gufo.me/dict/kuznetsov/vera>].

Вера как 'убежденность' представлена и в словаре русского языка С.И. Ожегова. Здесь вера понимается как 'убеждение в реальном существовании предметов религии или чего-н.', а также в 'подлинности того, что не нужно доказать', т. е. 'истина', существует вера в жизнь, вера в черту, вера в науку и т. д.: «1. Убежденность, глубокая уверенность в ком-чем-н. В. в победу. В. в людей. 2. Убежденность в существовании Бога, высших божественных сил. В. в Бога. 3. То же, что вероисповедание. Христианская в. Человек иной веры. Принять на веру – признать истинным без доказательств. Верой и правдой служить кому – служить преданно, честно» [Ожегов <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=2820>]. Как видим, вера встречается в словарных статьях, описывающих не только в религиозные убеждения, но и бытовые, обыденные. Вне религиозного использования, понятия «веры» является 'состояние

сознания верующего в независимости от объекта веры', повторяемым по аналогии с религиозной верой.

И в словаре русского языка А.П. Евгеньевой на первом месте располагается *вера* как '*убежденность*': «1. Твердая убежденность, уверенность в чем-л., в исполнении чего-л... Уверенность в достоинствах, положительных качествах кого-л., в правильности, разумности и т. п. поведения, жизни кого-л... 2. Состояние сознания, связанное с признанием существования бога, убеждения в реальном существовании чего-л. сверхъестественного... || То или иное религиозное учение; религия... 3. устар. и разг. Доверие» [Евгеньева <https://gufo.me/dict/mas/vera>].

В соответствии с представленными дефинициями в семантической структуре лексемы *вера* можно выделить ядерные смы: понятийную *убежденность* и коннотативную *интенсивность признака*; уже в силу определения оценочные понятия включают в ядро значения оценочное, экспрессивное, эмоциональное значение. Показательно, что в структуре значения данный лексикографический источник не акцентирует признак 'не требующий верификации', который выделяется в слове *уверенность / уверенный* 'свободный от сомнения'.

В толковом словаре Т.Ф. Ефремовой названный семантический компонент выносится на первое место в дефиниции: *вера* – это «I ж. 1. Признание чего-либо силой, превосходящей аргументы, факты и логику» [Ефремова <https://www.efremova.info/word/vera.html#.XeOgpy9ojBI>]. И второе, интересующее нас значение, это «2. Убеждение в реальном существовании и истинности того, что не доказано с несомненностью. 3. Твердое убеждение в непременном осуществлении, неизбежности чего-либо предстоящего. II ж. 1. Абсолютное признание догматов религии, религиозных преданий и обрядов. 2. Принадлежность к какой-либо религии; вероисповедание. 3. разг. Религиозное объединение, имеющее свое вероучение в соединении со свойственной ему обрядностью; конфессия» [Ефремова <https://www.efremova.info/word/vera.html#.XeOgpy9ojBI>]. В данном словаре дается также толкование слова с пометой в значении 'убежденность' как твердая уверенность в чем-либо, какое-то состояние бытия без сомнения, свобода от сомнения – 'признание истинности чего-л.'.

В словаре русского языка Д.Н. Ушакова, *вера* прежде всего понимается как *религия* и *мировоззренческая установка*: «ВЕРА, веры, ж. 1. Состояние сознания верующего, религия (книжн.). Лишь вера в тишине отрадою своей живит унывший дух и сердца ожиданье. Пушкин. Вера в бога. || То или иное религиозное учение, верование. Христианская вера. Человек иной веры. || перен. Мироззрение, направление в общественной жизни, науке, искусстве (книжн. шутл.). Он изменил кантианской вере и стал гегельянцем. 2. убеждение в реальном существовании предметов религии или фантазии, а также в истинности того, что не доказано с несомненностью. Вера в черта. Вера в загробную жизнь. Вера в научную гипотезу. || Твердое убеждение в непременном осуществлении, неизбежности чего-н. предстоящего (книжн.). Вера в мировую революцию. Мы полны твердой веры в правоту нашего дела, твердой веры в неминуемую победу всемирной советской власти. Ленин. Уверенность в исполнении возлагаемых на кого-н. надежд, ожиданий (книжн.). Вера в самого себя. За римским разрывом шло христианство, за христианством – вера в цивилизацию, в человечество. Герцен. 3. Доверие (офиц. устар.). Торговля держится на вере. Товарищество на вере. Принять на веру – признать что-н. истинным, не требуя доказательств. Дать, придать веру чему (устар.) – чему-н. поверить, признать истинным что-н. сообщенное. Дать на веру кому что (устар.) – одолжить кому-н. без законных гарантий возврата, на честное слово» [Ушаков <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=4438>].

В «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова те же значения расположены в ином порядке, как в словаре Т.Ф. Ефремовой, что свидетельствует о изменении ядерных и периферийных сем понятия «вера» – ‘состояние сознания верующего, религия, верование’. Кроме того, надо отметить словарная статья ‘убеждение в реальном существовании предметов религии или фантазии, а также в истинности того, что не доказано с несомненностью. Вера в черта. Вера в загробную жизнь. Вера в научную гипотезу’, так как такое толкование понятия «вера» с семой ‘Мироззрение, направление в общественной жизни, науке, искусстве’ только отмечается в словаре Д.Н. Ушакова.

Однако собственно лексикографического определения лексемы *вера* недостаточно для моделирования содержания ценности «вера» – это содержание устанавливается с привлечением энциклопедических, философских и иных источников ([Ильичев 1983], [Грекулов 1989], [Грицанов 1999], [Степин 2010]).

Такое привлечение необходимо осуществлять с использованием данных из разных сфер человеческой деятельности, поскольку, как было отмечено, вера обладает интегрирующей функцией. Вера ассоциативно связывается с религией (и обозначает ее), с мировоззрением человека, с другими духовными понятиями (правда, истина, верность, доверие, убежденность и др.).

Что касается интерпретации понятия «вера» в философских и энциклопедических источниках, вера – это «в некоторых религ. системах центр. мировоззренч. позиция и одновременно психологич. установка, включающая, во-первых, принятие определ. утверждений (догматов), напр. о бытии и природе божества, о том, что есть благо и зло для человека и т. п., и решимость придерживаться этих догматов вопреки всем сомнениям (оцениваемым как «искушения»); во-вторых, личное доверие к богу как устройтелю жизни верующего, его руководителю, помощнику и спасителю во всех конкретных ситуациях, посылающему страдания и предъявляющему трудные требования для блага самого верующего; в-третьих, личную верность богу, на «служение» которому верующий отдаёт себя (во всех языках, с к-рыми изначально связано становление те-истич. религий, «В.» и «верность», а также «верующий» и «верный» обозначаются соответственно тем же словом)» [Ильичев <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/philosophical/fc/slovar-194-1.htm#zag-765>]. В философском энциклопедическом словаре В.Г. Ильичев дается понятию «вера» такую трактовку, что вера – это «ключевая мировоззренческая и психологическая установка, касающаяся кое-какой религии, включающая в себя безусловное принятие ряда утверждений, доверие к Богу как к управителю жизни и верность Богу в виде безоговорочного следования заповедям. «Вера» в основном интерпретируется через семы ‘религиозность’ как определенная система взглядов, обусловленная верой в сверхъестественное, ‘уверенность’ – состояние бытия без сомнения, свобода от сомнения, ‘Бог’ и ‘мировоззренческая позиция’.

Психолингвистический анализ трансформации содержания базовых этнических ценностей в русской культуре

В новейшем философском словаре А.А. Грицапов дано дополнительное определение к понятию «вера»: это «глубинная общечеловеческая универсалия культуры, фиксирующая комплексный феномен индивидуального и массового сознания, включающий в себя такие аспекты, как гносеологический (принятие в качестве истинного тезиса, не доказанного с достоверностью или принципиально недоказуемого), психологический (осознание и переживание содержания данного тезиса в качестве ценности, решимость придерживаться его вопреки жизненным обстоятельствам и сомнениям, выступающая глубоким мотивационным фактором личной жизненной стратегии - вплоть до самоотречения: «верю» как «верую») и религиозный (при отнесении содержания объекта В. к сфере сверхъестественного). При всем рационализме западной традиции феномен В., тем не менее, осмысливается в ее контексте в качестве ценности высшего порядка, и категория В. выходит в фундаментальную для европейской культуры аксиологическую формулу «В. – Надежда – Любовь» [Грицапов <https://www.booksite.ru/localtxt/slo/var/phi/los/ophy/>]. Здесь отмечается, что вера проявляется по-разному (психологический и религиозный): кроме веры в бога, православная вера, или христианская вера, это может быть и атеизм, но не в смысле безверия, а как вера в абсолютный идеал. Сущность понятия веры в энциклопедии Грицапов А.А. состоит в семы проявления 'доброта', 'Убежденность в чем-либо'. Религия является только одной из форм проявления веры.

М.А. Можейко и Н.С. Щекин определяют веру как «фиксированный феномен индивидуального или массового сознания», который является «абсолютное признание истинности недоказанных или недоказуемых утверждений, и в психологическом аспекте в виде эмоционального переживания тезисов, принятых за истинные» [Новейший философский словарь <https://gufo.me/dict/philosophy>]. Кроме таких ядерных понятийных сем «вера» как 'уверенность', 'убеждение', 'инстинность', 'религия', 'доброта', в отличие от дефиниций из различных словарей, под «верой» в философских и энциклопедических источниках еще понимаются семы 'жизненная позиция' – определять индивидуальное отношение к миру, обществу, своему месту в нем, 'правда' – нечто верное,

правдивое, подлинное, ‘Бог’ как устроитель жизни, наставник и помощник.

Сведем полученные лексикографические данные в таблицу с целью более наглядного сопоставления семантических компонентов лексемы *вера*, обозначающей одноименную базовую ценность (таблица 2.1).

Таблица 2.1

Семантические компоненты лексемы *вера*

Семантические компоненты лексемы вера	Интерпретация семантических компонентов
Религиозность	Определенная система взглядов, обусловленная верой в сверхъестественное
Убежденность	Твердая уверенность в чем-либо
Уверенность	Состояние бытия без сомнения, свобода от сомнения
Доверие	Уверенность в порядочности и доброжелательности другого человека
Истина	То, что есть в действительности, соответствует действительности, правда
Мировоззренческая позиция человека	Необходимая составляющая человеческого сознания
Жизненная позиция	Индивидуальное отношение к миру, обществу, своему месту в нем
Правда	Нечто верное, правдивое, подлинное
Бог	Устроитель жизни, наставник и помощник

Таким образом, в содержании лексемы *вера* все исследованные лексикографические источники выделяют семантические признаки ‘религиозность’, ‘доверие’, ‘истина’, ‘убежденность’, ‘уверенность’, ‘мировоззренческая позиция человека’, ‘жизненная позиция’, ‘правда’, ‘Бог’.

2.1.3. Лексикографическое содержание лексемы, номинирующей ценность «милосердие»

В русской культуре милосердие рассматривается как одна из основных добродетелей, способствующих приобретению духовного опыта индивида. Милосердие понимается как сострадательное, заботливое, доброе отношение к людям и всему окружающему – «любящая доброта» [Апресян 2009, с. 20]. Милосердие как ценность представляет собой сложное понятие, в котором фиксированы представления о высших ценностях, высшем благе [Апресян 2009]. Это можно соотнести с «заповедью сострадательной любви», которая в христианстве является основным принципом, главным законом человеческого существования.

Религиозные философы, в частности В. Розанов, рассматривают милосердие как основу мировоззрения, способствующую приближению человека к моральным высотам, когда отвергается достижение индивидуальных честолюбивых целей [Розанов 1995]. Н. Бердяев также утверждает, что «милосердие является действенным проявлением любви. Оно не требует взаимности, возможно ко всем людям, и в этом его богатство и сила» [Бердяев 1990, с. 329]. По замечанию Н. Бердяева, милосердие как ценность – это любовь к людям, горячее внутреннее стремление помочь окружающим.

В культуре России существовали обычаи общественного служения – благотворительной деятельности, которые пусть и медленно, но возрождаются сейчас. Милосердие рассматривается как один из мотивов благотворительности наряду с другими: чувством справедливости, гуманистическими устремлениями, необходимостью самоутверждения. Считается непреложным утверждение, что милосердие необходимо проявлять не только к ближайшему окружению, членам своего сообщества, но даже и к врагам [Холостова, Сорвин 2004].

В русской культуре милосердие – основная добродетель, которая проявляется в сострадательном, заботливом, добром отношении к людям и живой природе. Милосердие в русской культуре может рассматриваться как божественная «любящая доброта», как «сострадательная любовь» – главный христианский закон человеческого сосуществования, который объединяет людей в единое общество.

Русские религиозные философы уделяли много внимания определению этого понятия. Так, В. Розанов полагал, что милосердием надо считать любовь к человеку, сострадание, которое помогает людям презреть собственные честолюбивые устремления и стать морально выше [Розанов 1995]. Н. Бердяев утверждает, что «милосердие является действенным проявлением любви. Оно не требует взаимности, возможно ко всем людям, и в этом его богатство и сила» [Бердяев 1990, с. 329].

С понятием милосердия связан характерный для культуры России обычай общественного служения – благотворительной деятельности, в которой проявляется бескорыстная любовь к ближнему, в том числе к друзьям и врагам [Холостова, Сорвин 2004].

В толковом словаре русского языка Ушакова Д.Н. «милосердие» определяется как ‘желание’ помогать другим, ‘благотворительность’, но не отмечается никаких эмоциональных отношений: «Готовность из сострадания оказать помощь тому, кто в ней нуждается» [Ушаков <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=29919>]. Здесь семантические компоненты содержания ценности «милосердие» представляются: ‘благотворительность’ как гуманность мировоззрения, принцип всех действий индивида) и ‘желание оказания помощи’ как высокое нравственное качество, необходима для жизни и развития индивида.

В толковом словаре русского языка Ожегова С.И. отмечается к понятию «милосердие» две понятийные пары: 1) первая проявляется в оппозиции милосердие – ‘благотворительность’; 2) вторая – ‘помилование’, ‘человеколюбие’: «Готовность помочь кому-н. или простить кого-н. из сострадания, человеколюбия» [Ожегов <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=14454>]. В отличие от словарной статьи в толковом словаре Д.Н. Ушакова, в понятии «милосердие» подчеркиваются ‘сострадание’ и ‘человеколюбие’ – две существенные ценностная сторона понятия «милосердие». Здесь милосердие предстает не только как нравственная категория, но и как активная деятельностная категория, что она характеризуется способностью поставить себя на место другого человека, полностью прочувствовать его переживания и стремлением к позитивному разрешению проблем на основе любви и сострадания к окружающим.

Психолингвистический анализ трансформации содержания базовых этнических ценностей в русской культуре

И выделяют дополнительное толкование слова с больше эмоциональным наполнением в большом толковом словаре русского языка С.А. Кузнецова, новом словаре русского языка Т.Ф. Ефремовой, и словаре русского языка А.П. Евгеньева: милосердие – это «ср. Готовность оказать помощь, проявить снисхождение из сострадания, человеколюбия; сама помощь, снисхождение, вызванные такими чувствами. Проявить м. чувство милосердия. Накормить кого-л. из милосердия. Сестра милосердия (устар.; = медицинская сестра). Брат милосердия (устар.; о мужчине, выполняющем обязанности сестры милосердия)» [Кузнецов <https://gufo.me/dict/kuznetsov/милосердие>]; «Готовность помочь кому-либо из чувства сострадания, человеколюбия; снисхождение, помощь кому-либо, вызванные такими чувствами» [Ефремова <https://www.efremova.info/word/miloserdie.html#.XeOyqC9ojBI>]; «Готовность оказать помощь, проявить снисхождение из сострадания, человеколюбия, а также сама помощь, снисхождение, вызванные такими чувствами» [Евгеньева электронный ресурс, режим доступа: <https://gufo.me/dict/mas/милосердие>]. На основе приведенных дефиниций можно сделать вывод, что в семантической структуре слова *милосердие* в этих словарях можно выделить следующие признаки: ‘снисхождение – уступчивое, милостивое поведение индивида по отношению к окружающим’, ‘любовь к другим людям’ – оказание бескорыстной помощи, ‘сострадание – сострадательная любовь’, ‘сочувствие’ как готовность совершать добрые, бескорыстные поступки; ‘благотворительность’ как гуманность мировоззрения, и ‘великодушие’ как бескорыстная уступчивость, снисходительность, отсутствие злопамятства, способность жертвовать своими интересами.

В большом энциклопедическом словаре понятие «милосердие» таково: «сострадательная любовь, сердечное участие в жизни немощных и нуждающихся (больных, раненых, престарелых и др.); деятельное проявление милосердия — различного рода помощь, благотворительность и т. п.» [Большой энциклопедический словарь <https://gufo.me/dict/bes/МИЛОСЕРДИЕ>]. Важную роль в изменении интерпретации значений слова «милосердие» играют объекты действия – нуждающихся (больных, раненых, престарелых и

др.). Более того, энциклопедические словари не дают каких-либо новых смысловых признаков.

В новой философской энциклопедии милосердие – это «сострадательное, доброжелательное, заботливое, любовное отношение к другому человеку; противоположно равнодушию, жестокосердию, злонамеренности, враждебности, насилию» [Новая философская энциклопедия https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopediа/МИЛОСЕРДИЕ], где большое внимание уделено на чувство, противоположное возмущения и неудовольствия: сочувствие, жалость, сострадание. Слово «милосердие» воспринимается в нравственной категории, направленной на удовлетворение интересов другого, и основанной на стремлении к альтруизму. Выделяются компонентные признаки как ‘сочувствие’, ‘добродетель’, ‘сострадание’, ‘любовь к другим людям’, ‘человеколюбие’, ‘великодушие’.

Здесь мы отметим, что милосердие как ценность во всех словарях сопровождается только положительной коннотацией, поскольку под ее понятием понимаются семы, содержания которых связаны с бескорыстной любовью, детерминированной внутренними качествами человека, и высокой добродетелью. Рассмотрев толкования понятия «милосердие» в разных словарях, мы сможем прийти к выводу, что большая часть словарей выделяет в своих дефинициях 2 аспекта реализации милосердия: 1) духовно-нравственная сторона – милосердие как добродетель и высокое качество индивида; 2) активная, деятельная сторона проявления милосердия – желание оказания помощи, способность сочувствия и т.д. С одной стороны, милосердие понимается как желание и готовность помочь из чувства сочувствия, сострадания, снисхождения, и человеколюбия, с другой, милосердия рассматривается как саму помощь (любовь к другим людям), как снисхождение, вызванные этими чувствами.

Набор семантических признаков лексемы *милосердие* представим в таблице.

Психолингвистический анализ трансформации содержания базовых этнических ценностей в русской культуре

Таблица 2.2

Семантические компоненты содержания лексемы *милосердие*

Семантические компоненты лексемы <i>милосердие</i>	Интерпретация семантических компонентов
Сочувствие	Способность человека к сопереживанию, прощению, снисхождению
Добродетель	Умение направлять свою деятельность на благо окружающих, бескорыстно и не требуя материального вознаграждения
Сострадание	Способность поставить себя на место другого человека, полностью прочувствовать его переживания
Любовь к другим людям	Глубокая привязанность к другому человеку
Человеколюбие	Стремление к позитивному разрешению проблем на основе любви и сострадания к окружающим.
Благотворительность	Гуманность мировоззрения
Великодушие	Бескорыстная уступчивость, снисходительность, отсутствие злопамятства, способность жертвовать своими интересами
Снисхождение	Уступчивое, милостивое поведение индивида по отношению к окружающим
Желание оказания помощи	Неудержимое желание помочь

Таким образом, на основе анализа дефиниций лексемы в разных лексикографических источниках *милосердие* можно выявить следующие семантические компоненты: 'сочувствие', 'сопереживание', 'добродетель', 'человеколюбие', 'дружба', 'благотворительность', 'великодушие', которые Кант называет «константой» души, способствующей проявлениям гуманности [Кант 2007]. Все они находят специфическое отражение в художественных текстах писателей-деревенщиков.

2.1.4. Лексикографическое содержание лексемы, номинарующей ценность «семья»

Социально одобренные ценности, с одной стороны, выполняя адаптивную функцию, помогают индивиду удовлетворять свои потребности и достигать жизненных целей, с другой – подчиняться требованиям социума, обеспечивая его стабильность и возможность развития. В этом смысле семья как социальная ячейка и разделяемая обществом ценность занимает среди универсальных ценностей, присущих и русской культуре, одно из главных мест наряду с «верой» и «милосердием». Именно в семье складываются главные личные и общественные ценности, она передает обычаи и традиции народа из поколения в поколение, семья, как правило, делает комфортным адаптацию человека в социуме. Сравнивая значение семьи с другими ценностями, А. Митрикас пришел к выводу, что существенно бóльшая часть носителей 32 изученных им культур называет семью главной ценностью [Митрикас 2003], причем семью «очень важной» в жизни каждого индивида назвали от 91% до 95% опрошенных жителей Исландии, Польши, Ирландии, Мальты, от 67% до 72% респондентов – в Эстонии, Литве, Латвии, 76% – в Германии и России. Такие данные подтверждают более ранние исследования: например, М. Хайдегер считал, что семья – самый главный экзистенциальный элемент существования человека, реализующий репродуктивную и воспитательную функции и являющийся значимым источником позитивных переживаний. В культуре России семья соединяет человека и общество.

В современных словарях *семья* определяется как социальная группа, члены которой состоят в родственных отношениях. В переносном значении *семья* – это какая-либо группа, объединенная общим признаком: группа животных, растений, семья языков: «1. 1) Группа близких родственников (муж, жена, родители, дети и т.п.), живущих вместе. перен. 2) Группа, организация людей, связанных дружбой и объединенных общими интересами. 2. перен. Род, поколение. 1) Группа животных, птиц, состоящая из самца, одной или нескольких самок и детенышей. 2) Общество пчел, состоящее из рабочих пчел, матки и трутней. 3. перен. Совокупность однородных, подобных один другому предметов, явлений. 4. перен.

Группа родственных языков, объединенных общностью происхождения) [Ефремова <https://www.efremova.info/word/semja.html#.XeO8yC9ojBI>]. Те же компоненты значения лексемы *семья* представлены и в других используемых нами словарях: [Ушаков <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=69200>]., [Ожегов <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=28436>], [Кузнецов: <https://gufo.me/dict/kuznetsov/семья>], [Евгеньева <https://gufo.me/dict/mas/семья>]. На официальном уровне русского языка интересующие нас значения слова «семья» делится на две аспекты: во-первых, это ‘родственные отношения’, основанных на отношениях между индивидами, имеющими близкие кровные связи между собой, или на происхождении от общего предка; во-вторых, ‘социальные отношения’, возникшие в результате заключения брака, организующие социальные группы и роли.

В энциклопедических и философских источниках представлены другие понимания «семья»: «Семья – основанная на Браке или кровном родстве малая группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной моральной ответственностью и взаимопомощью. В браке и С. отношения, обусловленные различием полов и половой потребностью, проявляются в форме нравственно-психологических отношений [Большая советская энциклопедия <https://gufo.me/dict/bse/Семья>]; [Семья – основанное на браке или кровно-родственных отношениях объединение людей, связанное хозяйственно-бытовой общностью и взаимной ответственностью; первичная институционализируемая социальная форма совместной жизни людей. Возникает С. для обеспечения личного счастья и благополучия человека и выполняет важнейшую роль в воспроизводстве жизни, социализации индивида, его органической связи с обществом [Новейший философский словарь <https://gufo.me/dict/philosophy/СЕМЬЯ>]. В свою очередь, семья здесь приобретает новые смысловые компоненты с эмоциональными коннотациями и нравственными категориями, под которой еще отражаются ‘счастье’, ‘благополучие’, ‘ответственность’, ‘взаимопомощь’.

Таким образом, лексема *семья* характеризуется следующим набором сем (таблица 2.3).

Таблица 2.3

Семантические компоненты содержания лексемы *семья*

Семантические компоненты лексемы <i>семья</i>	Интерпретация семантических компонентов
Родственные отношения	Группа людей с близкими кровными связями
Социальные отношения	Группа людей в обществе с близкими социальными отношениями
Счастье и благополучие	Психологическая поддержка человека
Ответственность	Обязанность отвечать за полноту и стабильность семьи
Взаимопомощь	Общежитийский смысл семьи

Таким образом, ценность «семья» ассоциативно связывается с комфортным, стабильным, гармоничным и благополучным существованием индивида, социума и государства, источником защищенности, покоя, терпимости и гарантии безопасности человека в социальной сфере.

2.1.5. Лексикографическое содержание лексемы, номинирующей ценность «терпимость»

Понятие «терпимость» в современном словоупотреблении используется редко и, как правило, замещается словом *толерантность*, которая, как показывают данные ассоциативного эксперимента, ассоциируется преимущественно с лояльным отношением к чужой позиции, взглядам и культуре и т.п. Авторы, которые пишут о терпимости, в скобках указывают *толерантность*, что свидетельствует о близости значений двух понятий в сознании современного носителя русского языка. Но, согласно толковым словарям, в слове *терпимость* отчетливо выделяется компонент «примирение с действительностью»: «В нашей культуре терпение как модель поведения есть, безусловно, ценность, т.е. именно критерий выбора и оценка. Наш основной “социальный архетип” – “деликатное терпение гостя” – уметь страдать и откладывать житейские попечения. Кредо нашей этнической культуры: Мир существует и правильно движется только нашими жертвами, нашим терпением, нашим самоограничением [Касьянова 1994]. Терпимость в такой трактовке понимается как никогда не осмысливаемое страдание, даже жертвенность, а вовсе не свободный выбор свободного человека, когда

Психолингвистический анализ трансформации содержания базовых этнических ценностей в русской культуре

он по собственной воле готов уважительно и с пониманием относиться к даже не вполне ему понятным и часто чуждым и враждебным явлениям и людям, а это как раз и является составной частью идеи толерантности. «Терпеливость (как добродетель) есть только страдательная сторона того душевного качества, которое в деятельном своем проявлении называется великодушием, или духовным мужеством» [Соловьев 1988, 73].

Терпимость как ценность в нашем исследовании актуализирует психологические переживания индивида, связанные с необходимостью сдержанности, умеренности и даже смирения, одобряемых русским традиционным укладом жизни, который рассматривает терпимость как специфический вид добродетели. С одной стороны, если человек терпим к окружающему, он может сохранить достоинство в любых условиях, умеет контролировать эмоции, избегать конфликтов. В этом случае терпимость – это механизм обуздания возможного раздражения и агрессии. Поэтому терпимость является обязательным условием поддержания порядка в обществе. С другой стороны, чрезмерная терпеливость искажает личностную сущность индивида, не дает возможности развития его творческого потенциала, а следовательно, не способствует развитию социальных отношений.

Мы выбрали именно ценность «терпимость» как один из объектов исследования, поскольку «терпимость» вместе с другими морально-нравственными ценностями как «вера», «милосердие», «семья», «Родина», входят, по данным исследователей [Магун, Руднев 2015], в ядро культуры, понимаемой как совокупность материальных и духовных ценностей, воплощенных в различных формах культурной продукции, в качестве общечеловеческих и базовых ценностей россиян.

Н.Я. Данилевский отмечал «особенную терпимость русского человека», объясняя ее природными качествами и христианской религией [Данилевский 2015]. В.С. Соловьев называл терпимость одной из пяти добродетелей (великодушие, щедрость, бескорыстие, правдивость, терпимость). Философ разграничивает «терпеливость» и «терпимость»: первая выражается в духовном мужестве и великодушии, берет свое начало от выносливости, выдержки, сле-

дования высшей воле; вторая – разновидность терпеливости, содержание которой зависит от ситуации и может стать как проявлением достоинств, так и недостатков. недостатком, так и достоинством [Соловьев 1996].

В русской культуре терпение как способ поведения, предполагающий выбор, представляет собой специфическую ценность. К.О. Касьянова считает, что главным идеологическим компонентом русской культуры является понимание того, что все существует и правильно развивается только благодаря терпению, жертвенности, сдерживанию себя, подчинению самым возвышенным мотивам человеческих поступков [Касьянова 1994]. При этом терпимость – добровольное, осознанное самопожертвование, основанное на чувстве долга, являющееся проявлением сострадательной любви к окружающим. Терпимость, с точки зрения старшего поколения представителей русского этноса, сохраняет стабильность бытия.

В толковом словаре Ефремовой, терпимость рассматривается как «Отвлеч. сущ. по прил. терпимый I: терпимый: I прил. 1. Относящийся без вражды к чужим мнениям, обычаям, привычкам (о человеке). 2. Признающий право на свободное исповедание любой религии; веротерпимый. II прил. 1. Такой, который можно вытерпеть, вынести. 2. перен. Умеренный, сносный. [Ефремова Т.Ф. <https://gufo.me/dict/efremova/терпимый>]. Похожая трактовка найдется тоже в толковом словаре Д.А. Ушакова: «1. отвлеч. сущ. к терпимый во 2 знач. Терпимость этого поступка сомнительна (терпимый 1. прич. страд. наст. вр. от терпеть во всех знач., кроме 5 и 6. 2. Такой, что можно, должно терпеть. С трудом терпимое явление. Такое положение не может быть больше терпимо). Способность мириться с кем-, чем-л., относиться снисходительно к кому-, чему-л.; терпимое отношение [Малый академический словарь <https://gufo.me/dict/mas/терпимость>]. После рассмотрения словарных статей «терпимость» оказывается, что «терпимость» может репрезентироваться как определенная способность личности к более высокому психологическому статусу. По вышеуказанным лексикографическим данным, *терпимость* – отвлеченное имя существительное от прилагательного *терпимый*, актуализирует следующие семантические признаки производящей основы: ‘осознанный отказ

от вражды', 'способность к смирению и перенесению нужды', 'веротерпимость', 'терпеливое отношение к чужому (традициям, религии, мнениям, поведению' и т. д.), 'тот, который можно вытерпеть, вынести', 'умеренный', 'сносный'. Помимо вербально выраженных признаков, в значение слов *терпимость* / *терпимый* входит комплекс ассоциативных значений, связанных с физическими или психологическими страданиями, которые невозможны, невыносимы, но которые необходимо перенести.

Еще надо отметить, что «терпимость» в новой философской энциклопедии имеет одинаковое значение как «толерантность»: «терпимость – см. Толерантность» [Новая философская энциклопедия https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia/ТЕРПИМОСТЬ]. Но в нашем исследовании мы не строго разделяем эти два понятия: понятие «терпимость» в основном, трактуется как толерантным отношением к чужой позиции, взглядам и культуре и т.п., подчеркивая их синонимичность. «Терпимость» взаимно синонимична «снисходительности» и понимается как мягкость и не строгость.

Подводя итоги определения слова «терпимость» в разных словарях, обратимся к следующей таблице сем, выделенных при анализе дефиниций, репрезентированных в лексикографических источниках, а также в философской энциклопедии, отметим, что наблюдаются такие основные понятийные признаки «терпимость», как 'снисходительность' – мягкость, отсутствие резкости, уступчивость; 'смирение' – не суровость, покорность, охотно покоряться и слушаться; 'выдержанность' – удерживать по отношению к другим; 'пассивность' – сознательное подавление чувства неприятия; 'упорство' – умение твердо держаться, проявлять стойкость; 'страдание' – переживать невзгоды, бедствие, несчастье.

Необходимо сделать следующее замечание: очень часто сема «пассивность» на официальном уровне языка используется со смысловым оттенком «неположительным». Положительные качества 'снисходительность', 'смирение', 'упорство' могут приобретать коннотативный оттенок слабости или пренебрежения, и употребляться в отрицательном смысле.

Таблица 2.4

Семантические компоненты содержания лексемы *терпимость*

Семантические компоненты лексемы <i>терпимость</i>	Интерпретация семантических компонентов
Снисходительность	Отсутствие строгости, излишней требовательности по отношению к кому-либо
Смирение	Способность человека перебороть в себе любые проявления эгоизма и гордыни
Выдержанность	Способность устоять, не поддаться какому-нибудь вредному влиянию, стойко перенести трудности
Пассивность	Сознательное подавление чувства неприятия
Упорство	Настойчивое стремление к чему-либо, к осуществлению чего-либо
Страдание	Способность испытывать крайне неприятные, тягостные или мучительные ощущения, физический и эмоциональный дискомфорт

Таким образом, ‘смирение’, ‘снисходительность’, ‘выдержанность’, ‘пассивности’, сочетаемая с ‘упорством’ – вот основные смыслы национальной русской ценности «терпимость». Терпимость предполагает и поиск компромиссов, и уважительное отношение человека к другому, и возможность нравственного усовершенствования.

2.1.6 Лексикографическое описание ценности «Родина»

Ценность «Родина» – основа восприятия мира человеком, и потому связывается с другими ценностями и смыслами бесконечным количеством ассоциативных связей, индивидуальных и социально значимых. Это «рождение, семья, мама, родной язык, дом, земля, страна, народ» [Гребенюк 2007, с. 14], духовная связь с местом, где родился, связь поколений и т.д. Все эти ассоциативные связи трудно интерпретировать рационально, поэтому распространено мнение, что чувство любви к Родине инстинктивно, подсознательно. Однако если учесть, что представление о Родине нерелексивно соотносится с иерархией ценностей, принятых в данной культуре, то основания этой инстинктивности становятся понятными. Исследователи много пишут о несовпадении понятий «отечество» и «родина» в русской культуре, хотя в лексической системе

Психолингвистический анализ трансформации содержания базовых этнических ценностей в русской культуре

языка они обозначаются синонимичными лексемами. Г.П. Федотов считает, что родина связывается с «материнским сознанием, апеллирующим к песне, языку, рассказу» [Федотов 1992, с. 324], отечество – с «отеческим сознанием», с общественно-государственным, осознанным существованием, правом, долгом. Поэтому символически Родина с самых давних времен предстает для индивида в образе матери: она добрая, заботливая, щедрая, родная. Привязанность к Родине, как и к матери, проявляется бессознательно, инстинктивно, поэтому для носителя русской культуры *родина-мать* – не метафора, а синкретичное понятие, фиксирующее единство эмоционального отношения к этим понятиям. Таким образом, ценность «Родина» важна как проявление нерелефлексированной духовно-эмоциональной привязанности индивида к своей стране, к месту, где он родился и формировался как человек определенной культуры.

В современных словарях «родина» понимается как «1. Страна, в которой человек родился и гражданином которой является... / О месте, где человек родился, где живут его родные и близкие. ... 2. Место происхождения кого-, чего-л., возникновения чего-л. ...» [Кузнецов <https://gufo.me/dict/kuznetsov/родина>]; «Страна, в которой кто-л. родился и гражданином которой является» [Ефремова <https://www.efremova.info/word/rodina.html#.XeQScsi9ojBJ>]. Здесь отмечается, что у слова «Родина» выделяются два основных значения: 1) родина как родная страна - «большая родина»; и 2) родина как место рождения - «малая родина».

В отличие от вышеуказанных словарей, в других словарях определяется «родина» по-другому: «1. Отечество, родная страна. Любовь к родине. Защита родины»; 2. Место рождения, происхождения кого-чего-н, возникновения чего-н.» [Ожегов <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=27205>]; «1. Отечество; страна, в к-рой человек родился и гражданином к-рой он состоит. ... || Место рождения кого-н. ... || перен. Место зарождения, происхождения чего-н. ... 2. перен. Место возникновения чего-н.» [Ушаков <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=66605>]; «1. Страна, в которой человек родился и гражданином которой является; отечество. || Место рождения кого-л. 2. Место зарождения, происхождения чего-л. || Место возникновения чего-л.» [Евгеньева

<https://gufo.me/dict/mas/родина>], понятие «родина» отличается особым эмоциональным колоритом.

Надо отметить, здесь у слова «Родина» выделяются два основных значения с наличием близкой чувства к родине: 1) родина как родная страна, гражданином которой является человек, и 2) родина как место рождения – «малая родина», но подчеркивается значение психологического комфорта, эмоциональной близости, безопасности и уюта. Основными синонимами «родины», где в «неразвернутом» виде отражается в слове «родина» в этих словарях, является признание себя как на носителя определенной культуры, являются: «Отечество, отчизна, родная сторона (сторонка), родной край, родное пепелище» [Абрамов 1994, с. 189]. Центральным лексическим доминантом в словарях Ожегова С.И., Евгеньева А.П. и Ушакова Д.Н. в отличие от словарей Кузнецова С. А. и Ефремовы Т.Ф. является «Отечество». Слова «Отечество», «Отчизна», семантически близки к отцу, указывают в большей степени на эмоциональную близость и важность роли родины как член семьи.

В большом энциклопедическом словаре еще отметится о семе «этнос» в семантическом пространстве «родина»: «Родина, 1) место, страна, где человек родился; где впервые сложился, возник этнос. 2) Место возникновения, открытия или изобретения чего-либо [Большой энциклопедический словарь <https://gufo.me/dict/bes/РОДИНА>]. В большой советской энциклопедии дает определение «Родина» как «1) отечество, отчизна, страна, в которой человек родился; исторически принадлежащая данному народу территория с её природой, населением, общественным и государственным строем, особенностями языка, культуры, опыта и нравов (см. также Патриотизм). 2) Более узко — чьё-либо место рождения. 3) Переносное значение — место возникновения, открытия или изобретения чего-либо [Большая советская энциклопедия <https://gufo.me/dict/bse/Родина>]. Родина в энциклопедических источниках понимается не только как край, где жили предки, но и осознание этнической идентичности, признание единым этносом. В самом общем виде этнос – это группа людей, которых объединяют общее происхождение, общие родной язык и культура. Понятие «родина» здесь более многозначным и связано с наличием в слове эмоций, морально-этических норм.

Психолингвистический анализ трансформации содержания базовых этнических ценностей в русской культуре

Таким образом, в словарях на первое место выносятся признаки ‘место рождения’, ‘страна’ и ‘отечество’. Все признаки имеют отчетливо выраженную положительную коннотацию.

Таблица 2.5

Семантические компоненты лексемы *Родина*

Семантические компоненты лексемы <i>Родина</i>	Интерпретация семантических компонентов содержания ценности <i>Родина</i>
Территория	Исторически принадлежащая данному народу территория с ее природой, населением, особенностями исторического развития, языка, культуры, быта и нравов
Государство	Страна, гражданином которой является человек
Патриотизм	Чувство сильной любви к своей стране.
Приют	Комфорт, защищенность
Семья	Группа родных по крови и по закону людей
Ностальгия	Тоска по родине

Таким образом, для носителей русской культуры «ближайшим значением» (А.А. Потебня) лексемы *родина*, психологически актуальным ее содержанием является эмоционально положительное представление о родине как об источнике духовных сил, защищенности и комфортного существования.

2.2. Специфика вербального представления ценностей в творчестве В. Распутина

Художественный мир моделирует бытие этноса, основанное на его специфической ментальности и духовности, на традициях, обычаях, верованиях, которые складываются в процессе его культурно-исторического развития. В связи с этим осуществляется многоаспектное «изучение модальности художественного текста, интерпретации его семантики, изучение художественного текста с позиции языка как системы, дающей представление о культуре народа» [Тураева 1986, с. 106].

Художественный текст – всегда носитель фрагмента культуры, вербальный результат духовной продукции автора, который так или иначе отражает нравственные идеалы, ценности и антиценности, сформированные социумом. Поэтому художественный текст

объективно фиксирует духовно-нравственное, социально-историческое содержание конкретной культуры и обеспечивает передачу опыта последующим поколениям. Одновременно художественный текст способствует обогащению культурно-исторического опыта личности читателя.

Характер представления базовых этнических ценностей в художественных текстах дает представление об особенностях менталитета этноса, одновременно во многом определяя специфику идиостиля писателя. Художественный текст представляет собой особое вербальное отражение духовных поведенческих установок, ценностей, моральных принципов, формирующих этнический менталитет. Наиболее ярко он проявляется в деревенской прозе, которая демонстрирует человеческие чувства, не «завуалированных интригами и лицемерием» [Лапченко 1985, с. 16]. Нравственная сторона человека является смысловым центром деревенской прозы, и это литературное направление продуктивно решает нравственные проблемы русского этноса, особенно представителей старшего поколения.

Именно поэтому выявление основных аспектов русской духовности через острые «деревенские вопросы», деревенский традиционный образ жизни как пространство формирования национальной ментальности стало основной темой в творчестве многих советских писателей начиная с XX в. По словам Дж. Хоскинга, «в их произведениях нашли выход глубинные чувства, которые долго не могли прорваться наружу» [Хоскинг 1991, с. 248].

В. Астафьев, В. Белов, В. Распутин и другие писатели-деревенщики основополагающими задачами деревенской прозы считают обращение к «вечным этическим ценностям», последовательное отстаивание «завещанного еще русскими классиками принципа полноты художественной правды» [Колобаева 1995, с. 165].

Общенациональные ценности, уникальность бытия «традиционного» человека, острые социальные и моральные аспекты жизни крестьянства – это основной круг проблем, которые художественно представлены в творчестве «деревенщиков», по мнению ряда исследователей, создавших особую идейно-эстетическую программу воздействия, направленную на читателя. Цель этой программы –

Психолингвистический анализ трансформации содержания базовых этнических ценностей в русской культуре

сохранение национального самосознания и традиционной культуры, этико-философских ценностей и эстетических идеалов, хранительницей которых в течение веков была русская деревня [Большакова 2002].

Материалом для нашего исследования послужили художественные тексты русских деревенских писателей второй половины XX в. («Живи и помни», «Прощание с Матерой», «Изба» В. Распутина, «Последний поклон» В. Астафьева, «Привычное дело» В. Белова), которые изображают «человека на пороге последнего решения, в момент кризиса и незавершенного поворота его души» [Бахтин 1963, с. 254]. В. Астафьев, В. Белов, В. Распутин первыми показали дефицит духовности через исследование потери глубинных опор духовного существования деревни. Мировоззрение и поведение героев в творчестве этих писателей обусловлено базовыми этническими ценностями, реализующими этнические архетипы. С одной стороны, важно установить, какие общие черты ментальности они обнаруживают при художественном исследовании народа, с другой – необходимо понять, на каких отличительных чертах мировоззрения фиксируют внимание разные писатели, выявляющие содержание общенациональных ценностей.

Центральная проблема – ценности как господствующие духовные координаты, которые контролируют мышление и поведение индивида. Исторически сложившиеся традиционные русские этнические ценности представлены в деревенской прозе в образах народных тружеников, олицетворяющих особую русскую ментальность.

По общему признанию, в русской прозе второй половины XX в. отражен жестокий конфликт писателей с бурно развивающим обществом, показаны напряженные отношения между человеком и природой, подчеркивается осознание потери духовности человека. Деревенщики стремятся показать поражающие их разрушение традиционных нравственных критериев и исчезновение нравственных идеалов: «... трудно стали различимы противоположности – любовь и измена, страсть и равнодушие, искренность и фальшь, благо и порабощение» [Распутин 1987, с. 305], наступило время «смуты душ». В этот период в «...современном стремительно меняющемся

мире все настойчивее ищет художественное сознание некие нравственные точки опоры, устойчивые духовные координаты, моменты стабильности во внутреннем мире человека, позволяющие ему сохранить ось и целостность под натиском неизбежных исторических перемен» [Ковский 1985, с. 129]. В прозе «деревенщиков» проявляются «первоосновы русского национального характера – в их противопоставлении злу и распаду» [Большакова 2000, с. 59]. Доминирующей нравственной идеей героев деревенской прозы является их природная связь с традициями и обычаями, родственными отношениями, религиозной верой и другими формами существования духовных ценностей, которые дают активную духовную силу героям художественных произведений и стоящему за ними этносу вообще.

Избранные для анализа ценности относятся к моральным, а наиболее отчетливо они представлены именно в творчестве представителей «деревенской прозы», главный смысл которого – в исследовании нравственности личности и специфики менталитета русского этноса.

В произведениях В. Распутина, значительная часть творчества которого заключается в нравственном исследовании личности и традиций этнической культуры, постижению особенностей характера русского человека, большое внимание уделяется изучению национального менталитета русского человека.

Наиболее отчетливо названные выше базовые ценности «вера, «милосердие», «терпимость», «Родина», «семья» проявляются в женских образах, созданных В. Распутиным. О привязанности героев к деревне, к родной земле, о коренной принадлежности к ней говорят героини «Живи и помни». Сам В. Распутин отметил, что: «... все люди родом оттуда, из деревни, только одни раньше, другие позже, и одни это понимают, другие нет» [Распутин 2004, с. 76].

Красота и сила русской женщины всегда определялась ее способностью проявлять по отношению к каждому существу и ко всему миру терпение, прощение, милосердие, сострадание, способность к самопожертвованию. Для главной героини повести «Живи и помни» Настены, молодой женщины, но уже сложившейся духовно, жизнь невозможна, если этот духовный стержень исчезнет, и потому она

пристально наблюдает за окружающими: *«Знала Настена: стареют с годами, а душой можно остыть и раньше лет – этого она боялась большего всего. Сколько людей, и здоровых, и сильных, не отличают своих собственных, богом данных им чувств от чувств общих, уличных. Эти люди и в постель ложатся с тем же распахнутым, для всего подходящим удовольствием, с каким садятся за стол: лишь бы насытиться. И плачут, и смеются они, оглядываясь вокруг – видно, слышно ли, что они, плачут и радуются, не потратиться бы на слезы зря... все потому, что в свое время не умели и не хотели остаться наедине с собой, позабыли, потеряли себя – не вспомнить, не найти»* [Распутин 1997, с. 67].

В. Распутин подчеркивал, что характер у Настены «людской»: она живет по принятым правилам и традициям, сохраняющим цельность общества, ведет себя «по-людски», т. е. так, чтобы не вызывать отрицательных оценок и осуждения окружающих, и потому для семьи и людей она готова на самопожертвование. Ее женская терпимость не знает границ.

Важность представлений о вере в жизни проявляется в непосредственных поведенческих реакциях героини, что свидетельствует о «вращенности» духовных принципов в ее сознание, о том, что определенные духовные ценности стали компонентами ментальности героини, неосознаваемыми, но регулирующими ее жизнь, и когда возникает противоречие между этими ценностями и обстоятельствами, естественность ее жизни заметно нарушается. Так, еще не зная о дезертирстве мужа, но уже словно почуяв будущую беду, Настена предвидит разрыв с людьми: *«С этого часа она словно бы выглядывала из себя ... ходила на работу колхозную, оставаясь на людях такой же, какой была всегда, а сама все время озиралась, пугаясь каждого стороннего звука»* [Распутин 1997, с. 89]. Это ощущение единства с народом, среди которого живешь, чувство сопричастности ему – отражение ценности Родина, которая важна для каждого героя: *«И не на заимке живу, чтобы дальше глаз своих не видеть, а с народом»*, – говорит Настя Вологжанина [Распутин 1997, с. 112]. Надька тоже поддерживает Настену: *«Вместе будем, если чё, обороняться Ничё, вместе станем горе мыкать»* [Распутин 1997, с. 144], а председатель колхоза Максим Вологжанин так сообщает своим людям о беде: *«Люди! ... Люди! ...*

Выстояли, выдюжили Нам ни за что бы там не выдержать без вас, кто оставался здесь. ... Ни черта бы мы без вас не сделали, и не было бы сейчас этого дня. Великая наша страна, огромная страна, а без нашей Атамановки не обойтись. Поднимитесь, люди, взглянем во все глаза на сегодняшний день и запоем его. Не было еще такой войны, а стало быть, не было такой победы. Отметим, люди» [Распутин 1997, с. 288]. В самом обращении Максим употребляет слово *люди*, подчеркивающее сплоченность народа. В. Распутин придает чрезвычайно большое значение ценности *Родина*, разделяя которую, личность «по-настоящему свободна и автономна» [Танака 1995, с. 217], личность «находит ... свой смысл и вечность только в народе, только там ей просторно и вольно, в нем, в неискривленном и продолжающемся пути его» [Танака 1995, с. 217].

Вербальное представление нравственных констант как духовных опор героев осуществляется по-разному. Так, совершив дезертирство, Андрей Гуськов чувствует: «...какая-то тайная и властная обида за себя, вызывающая столь же старательно припрятанное, со всех сторон замаскированное желание досадить тем, кто, не в пример ему, живет открыто, ходит, не прячась и не боясь, хоть в чем-нибудь перебежать им дорожку и тем самым почувствовать себя словно бы причастным к их судьбе...» [Распутин 1997, с. 83]. Очевидное противопоставление личность – социум репрезентируется через акцентирование принципа, по которым живет деревенское общество и в котором реализуется базовая этническая ценность русских, – цельность народа, свободное духовное единение его, номинируемое лексемой *Родина*. Эта ценность предполагает *открытость* существования (*живет открыто, ходит, не прячась и не боясь*). Трусость Андрея, приведшая к тому, что он живет скрываясь, противоречит такой открытости, и он, вполне сознавая это, тем не менее пытается ощутить хоть какую-нибудь связь с народом, потому что без этой связи он существовать не может. И пусть это желание «*хоть в чем-нибудь перебежать им дорожку*», главное – существовать с ними в едином пространстве. Это внутреннее ощущение «коренной» связи со своим народом не дает герою покоя, вызывает раздражение по отношению к Настене,

которая и есть часть общества. Андрей лишился общества по своей воле, и потому дальнейшая его жизнь абсолютно бессмысленна.

Семья остается точкой опоры даже в суровых жизненных испытаниях. Андрей, сознание которого сломлено дезертирством, теряет жизненные ориентиры, но продолжает воспринимать семью как единственно комфортное место существования, где его поймут и простят: *«я шел и думал: приду, погляжу на Настену, попрошу прощенья, что сломал ей жизнь, что гнул без нужды да изголялся, когда можно было жить. И правда – чего не жилось?»*; *«казалось как: успеем, наживемся, налюбимся – век большой. Вот и успели. Думаю, приду, покажусь Настене на глаза, покаюсь, чтоб извергом в памяти не остался, погляжу со сторонки на отца, на мать, и головой в сугроб»* [Распутин 1997, с. 81].

Образ Андрея, на наш взгляд, высвечивает содержание репрезентированных в тексте моральных ценностей приемом «от противного». В его поведении сложнейшим образом отражается отношение к духовным ценностям «семья», «родина», «надежда», «самосохранение», «вера». С одной стороны, будучи частью этого общества, Андрей остро ощущает стыд за то, что сам в данный период жизни нарушает принципы «людского» существования. Андрей, понимая свои ошибки, боясь их последствий, пытается скрыть стыд за грубость и несправедливым отношением к жене: *«... ты думаешь, легко мне здесь зверюгой лесной прятаться? А? Легко? ... Я здесь по-волчьи научился выть. Хочешь, покажу?»* [Распутин 1997, с. 103]. Он все чаще манипулирует Настеной, подчеркивая, что именно обстоятельства загнали его в угол, заставляет жену почувствовать жалость к нему, демонстрирует перед ней свое несчастье: *«...он поднялся, тяжелым шагом подошел к двери, распахнул ее и, выгнувшись вперед, не сразу, начав со всхлипа, словно доскребаясь до нужного голоса, и, достав, наострив его, пустил тонкий и длинный, режущий по живому, жалобный и убийственный стон»* [Распутин 1997, с. 123]. Предав традиционные нравственные устои, Андрей морально разрушается все глубже: использует угрозы, всячески пытается оправдать свое поведение и переложить вину за свое дезертирство на Настену.

Настена же, свято веря в традиции, в кодекс «людского поведения», проявляет к Андрею сострадание, хотя и понимает, что он ведет нечеловеческий образ существования. Для Андрея главным стало выжить, пусть и путем предательства, нарушения основных моральных ценностей. Так, Андрей ворует рыбу из чужих сетей: *«Работал он чисто и аккуратно, не оставляя за собой следов... Хорошо сказано – «работал», такую работу Андрей сам раньше называл пакостью»* [Распутин 1997, с. 102], но, понимая степень своего падения, рассказать об этом жене не может, потому что Настена остается последней его опорой в жизни – все другие он уже отверг. А отвергнув, превратился в получеловека, борющегося любыми способами только за сохранение своей жизни. Предательство моральных устоев не имеет границ, считает В. Распутин, и его герой отдает на позор даже жену: не раскрывает себя, когда беременность Настены становится явной, хотя знает, как будут относиться деревенские жители к «согрешившей» женщине-солдатке.

С другой стороны, он остро ненавидит общество за эти принципы, порицающие его дезертирство, и в этой ненависти он детально анализирует свое нынешнее отношение к обществу, по сути высвечивая компоненты базовых ценностей. Андрей *«боялся ехать на фронт, но больше этой боязни были обида и злость на все то, что возвращало его обратно на войну, не дав побывать дома»* [Распутин 1997, с. 89]. Войну герой винит во всех своих неудачах, перекладывая ответственность с себя на внешние обстоятельства. Но, говорит В. Распутин, человека со сложившейся морально-нравственной системой, помнящего о своих корнях внешние обстоятельства сломить не могут. За предательство духовных ценностей Андрея ждет наказание страшнее смерти: непощение: *«за это, если бы можно было расстреливать... расстреливали бы по три раза...»* [Распутин 1997, с. 92]. И сам Андрей тоже понимает, что им «на людях больше не жить. Ни дня» [Распутин 1997, с. 96].

Настена просто выполняет свой долг жены, заботясь о нем и поддерживая его, ведь того требует вековая традиция. Ради мужа она идет на хитрость, постоянно лжет окружающим, но чувство страха не покидает ее. Она тоже разрушается изнутри и, понимая невозможность жить в таком состоянии, решается на самоубийство.

Настена обладает лучшими характеристиками русского народного характера: самопожертвование, терпимость, ответственность. Героиня В. Распутина, во-первых, – типичный образ русской женщины, терпеливой, верной, справедливой, сочувствующей, живущей «по-людски». Во-вторых, она, придавая большое значение ценностям «семья» и «терпимость», вынуждена нарушать принципы существования общества, потому что чувствует, что муж не просто их нарушил – он навсегда разорвал связи с людьми. В-третьих, отказаться от мужа для Настены невозможно в силу доминирующего в ее характере ценности «милосердие»: *«Так как же теперь от него отказаться? Это совсем надо не иметь сердца. Вместо сердца держать безмен, отвешивающий, что выгодно и что невыгодно. Тут от чужого, будь он трижды нечистый, просто не отмахнешься, а он свой, родной... А дальше. Как дальше быть? Как его вызволить из этой беды, как жить, чтобы, не ошибаясь, не запутавшись, помочь? Что бы с ним теперь ни случилось, она в ответе»* [Распутин 1997, с. 89]. Нравственность – интуитивная составляющая духовного мира Настены. Это гибельное и для индивида, и в целом для общества противоречие, перед которым меркнет и грех самоубийства, и потому В. Распутин приводит героиню к необходимости уйти из жизни. Глубина этого противоречия осознается при сопоставлении всех проявлений милосердия Настены, представленных писателем: русская женщина «целительность сердца, связанную с милосердием, воспринимает как исполнение своего «главного и великого призвания» [Распутин 1997, с. 114].

Милосердие придает Настене силы: она *«могла иногда от чего-нибудь скокнуться или споткнуться, без сучка и задоринки ничего не бывает, но затем обязательно выправиться и продолжаться в любви и согласии дальше»; «причем любви и заботы Настена с самого начала мечтала отдавать больше, чем принимать»* [Распутин 1997, с. 184–185]. Жертвенная любовь к мужу заставляет Настену искать оправдание его поступку, но такого оправдания не может быть, и тогда женщина пытается вызволить мужа из беды, при этом не преступив нравственный закон внутри себя: *«Одна, совсем одна среди людей... все надо держать при себе... Как его вызволить из этой беды, как жить, чтобы, не ошибаясь, не запутавшись...»* [Распутин 1997, с. 164].

Эта борьба между привязанностью к мужу, представлениями о надежной семье и «жизнью по-людски» обнаруживает многие составляющие морально-нравственных ценностей героев и степень их представленности в жизни каждого. Отказаться от мужа значит для Настены «отказаться от самой себя» [Распутин 1997, с. 112]. Здесь акцентируется та же мысль: разрыв с нравственными принципами бытия приводит человека к духовной гибели.

Добрый, милосердный, бесхитростный и мудрый Михеич, отец Андрея, хорошо зная свою невестку и видя странные перемены в ее поведении, догадывается о дезертирстве сына. Он подмечает детали, которые указывают на возвращение сына, но долго не решается в открытую спросить об этом Настену, и боясь обидеть ее недоверием, и страшась непереносимой правды. В этом, с одной стороны, проявляется его полуинстинктивное желание держаться на извечные нравственные устои, которые никогда не подводили его, с другой – проявление милосердия к окружающим. Когда Михеич окончательно понимает, что его сын дезертировал, он начинает намеренно сторониться людей. И не потому, что тайна может раскрыться, – ему невыносимо сознавать, что сам он нарушает святые неписанные законы нравственного бытия. Он всячески хочет собрать семью вместе, надеясь, что семейные узы помогут Андрею понять губительность своего поступка: именно в семье, в ее нравственном воздействии Михеич видит спасение сына. Он заранее прощает сына, надеясь на то, что в семье Андрей найдет силы для выхода из тупиковой ситуации. Не просто слепая отеческая любовь, а именно милосердие как надежда на лучшее в человеке заставляет Михеича искать встречи с сыном. Подсознательно он прощает предательство и дезертирство сына. Отечественая любовь преобладает над другими чувствами, раскрывая суть основных его ценностей, которые составляют семья и цельность семьи. Узнав о подозрениях сельчан, Михеич просит Настену передать Андрею, чтобы он уходил из деревни. Он говорит ей: *«проклял бы я тебя, дева, что не дала мне с им свидеться, да на твою голову и так достанет хулы. А грех этот на тебе, никуда тебе от его не деться...»* [Распутин 1997, с. 202]. Старик надеялся, что встреча с сыном помогла бы вызволить запутавшегося Андрея из беды, но если уж этого не случилось, сыну надо уходить из деревни – и не

потому что надо просто спасти жизнь – а, может быть, начать ее заново. Сосед Гуськовых, Максим Воложин, прошел всю войну и вернулся домой героем, и жители деревни встречают его всем миром и поздравляют. Его жена *«Лиза сияла – сияло ее лицо... – сияла все, сияла вся, сияла вовсю»* [Распутин 1997, с.79]. На его фоне Андрей Гуськов представляется еще более безнравственным человеком, в иерархии ценностей которого семья оказывается выше, чем защита отечества. А ведь когда Андрей уходил на войну, он искренне был готов защищать Родину.

Таким образом, В. Распутин показывает, что соответствие нравственным идеалам, соблюдение вековечных традиций и следование «людским» устоям требует от человека сил и самоотверженности. Внешние обстоятельства на протяжении всей жизни пытаются поколебать систему ценностей, которую исповедуют люди, и только тем, кто обладает верой, терпимостью, милосердием удастся выдержать удары судьбы и остаться глубоко нравственным человеком.

Главная проблематика повести «Живи и помни» связана с художественным представлением сокровенных духовно-нравственных ценностей крестьянства. Вера, милосердие, самопожертвование, семья, терпимость, Родина для писателя и, следовательно, его положительных героев составляют основу бытия русского деревенского общества как системы представлений русских о жизни и смерти, свете и темноте, добре и зле, составляющих «базу» этнического сознания. На наш взгляд, все компоненты лексического значения слов, обозначающих перечисленные выше ценности, реализуются в текстах В. Распутина. Ценности предстают в них многослойными аксиологическими понятиями, связанными между собой не только положительным коннотативным содержанием, но и глубоким чувством близости этих ценностей существу людей. Более того, зачастую эти чувства амбивалентны – и этим только усиливается значимость перечисленных ценностей для представления сущности культуры русского этноса.

В повести «Прощание с Матерой» нравственный конфликт возникает в ситуации уничтожения небольшого поселка Матеры в связи со строительством электростанция. Он связан с нарушением основных этических ценностей, разрушением представлений о

необходимости сохранять традиции. В своей повести В. Распутин поднимает проблему изменения ценностных представлений в процессе исторического и культурного развития. Потеря малой родины, неуважение к земле предков, распад законов существования, которым подчинялись много лет, вызывают у Дарьи и других стариков, жителей Матёры, нестерпимую душевную боль и воспринимаются как огромная внутренняя утрата, а по сути – разрушение внутреннего мира

Каждый житель Матёры понимает, что *«остановят Ангару – время не остановится, и то, что казалось одним движением, разойдется на части. Уйдет под воду Матёра – все так же будет сиять и праздновать ясный день и ясную ночь небо»* [Распутин 2004, с. 329]. Но поселок и остров Матёра, где они прожили всю жизнь в полном согласии с принципами деревенского общежития, стали для них своеобразными духовными координатами, придающими существованию смысл и устойчивость. Поэтому без Матёры они обречены на духовную смерть, на нравственную гибель, гибель веры. Утрата ценностей, в согласии с которыми жители добрались до старости, приводит к потере идеалов и обесмысливанию жизни.

В. Распутин рассматривает семью как основу жизненных целей человека, направленную на сохранение законов рода. Эта идея прослеживается писателем через изображение взаимоотношений трех разных поколений: Дарья, «самая старая из старых», представляет старшее поколение, ее сын Павел – поколение детей, Андрей – поколение внуков. Основным носителем и хранителем традиционных ценностей является старшее поколение. Дарья Пинигина – главная героиня повести, самая старая женщина лет восьмидесяти, *«в растерянности, в тревоге и страхе смотрит она на отца с матерью, стоящих прямо перед ней, думая, что они помогут, вступятся за нее перед остальными, но они виновато молчат. А голоса все громче, все нетерпеливей и яростней...Они спрашивают о надежде, они говорят, что она, Дарья, оставила их без будущего»* [Распутин 2004, с. 303]. Потеря ценностной опоры приводит героиню в состояние растерянности, тревоги и страха. Так, акцентируя содержание лексем, называющих негативные эмоции, автор пытается показать, насколько тяжело человеку, если он лишается нрав-

ственной опоры. Она заключена в простых вещах: в любви к своему поселку и живущим в нем людям, в привычных заботах о месте захоронения ушедших, поэтому так болезненно страдает Дарья от затопления кладбища на острове, ведь утрата даже небольшой части нравственной опоры ведет к обесмысливанию жизни. Для Дарьи осквернение родовых могил становится нарушением непреложной вековой традиции, а, следовательно, наносит ей психологическую травму: могила – *«лишь ... одно и вечно, лишь оно, передаваемое, как дух святой, от человека к человеку, от отцов к детям и от детей к внукам, смущая и оберегая их, поправляя и очищая, и вынесет когда-нибудь к чему-то, ради чего жили поколения людей»* [Распутин 2004, с. 277]. Затопление кладбища для Дарьи – это большой грех как с точки зрения ее религиозных верований, так и со стороны невозможности такого «нелюдского» поведения. На кладбище – вся *родня* Дарьи, и она считает себя обязанной отстоять их покой, спасти от уничтожения, потому что для нее свята память предков, а не что-то материальное. Даже в том, как готовит Дарья свою избу к затоплению, проявляется ее глубокая нравственная сила и почти неосознанное следование заветам предков жить «полюдски»: старушка тщательно вымыла каждый угол, привела в порядок печь – словом, поступила так же, как поступила бы с человеком, готовя его по обычаю в последний путь. Изба для нее – не материальная ценность, а духовное средоточие всего, во что она верила. И, вероятно, она никогда не смогла бы это выразить словами, но внутреннее глубинное ощущение запрета на такие действия хранится в сознании героини, ассоциативно связанное с представлением о единстве общества ее малой родины. Это неосознаваемое, архетипическое чувство включено в представление о «законах» человеческого существования.

Поколение Дарьи воспринимает ликвидацию острова как катастрофу. Для них Матёра не просто остров – она является частью их души, их веры, их жизни. Матёра остается связующим звеном между ними, их близкими и умершими. Для Дарьи земля, на которой выросли ее предки, она и ее дети, – это смысл бытия, самая важная ценность, без которой невозможна сама жизнь. Старшее поколение воспринимает себя хозяевами и хранителями своей ро-

дины и ее традиций, оно испытывает чувство ответственности перед своими предками, которые передали им землю как наследие. *«Спросют: как допустила такое хальство, куда смотрела? На тебя, скажут, понадеялись, а ты? А мне и ответ держать нечем. Я ж тут была, на мне лежало доглядывать. И что водой зальет, навроде тоже как я виновата»*, размышляет Дарья [Распутин 2004, с. 211]. Их мучит понимание того, что они не могут сохранить эти ценности и передать их грядущим поколениям, как было заведено веками.

Матёра исчезает именно потому, что разрушается изначальное осознание непреложности этнических ценностей, начинается «забвение корней своих». Для пожилой Дарьи сохранение памяти, традиций выступает как ценность существования человека и залог его развития. Защищать остров значит и сохранить сложившиеся традиционные устои жизни, в которые она верит.

Сын Дарьи, Павел Пинигин, тоже переживает по поводу затопления острова. С одной стороны, он воспитан в духе традиций и ценностей, которые ему передала мать, он искренне любит свою малую родину и деревню. Находясь в Матёре, он чувствует, как *«смыкается вслед за ним время: будто не было никакого нового поселка, откуда он только что приплыл, будто никуда он из Матёры не отлучался»* [Распутин 2004, с. 191]. Но, с другой стороны, в его системе ценностей иные доминанты: он не испытывает боли от утраты Матёры, потому что рядом возник другой, новый поселок, в котором у него новый дом, *«дом у него здесь, а дома, как известно, лучше»* [Распутин 2004, с. 174]. Павел готов к переменам, к новой жизни, и потому утрату Матёры не воспринимает как утрату основ жизни. Более того, свою привязанность и боль утраты он расценивает как слабость, ведь *«как делают – так и надо... Все, что ни происходит, – к лучшему, к тому, чтобы жить было интересней и счастливей. Ну и живи: не оглядывайся, не задумывайся»* [Распутин 2004, с. 175].

Однако В. Распутин показывает, что для Павла расставание с Матёрой на деле означает разрыв с традицией, и это приводит к потере жизненных ориентиров, веры, ощущения защищенности родного очага: *«ему вообще нередко приходится вспоминать, что он живет, и подталкивать себя к жизни: после войны за долгие*

Психолингвистический анализ трансформации содержания базовых этнических ценностей в русской культуре

годы он так и не пришел в себя, и мало кто из воевавших, казалось ему, пришел» [Распутин 2004, с. 245]. Он, конечно, пытается приспособиться к городской жизни, но вместе с тем осознает, что это «жизнь без милосердия», лишаящая его чувства психологического равновесия, защищенности: *«о себе Павел хорошо знал, что у него часто случаются затмения, когда он теряет, выпускает куда-то, на какую-то волю, себя, и бывает, надолго; и где он был, куда отлетал, что делал – не помнит...»* [Распутин 2004, с. 245]. Построение новой жизни в этих условиях представляет для героя сложный, противоречивый, психологически тяжелый процесс.

Представитель третьего поколения, внук Дарьи Андрей, уже практически не связан со своей малой родиной. Он приверженец нового образа жизни, прогресса: *«пока молодой, надо... все посмотреть, везде побывать. Что хорошего, что ты тут, не сходя с места, всю жизнь прожила? Надо не поддаваться судьбе, самому распорядиться над ней»* [Распутин 2004, с. 185]. Внук Дарьи мечтает попасть на строительство ГЭС и принять участие в затоплении Матёры: *«да она вся назьмом провоняла, Матёра ваша! Дышать нечем. Какую радость вы тут нашли?! ... Давно пора скovyрнуть вашу Матёру и по Ангаре отправить»* [Распутин 2004, с. 215]. С одной стороны, поведение Андрея вполне понятно и логично, с другой – оно эмоционально ранит Дарью, пытающуюся призвать молодое поколение к сохранению ценностей, традиций, вековых устоев, своей родины, своих корней: *«правда в памяти. У кого нет памяти, у того нет жизни»* [Распутин 2004, с. 165]. Это кредо В. Распутина.

Ценности, как мы уже подчеркивали, проявляются не столько в хорошо сформулированных аксиологических понятиях и установках, сколько, по мысли писателей-деревенщиков, в реальных связях людей с реалиями обиходного мира, в обыденных действиях и поступках людей, в их отношении к традициям и памяти. Поэтому В. Распутин показывает необратимость разложения нравственных устоев не только в рамках одной семьи. Петруха, Воронцов – разрушители священного для стариков кладбища – не считают свою «работу» аморальной; напротив, они полагают, что это – санитарная уборка. Им не понятны ни милосердие, ни привязанность к предкам, ни родовые корни, они не понимают старух, которые

«...до поздней ночи ползали по кладбищу, втыкали обратно кресты, устанавливали тумбочки» [Распутин 2004, с. 225].

Таким образом, разрушение морально-нравственных устоев осуществляется не только под воздействием внешних сил – оно становится возможным, потому что и в самом обществе присутствуют люди с разной степенью присвоенности ценностей. Отсюда очевидно, что иерархическая система ценностей, характерная для каждой конкретной культуры, – это специфическая научная абстракция, и реальное сопоставление культур требует учета того, что моделирование этнических ценностей должно осуществляться с учетом разной степени интериоризации ценностей представителями этноса.

В рассказе «Изба» В. Распутин раздумывает о корнях национального характера русских, художественно осмысливая причины забвения и необходимость сохранения традиций крестьянского уклада, который он воспринимает как условие сохранения страны в целом. Поэтому история расставания героев его произведения с родной землей превращается в художественно-философскую проблему. Как бы ни рассматривалась вера – в религиозном или ином аспектах, она всегда носит смыслообразующий характер в жизни индивида: вера «представляет собой непосредственную функцию самого живого организма, заключается в ориентации поведения индивида и его поступков» [Ортега-и-Гассет 1997, с. 438].

Основное содержание веры, как мы упоминали, – провозглашение чего-то истинным без предварительной верификации мнения. В. Распутин представляет в своих произведениях все три аспекта ценностей: смысловой, представляющий ценностное отношение индивида к бытию; эмоциональный, отражающий характер переживания человеком своего отношения к ценностям; поведенческий, реализующий содержание ценности в разных типах поведения. Так, писатель мастерски показывает, что вера пронизывает всю жизнь деревенского человека, который может даже и не осознавать этого и жить по законам веры интуитивно, бессознательно.

В своем творчестве В. Распутин акцентирует самый глубинный вопрос, касающийся жизни деревенских людей, – сохранение традиций крестьянского уклада как сохранение их естества. Глубочайшая, пусть и не рефлекслируемая связь с родной землей, неотрывная

Психолингвистический анализ трансформации содержания базовых этнических ценностей в русской культуре

от обычаев и традиций, приобретает у В. Распутина художественно-философское звучание: В. Распутин поднимает проблему исчезновения этнических корней, забвения обычаев, сотнями лет объединявших и формировавших единство деревенских людей, их культурную целостность. Сюжет рассказа «Изба» строится на проблеме уничтожения деревни в связи с «технической» необходимостью. Люди вынуждены были переселиться из зоны затопления, и пятидесятилетняя Агафья, всю жизнь прожившая в деревне Криволицкой, хочет сохранить хотя бы частицу родного места и перевозит свою избу на новое место.

«Агафья до затопления нагретого людьми ангарского берега жила в деревне Криволицкой, километрах в трех от этого поселка, поднятого на елань, куда, кроме Криволицкой, сгрузили еще пять береговых деревушек. Сгрузили и образовали леспромхоз. К тому времени Агафье было уже за пятьдесят. В Криволицкой, селенье небольшом, стоящем на правом берегу по песочку чисто и аккуратно, открывающемся с той или другой стороны по Ангаре для взгляда сразу, веселым сбегом, за что и любили Криволицкую, здесь Агафьин род Вологжиных обосновался с самого начала и прожил два с половиной столетия, пустив корень на полдеревни» [Распутин <https://www.litmir.me/br/?b=36650&p=1>]. Писатель изображает близость земли и проживающего на ней людей, используя различные выразительные средства, среди которых метафора *нагретый людьми ангарский берег* является одной из ключевых, поскольку реализует мысль о неразрывности народа и земли, на которой он проживает, и о том, что человек *естественный* одухотворяет природу. Писатель подчеркивает неестественность процесса отрыва народа от родной земли даже и с благой целью: желая объединить разные деревни, их *сгрузили*, словно неодушевленную массу чего-то (это слово – *сгрузили* – В. Распутин повторяет дважды), на елань – возвышенную голую равнину, которая не облагоухана пребыванием на ней людей. И при всей внешней организации разных деревень в один леспромхоз («сваливали в общую кучу») единого селенья никак не получается: люди стремятся и внутри леспромхоза селиться своими старыми деревеньками, улицами, и испытывают настоящее чувство потери, если по каким-то причинам соседствовать «со своими» не удастся. Прежнее место,

деревеньку Криволуцкую, все любили за то, что была открыта взору каждого, проплывавшего по Ангаре, за то, что *стояла чисто и аккуратно по песочку*, и казалось, что дома весело бежали к берегу (*веселым сбегом*). Такое описание местности не дает наглядного, зримого представления о ней, зато обнажает чувство, с которым жители относились к своей деревеньке и характеризует их самих как людей, по крайней мере, открытых и добрых. И как бы ни была трудна деревенская жизнь, она была естественной, необходимой и не осознавалась как не приносящая радости. В старой деревне «каждую выбоинку, каждый бугорок ... Агафья знала лучше, чем родинки и вмятинки на своем теле, – вручную пахала, вручную жала рожь и ячмень и крючила горох, вручную, обдирая и обжигая руки, тянула осот. Нет, *родное скудным не бывает*» [Распутин <https://www.litmir.me/br/?b=36650&p=1>] (курсив наш. – Ч.В.).

Изба для Агафьи – не только ее родное жилище, но и ее опора, вера в жизнь. Родная изба – все, что придает ей уверенности в будущем, все, в чем сосредоточено ее отношение к жизни: изба в описании В. Распутина «не просто освоенное пространство, но “все-ленная” человека, средоточие социальных, нравственных, бытовых отношений, определяющих бытие “этического” человека “кондовой” России, тот “геном” национального менталитета, который осуществляет связь времен» [Шпаковский 2016, с. 330]. И в таком понимании В. Распутин не одинок. Так, для Ф. Абрамова дом – это «дом любви, любви деятельной и заботливой, любви людей реальных, конкретных. Дом – хозяин: отношение людей к дому по-хозяйски, со знанием дела, рачительно! <...> Дом – живой организм, герой, сравнение с человеком <...> это живой многоликий герой, у которого прослеживаются все этапы его биографии, вплоть до его полного одряхления. Дом – судьба: в судьбах новых домов таятся и судьбы старых домов, судьба детства и юности главных героев, судьбы семей и всей деревни. Дом – память: дом хранит память о людях, создавших его, живших в нем. И потеря этой памяти может повлечь утрату связи между поколениями, так, как были, например, утрачены многие традиции и обычаи. Дом – деревня, родина малая и Россия, Родина большая ...» [Слепцова 2009, с. 167]. Изба символизирует духовный мир, где сохраняются «коренные» ценности че-

Психолингвистический анализ трансформации содержания базовых этнических ценностей в русской культуре

ловека, и поэтому, показывая забвение культурных традиций и верований, В. Распутин передает это тоже через исчезновение ранее почитаемых и развитых видов деятельности людей, через оскудение природы: *«И стала год от года ужиматься в поселке жизнь: меньше давала тайга, безрыбней становилась Ангара, все реже стучали топоры на новостройках. А потом и вовсе ахнула оземь взятая ненадежно жизнь и покалечилась так, как никогда еще не бывало»* [Распутин 2001, с. 378]. Исчезает духовность – рушится привычный, разумный, нравственный уклад, «вековечный порядок», который пророс в самые мелкие детали быта. Предметы быта всегда вовлечены в духовную деятельность, а потому очеловечены в восприятии народа. Так, писатель использует сложный метафорический комплекс для создания образа избы, которая, оставшись *«сиротой», «без хозяйского догляда»,* не давала *«выхлестать стекла, выломать палисадник с рябиной и черемухой»* [Распутин 2001, с. 324], которые являются признаком жилого дома. рисуя образ живой избы, символизирующий родину для местных жителей, В. Распутин подчеркивает ее ценность в деревенской жизни, так как русский крестьянский дом – не сколько место жизни человека от момента рождения до смерти, столько средоточие духовной культуры русского этноса, место, где реализуются и другие важнейшие ценности: семья, вера, родина.

Поэтому Агафья никак не может понять, почему молодежь не жалеет о покинутой родной деревне, без сожаления бросает «могилы и старину». И снова писатель демонстрирует тот же прием выявления нравственных позиций народа через его отношение к обыденным вещам и обыденному поведению, подчеркивая тем самым естественность, укорененность этих позиций и морально-этических принципов. Сама она существует вопреки тяжелой судьбе, суровым испытаниям, работая выше сил, но одновременно демонстрируя духовную силу, терпимость и милосердие. Муж Агафьи давно погиб, а дочь, *«девочка затаенная... попала под безжалостные жернова городской перемолки... От боли и работы Агафья рано потускнела и состарилась...»* [Распутин 2001, с. 356].

Героиня берется за любую работу, потому что на ней семья, дети: *«Умела она справлять любую мужскую работу – и сети вязала, и морды для заездков плела, беря в Ангаре рыбу круглый год,*

и пахала, и ставила в сенокосы зароды, и стайку могла для коровы срубить. Только что не охотилась, к охоте, даже самой мелкой, ее душа не лежала. Но ружье, оставшееся от отца, в доме было» [Распутин 2001, с. 349].

Но самое тяжелое мучение в жизни для Агафьи – не тяжелый крестьянский труд, а то, что, постоянно болея, она вынуждена отказать от работы. Героиня чувствует себя ненужной, бесполезной, не выполняющей свое предназначение, униженной: *«Агафья еще больше похудела, на лице не осталось ничего, кроме пронзительных глаз, руки повисли как плети... Иногда она вскидывалась, пробовала бунтовать, но ее уже знали, знали, что на нее можно прикрикнуть, и тогда она, лишенная здесь всякой опоры, униженно распластанная на кровати, как на пыточном ложе, опять смирялась и умолкала» [Распутин 2001, с. 314].* Задавленная непосильным трудом, больная, она сохраняет свою духовную красоту, которая проявляется в ее бесконечной терпимости и заботе о семье. Изба Агафьи держится за свою избу источник жизнестойкости и упорства до конца. В символическом сне Агафьи *«избу на тросах устанавливают в яму. Агафья все видит, во всем участвует, только не может вмешиваться, как и положено покойнице, в происходящее. Избу устанавливают, и тогда выясняется, что земли выбрано мало, что крыша от конька до половины ската будет торчать. Мужики в голос принимают уверять, что это и хорошо, что будет торчать, что это выйдет памятником её жизни...» [Распутин 2001, с. 344].* Русский крестьянский дом – центр бытия человека от рождения до ухода, его малая родина. С ним связывается представление о *пуповине рода человеческого*, о единстве поколений, о правилах нравственной жизни. И все это объединяется верой как раз и навсегда сформировавшимся отношением человека к собственной жизни, позволяющем ему проявлять свои силы, стремления, воплощать надежды рядом с другими людьми, вполне разделяющими с ним исторически сложившиеся и одобренные поколениями основы бытия. Вера придает психологическому состоянию человека стабильность, корректируя его путь в достижении существенно значимого жизненного смысла и поведение на этом пути.

Таким образом, базовые ценности у В. Распутина могут быть представлены способом связи с определенными реалиями. Они не артикулируются, не формулируются в отточенные вербальные формулы – они переданы через отношение к простым реалиям действительности.

Одной из важнейших нравственных ценностей русского народа, по убеждению большинства исследователей, является вера, которая, с одной стороны, «определяется как система взглядов, как утверждение доброй интуиции о мире, как уверенность» [Галапова 2009, с. 3]; с другой – вера приносит радость, она способна дать силы для возрождения, потому что в критические моменты жизни объединяет чувства и разум, вера позволяет видеть красоту мира. Ю.С. Степанов писал, что вера – это уникальный русский концепт, фокусирующий внутреннее состояние человека [Степанов 1997]. Исчерпывающе описать содержание этого понятия невозможно, потому что оно связано бесчисленным количеством ассоциативных связей с другими важнейшими понятиями, детерминирующими сознание русского человека, причудливым образом сопряжено с миром обыденного бытия и миром вещей.

В. Распутин подчеркивает: пока жива связь вещей, олицетворяющих веру, с человеком, жив и сам человек, потому что устойчив его привычный ценностный мир, в котором остаются неизменными вера, достоинство, трудолюбие. Все в мире взаимосвязано. И если теряют веру и силы люди, разрушается и окружающий их мир, одухотворенный когда-то людской любовью и деятельностью. Если сравнить состав содержательных компонентов веры по лексикографическим источникам и рассказу В. Распутина, обнаруживается их специфическая иерархия. Словари фиксируют религиозность, убежденность, уверенность, доверие, истинность, верность веры как составляющие мировоззренческой позиции человека. Для В. Распутина вера прежде всего дает *надежду* на сохранение *традиционных* устоев жизни, одобренных многовековым опытом совместного существования людей. В вере реализуется *душа* народа, незримо связанного с *малой родиной*. Вера – неосознаваемый принцип бытия, без которого жизнь разрушается. Это духовные константы крестьянского мира, смыслообразующие факторы жизни,

которые, констатирует писатель, не остаются неизменными, разрушаются под воздействием внешних факторов, уничтожающих морально-нравственную специфику народа. Показательно, что, по мнению западных критиков [Катлин 2004], образы стариков и старух в деревенской прозе свидетельствуют о ностальгии писателей-деревенщиков по уходящему прошлому, о желании «поймать» уходящий в вечность вековой уклад жизни крестьян и почтить людей, живших по законам добродетельных традиций.

2.2.1. Смыслы базовых ценностей в творчестве В. Распутина

Произведенный анализ художественных текстов позволяет предполагать, что в них представлены новые смыслы, соотносимые с известными базовыми ценностями. Представленные ранее данные лексикографических источников дают возможность сравнивать их с психологически актуальным содержанием ценностей в прозе деревенщиков.

Часть признаков, реализуемых в художественном тексте, совпадает с выделенными по словарям. Однако есть и значительные расхождения, особенно проявляющиеся в количестве и иерархии содержательных компонентов ценности.

Для наглядности и лаконичности представим новые ценностные смыслы, актуализированные в творчестве В. Распутина в виде таблиц.

Ценность «семья» является ядерной для творчества В. Распутина, поскольку, по мнению писателя, именно семья является средоточием морально-нравственных принципов, обычаев и традиций, составляющих особую русскую культуру. Семья – это и та часть общества, через которую осуществляется связь поколений. Она придает силы героям В. Распутина, обеспечивает защитную функцию, гарантируя духовную стабильность индивида, воспитывает самопожертвование. Показательно, что составляющие ценности «семья» не совпадают с семантическими признаками лексемы *семья*. Следовательно, содержание ценностей может формироваться своими специфическими путями, отличными от становле-

Психолингвистический анализ трансформации содержания базовых этнических ценностей в русской культуре

ния значений лексем. Вместе с тем необходимо еще раз акцентировать, что присвоение ценностей идет всякий раз индивидуальным путем, формирующим индивидуальные ассоциативные связи, что и обнаруживается в актуализации содержательных компонентов ценности «семья».

Таблица 2.6

Сопоставление семантических компонентов лексемы *семья* и ценностных смыслов ценности «семья»

Семантические признаки лексемы <i>семья</i> по данным лексикографических источников	Интерпретация семантических компонентов <i>семья</i>	Актуальные признаки ценности «семья» в творчестве В. Распутина	Интерпретация контекстуального значения ценности «семья» в творчестве В. Распутина
Родственные отношения	Группа людей с близкими кровными связями	Духовный ориентир	к чему стремится человек в духовном и жизненном плане
Социальные отношения	Группа людей в обществе с близкими социальными отношениями, основа человеческого общества	Средоточие веры	Убеждение, изнутри поддерживающее человека
Счастье и благополучие	Психологическая поддержка человека	Необходимость	Составляющая часть жизни
Ответственность	Обязанность отвечать за полноту и стабильность семьи	Чувство безопасности	Чувство защищенности (психологической безопасности личности), семья воздействует на обстоятельства жизни, чтобы обеспечить условия для своего душевного покоя и стимула жизни
Взаимопомощь	Общежитийский смысл семьи	Теплота, уют	Утешение души

Ценность **«вера»** в повестях В. Распутина практически не соотносится с религиозностью. Она понимается как (1) надежда на будущее, на взаимопонимание, на сохранение привычных устоев нравственной жизни. По сути, это специфический принцип жизни, определяющий способ мышления и поведение человека. «Вера» в «Живи и помни» – совокупность представлений об устройстве обыденной жизни, которым человек неосознанно следует, потому что так поступали и предыдущие поколения. Эти морально-нравственные представления отражают духовную сущность традиционной русской культуры. Кроме того, ценность **«вера»** в художественном пространстве В. Распутина актуализирует (2) изначальную эмоциональную связь человека с родной землей. Наконец, третий психологический актуальный для героев В. Распутина компонент веры – (3) безотчетность и искренность.

Таблица 2.7

Сопоставление семантических компонентов лексемы вера и ценностных смыслов ценности «вера»

Семантические признаки лексемы <i>вера</i> по данным лексикографических источников	Интерпретация семантических компонентов <i>вера</i>	Актуальные признаки ценности «вера» в творчестве В. Распутина	Интерпретация контекстуального значения ценности «вера» в творчестве В. Распутина
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>
Религиозность	Определенная система взглядов, обусловленная верой в сверхъестественное	Мировоззренческая позиция	Необходимая составляющая человеческого сознания
Убежденность	Твердая уверенность в чем-либо	Надежда	положительно эмоциональное чувство, возникающее у человека при напряжённом ожидании исполнения желаемого, особенно при трудных случаях
Уверенность	Состояние бытия без сомнения, свобода от сомнения	Уверенность	Состояние бытия без сомнения, свобода от сомнения
Доверие	Уверенность в порядочности и доброжелательности другого человека	Безотчетность	Отсутствие всякого контроля, подсознательно помогает герою в потере
Истина	То, что есть в действительности, соответствует действительности, правда	Искренность	отказ от внутреннего и внешнего обмана, показать другим только милосердие

Окончание таблицы 2.7

<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>
Мировоззренческая позиция человека	Необходимая составляющая человеческого сознания	Убежденность	Твердая уверенность в чем-либо
Жизненная позиция	Индивидуальное отношение к миру, обществу, своему месту в нем	Истинность	То, что есть в действительности, соответствует действительности, правда
Правда	Нечто верное, правдивое, подлинное	Верность	стойкость и неизменность в чувствах и отношениях, в исполнении своих обязанностей
Бог	Устроитель жизни, наставник и помощник		

Таблица 2.8

Сопоставление семантических компонентов лексемы *милосердие*
и ценностных смыслов ценности «милосердие»

Семантические признаки лексемы <i>милосердие</i> по данным лексикографических источников	Интерпретация семантических компонентов <i>милосердие</i>	Актуальные признаки ценности «милосердие» в творчестве В. Распутина	Интерпретация контекстуального значения ценности «милосердие» в творчестве В. Распутина
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>
Сочувствие	Способность человека к сопереживанию, прощению, снисхождению	Сочувствие	Способность человека к сопереживанию, прощению, снисхождению
Добродетель	Умение направлять свою деятельность на благо окружающих, бескорыстно и не требуя материального вознаграждения	Сострадание	Способность поставить себя на место другого человека, полностью прочувствовать его переживания
Сострадание	Способность поставить себя на место другого человека, полностью прочувствовать его переживания	Сопереживание	способность внутренне отождествляться с другим человеком, объединять свои переживания с его переживаниями, радо оказать в одинаковых ситуациях и угодно помочь

Окончание таблицы 2.8

1	2	3	4
Любовь к другим людям	Глубокая привязанность к другому человеку	Инстинктивное человеколюбие	способность любить людей, раз их любит Бог от души
Человеколюбие	Стремление к позитивному разрешению проблем на основе любви и сострадания к окружающим.	Сердобольность	способность принимать всё близко к сердцу, искренне чувствовать чужому горю, несчастью
Благотворительность	Гуманность мировоззрения	Заботливость	проявление заботы, внимания
Великодушие	Бескорыстная уступчивость, снисходительность, отсутствие злопамятства, способность жертвовать своими интересами	Доброта	желание кому-то помочь
Снисхождение	Уступчивое, милостивое поведение индивида по отношению к окружающим		
Желание оказания помощи	Неудержимое желание помочь		

Психолингвистический анализ трансформации содержания базовых этнических ценностей в русской культуре

Терпимость как ценность в творчестве В. Распутина связана прежде всего с умением терпеть, переживать трудные положения, сдерживать эмоции. Это умение формирует способность управлять своими психологическими переживаниями, духовное мужество, великодушие, выносливость. В деревенской прозе терпимость рассматривается как неперемное условие трудовой жизни, борьбы с лишениями и положительное качество человека. В. Распутин считает терпимость признаком «внутренней святости» человека, поскольку для него терпимость – это не проявление пассивного страдания, а позиция человека, способного активно противостоять обстоятельствам, внешне не проявляя страдания.

Таблица 2.9

Сопоставление семантических компонентов лексемы *терпимость* и ценностных смыслов ценности «терпимость»

Семантические признаки лексемы <i>терпимость</i> по данным лексикографических источников	Интерпретация семантических компонентов <i>терпимость</i>	Актуальные признаки ценности «терпимость» в творчестве В. Распутина	Интерпретация контекстуального значения ценности «терпимость» в творчестве В. Распутина
1	2	3	4
Снисходительность	Отсутствие строгости, излишней требовательности по отношению к кому-либо	Умение терпеть	
Смирение	Способность человека перебороть в себе любые проявления эгоизма и гордыни	Сдержанность	Умение управлять своими действиями и проявлениями эмоций
Выдержанность	Способность устоять, не поддаваться какому-нибудь вредному влиянию, стойко перенести трудности	Условие трудовой жизни	Качество для преодоления тяжелой деревенской жизни

Окончание таблицы 2.9

1	2	3	4
Пассивность	Сознательное подавление чувства неприятия		
Упорство	Настойчивое стремление к чему-либо, к осуществлению чего-либо		
Страдание	Способность испытывать крайне неприятные, тягостные или мучительные ощущения, физический и эмоциональный дискомфорт		

Родина – одна из важнейших ценностей в художественном мире В. Распутина. Человека и Родину связывает инстинктивное, отприродное чувство родства, которое невозможно осмыслить рационально. В сознании героев В. Распутина Родина неразрывно взаимосвязана с семьей как сообществом, в котором формируется мораль, нравственность, культура.

Таблица 2.10

Сопоставление семантических компонентов лексемы *Родина* и ценностных смыслов ценности «Родина»

Семантические признаки лексемы <i>Родина</i> по данным лексикографических источников	Интерпретация семантических компонентов <i>Родина</i>	Актуальные признаки ценности «Родина» в творчестве В. Распутина	Интерпретация контекстуального значения ценности «Родина» в творчестве В. Распутина
1	2	3	4
Семья	Группа родных по крови и по закону людей	Семья	Группа родных по крови и по закону людей
Ностальгия	Тоска по родине	Ностальгия	Тоска по родине

Психолингвистический анализ трансформации содержания базовых этнических ценностей в русской культуре

Окончание таблицы 2.10

1	2	3	4
Территория	Исторически принадлежащая данному народу территория с ее природой, населением, особенностями исторического развития, языка, культуры, быта и нравов	Родное место	Место, где создана семья, в котором родился человек
Государство	Страна, гражданином которой является человек	Духовная связь	Родина воспринимается деревенским героям именно живым и непосредственным духовной принадлежностью
Патриотизм	Чувство сильной любви к своей стране.	Любовь	Чувство сильной любви к своей родине
		Надежда	В родине существует обоснованное ожидание человека
		Вера	К чему человек верит и стремится в жизни

И снова реальное содержание базовых ценностей в представлении конкретных людей не совпадает с принятыми в разных научных дисциплинах моделями, что отражается и в художественных мирах. Представляется, что полученные выводы можно использовать для корректирования представлений о специфике национальной русской культуры.

2.3. Реализация содержания базовых ценностей в творчестве В. Астафьева

Задача следующих далее параграфов работы – верифицировать выводы об отличии реальных ценностных систем и существующих научных моделей, которые, на наш взгляд, искажают реальное содержание специфично российских ценностей.

Критики отмечают, что проза В. Астафьева, В. Белова и В. Распутина хранит глубинную память о «первоосновах русского национального характера – в их противопоставлении злу и распаду» [Большакова 2000, 59]. Для произведений В. Астафьева и В. Распутина характерно определение основных моральных ценностей человека в его единении со своей семьей, с памятью предков, в соблюдении и сохранении традиций и веры. В этом и заключается система ценностей героев деревенской прозы.

Персонажи В. Распутина, В. Астафьева и В. Белова тесно связаны со своей семьей и со своей землей, их действия основаны на милосердии. И наоборот, персонажи, потерявшие взаимосвязь со своим родным домом, со своими корнями, теряют духовные ценности, что приводит к их нравственному падению.

«Последний поклон» В. Астафьева – биографическая повесть о нелегком детстве писателя, в центре художественной проблематики которой судьба рано оставшегося без матери мальчика, по воле судьбы живущего у бабушки. Бабушка Катерина – символический образ хранителя этнических ценностей, обычаев и традиций деревенской жизни, порядка мироустройства, воплощающий глубокую человеческую мудрость. И эта мудрость выражена в совокупности простых, обыденных представлений: *«все вокруг должно стоять и лежать на определенном месте – и дом, и пашня, и огороды, и лес, и горы вокруг, хозяйство и деяния человека в нем должны знать границу, должны быть очерчены жердями, заплотом, межой, дорогой, распадком, речкой, за которую не хожено и незачем ходить, стало быть, и думать, что там дальше, – незачем, всей земли не охватишь, вся она в боговом распоряжении, только ему и досягаемо всю ее озреть с небесной высоты, ему и заботиться о ней, страдать большими страданиями, потому как один за всех. Человек должен трудиться и не роптать»* [Астафьев

1989, с. 187]. Основа ее жизнеспособности – в устойчивости принципов, выработанных веками: вокруг должен быть порядок – и не только внешний, но и *«деяния человека ... должны знать границу»*, должны регламентироваться нравственными правилами. Чтобы поддерживать этот порядок и нравственность, *«человек должен трудиться и не роптать»*. Поэтому *труд* как добродетель и нравственное деяние на благо людей и *терпение* становятся не просто важными – необходимыми ценностями.

Еще один герой, Витя, внук Катерины – пример высокодуховного человека. Рано оставшись сиротой, он, благодаря бабушке, выдержал все жизненные испытания. Катерина научила внука милосердию, любви, терпимости, доброте и на собственном примере доказывала их необходимость, ухаживая за всеми, кто в этом нуждался, всем помогая, стараясь быть полезной и никого не обвинять в своих бедах. Витька мучился от сильной ревматической боли, бабушка облегчала ему боль натиранием, но ни разу не обижалась на обстоятельства и судьбу: *«заодно бабушка свою поясницу и свои руки-ноги натерла вонючим спиртом, опустилась на скрипучую деревянную кровать, забормотала молитву Пресвятой Богородице, охраняющей сон, покой и благоденствие в дому»* [Астафьев 1989, с. 117]. Ни лекарство, ни молитва не помогли: *«не уснул я в ту ночь. Ни молитва бабушкина, ни нашатырный спирт, ни привычная шаль, особенно ласковая и целебная оттого, что мамаина, не принесли облегчения. Я бился и кричал на весь дом»* [Астафьев 1989, с. 117], но Витька научился состраданию и сочувствию. Бабушка передала внуку силу веры, милосердия, терпения, любви к окружающим, умение видеть положительные стороны во всем и не роптать.

После войны Витька хотел вернуться к любимому и единственному близкому человеку на земле, связь с которым давала ему ощущение защищенности: *«если у человека нет матери, нет отца, не есть родина, – он еще не сирота. <...> Все проходит: любовь, сожаление о ней, горечь утрат, даже боль от ран проходит, но никогда-никогда не проходит и не гаснет тоска по родине...»* [Астафьев 1989, с. 234].

Трудолюбие и терпение – высокая ценность и нравственная опора, определяющая жизнеспособность русского деревенского

уклада: *«В любом деле не слово, а руки всему голова. Рук жалеть не надо. Руки, они всему вкус и вид делают. Болят ночами ручки мои, потому как не жалела я их никогда»* [Астафьев 1989, с. 36]. И вновь мы видим способ представления содержания ценностей через обращение к реалиям действительности, ассоциативно соотносимым с этими ценностями. Руки – главное орудие тяжелого деревенского труда воспринимаются читателем как символ трудолюбия. Для самой героини они просто привычный инструмент выполнения трудовых действий, но при этом она понимает, что именно умелые руки *всему вкус и вид делают* – придают смысл и создают порядок, и потому Катерина *«не жалела ... их никогда»*. Это ценности, разделяемые и другими героями повести, закреплены в большом количестве пословиц и поговорок, которые могли бы составить предмет особого исследования в установлении содержания этнических ценностей (*Не сиди сложа руки, не будет скуки, Не печь кормит, Терпенье и труд всё перетрут, Любовь и труд счастье дают, Больше дела, меньше слов* и многие другие).

В сибирской деревне с раннего возраста детей воспитывали в уважении к труду – основе деревенского быта, позволяющей обеспечивать необходимый уровень жизни, поэтому деревенские жители постоянно *«то спешили на работу, то домой с работы»* [Астафьев 1989, с. 236]. Важно и то, что сам незыблемый порядок трудовых действий, освященный несколькими поколениями крестьян, приносит людям радость и наслаждение, позволяет им осознать собственную весомость и значимость – придать труду *«вкус и вид»*: *«По сено собираются с вечера. Дедушка и дядя Коля, или Кольча-младший, как его зовут в семье, проверяют сбрую, стучат топорищами по саням, что-то там подвязывают, подтесывают, прикрепляют. <...> Старые сани вытащили из-под навеса. К ним пристыла серая, летняя пыль, скоробились сыромятные завертки, порыжели полозья. Вот эти-то сани и колотят обухом, проверяют и подлаживают»* [Астафьев. Запах сена. <https://azbyka.ru/fiction/poslednij-poklon/#n4>]. Такое отношение к труду как радости, удовольствию, возможности проявить свое исключительное умение проявляется не только в масштабных, важных сельскохозяйственных работах, но и в самых обыденных делах, например, в приготовлении блинов. *«Ну, Господи, баслови!»* –

*тихо роняет бабушка и вынимает из печи сковородником черную, пока еще беззвучную, неодушевленную сковороду <...> Бабушка – дирижер, фокусник, мастер – сковородником так и этак поворачивает сковороду, расстилая по ней тонкий блин до самых краев <...> Уловив какой-то, ей лишь ведомый момент, бабушка выхватывает сковороду и, мотнув сковородником, подбрасывает кругляшок блина будто фокусник монету – и он ложится на сковороду обратной стороной, и снова, совсем уж на короткое время, обратно блину в печь надо, на зажарку и подсушку с обратной стороны. Было это уж архитектурным излишеством, форсом бабушкиным <...> Прежде-то ей некогда было фокусы показывать и баб-соседок поражать этакой вот ловкостью и разудалостью» [Астафьев. Стряпухина радость. <https://azbyka.ru/fiction/poslednij-roklon/#n4>]. Очень важно для героини и восприятие общества как цельного, единого организма, невозможность отделить себя от него. Это стало ее внутренней убежденностью и воспринимается как единственно возможный способ существования человека, основа жизни: «*Машинка хотя и была бабушкина, но в то же время как бы принадлежала и многим другим людям. Бабушка общивала на ней почти полсела...*» [Астафьев 1989, с. 301]. И этот принцип неразрывной связи с другими людьми проявляется во всех поступках героини. Достаточно вспомнить, как помогает односельчанам Катерина в голодное время 1933 года, проявляя инстинктивное, естественное милосердие к людям: «*Бабушка громко, хрипло дышала, полусидя в подушках, и все спрашивала: – Покор... покормили ли ребенка-то?.. Там простокиша... калачи... в кладовке все... в ларе*» [Астафьев 1989, с. 267]. Ее безграничное милосердие, самопожертвование, трудолюбие является характерным для канонического деревенского образа спасительницы и хранительницы. Именно такой воспринималась бабушка в сознании внука. Милосердие бабушки Катерины – ее внутренняя черта, определяющая любой поступок и в целом жизнь героини. Она спасает внука от болезни всеми доступными ее пониманию средствами: «*бабушка шептала молитву от всех скорбей и недугов, брызгала меня святой водой, травами пользовала до того, что меня начало рвать... бабушка увела меня вверх по Фокинской речке, до сухой россохи, нашла там толстую осину, поклонилась ей и стала молиться, а я**

три раза повторил заученный от нее наговор: «Осина, осина, возьми мою дрожалку – трясину, дай мне леготу», – и перевязал осину своим пояском» [Астафьев 1989, с. 19]. Она проявляет милосердие даже тогда, когда внук обманул ее, и она, ничего не подозревая, «продает в городе туесок, лишь сверху заполненный ягодами, а внизу – травой» [Астафьев 1989, с. 50]. Катерина выполняет свое обещание и привозит внуку обещанного «пряничного коня с розовой гривой, а ещё толком не поднявшись на ноги после тяжёлой болезни, принялась кроить и шить Витьке долгожданные штаны с настоящим карманом» [Астафьев 1989, с. 233]. Такое последовательное проявление нравственности, не зависимое от обстоятельств, сильнее всего действует на окружающих и становится для них тоже единственно возможной формой существования. И в этом тоже специфика передачи морально-этических ценностей от поколения к поколению. Поэтому бабушка Катерина служила для Вити символом постоянства веры, тесной связи с малой родиной, и это спасает его от безграничного отчаяния, придает смысл жизни: «Не убило меня на войне, и я к бабушке иду, к Катерине Петровне. Только через порог переступлю, непременно гаркну: «Здравия желаю, товарищ генерал!» – она аж присядет и с испугу уронит чего-нибудь. "О, чтоб ты, окаянного, приподняло да шлепнуло!" - скажет. Так и скажет. Я-то уж знаю свою бабушку!» [Астафьев 1989, с. 318].

Таким образом, смысл «Последнего поклона» В. Астафьева состоит в раскрытии духовно-нравственной стороны человека, которая отражает моральные ценности русского этноса и сущность менталитета русских. В образе Катерины воплощен русский национальный характер, в полной мере показывающий духовную константу крестьянской жизни.

В отличие от творчества В. Распутина, в художественном мире В. Астафьева больше внимания уделено воспитанию духовного мира героев, в действиях которых реализуются их жизненные ценности. Глубокое разочарование и тревога за духовное будущее народа звучит в его словах, обращенных к критику В. Курбатову: «... тоскуем по родине, как в эмиграции... Мученическая тоска по цельности человеческой жизни, по длительности рода – от дедов к

Психолингвистический анализ трансформации содержания базовых этнических ценностей в русской культуре

внукам, когда окружает... отчий лес, и отчая река, и родные предания. Вы еще в себе это сберегли, а уж мы – нет. Новое-то поколение пойдет совсем безродное и будет называть землю впервые, как Адам, и им будет проще, а вот что нам делать...» (Цит. по: [Гущина 2004, с. 69]).

В повести «Последний поклон» ценность «вера» представлена образами родины и бабушки, рассматриваемыми как надежный «оплот спасения»; она проявляется в долгой ностальгии героя, придавая смысл человеческой жизни. Обиходное, обыденное понимание веры отходит на задний план – она приобретает экзистенциальный смысл принципа бытия и надежды на будущее.

2.3.1. Смыслы базовых ценностей в творчестве В. Астафьева

Представим сопоставительную таблицу, в которой сопоставляется лексикографическое содержание лексемы *вера* с ценностью «вера» в произведениях В. Астафьева.

Таблица 2.11

Сопоставление семантических компонентов лексемы *веры* и ценностных смыслов ценности «вера» у В. Астафьева

Семантические признаки лексемы <i>вера</i> по данным лексикографических источников	Интерпретация семантических компонентов <i>вера</i>	Актуальные признаки ценности «вера» в творчестве В. Астафьева	Интерпретация контекстуального значения ценности «вера» в творчестве В. Астафьева
1	2	3	4
Религиозность	Определенная система взглядов, обусловленная верой в сверхъестественное	Надежда	Положительно эмоциональное чувство, возникающее у человека при напряжённом ожидании исполнения желаемого, особенно при трудных случаях
Убежденность	Твердая уверенность в чем-либо	Убежденность	Твердая уверенность в чем-либо

Окончание таблицы 2.11

1	2	3	4
Уверенность	Состояние бытия без сомнения, свобода от сомнения	Сила	Ценный ресурс для человека, которым располагает он в трудные моменты
Доверие	Уверенность в порядочности и доброжелательности другого человека	Основа и смысл жизни	Обеспечение надежды для жизни
Истина	То, что есть в действительности, соответствует действительности, правда	Стремление к идеалу	Убеждение, настойчивое желание сделать что-либо, внутренне обусловленная необходимость
Мировоззренческая позиция человека	Необходимая составляющая человеческого сознания	Защищенность	психологическая защита
Жизненная позиция	Индивидуальное отношение к миру, обществу, своему месту в нем		
Правда	Нечто верное, правдивое, подлинное		
Бог	Устроитель жизни, наставник и помощник		

Обратим внимание на то, что в понимании ценности «вера» у Распутина и В. Астафьева нет полного совпадения. Так, для В. Распутина была важна следующая иерархия содержательных признаков этой ценности: ‘надежда’, ‘эмоциональная связь человека с родной землей’, ‘безотчетность’, ‘искренность’, ‘убежденность’. По сути, пересекаются признаки ‘надежда’ ‘убежденность’ как основа смысла жизни. Все другие признаки взаимно предполагают друг друга и связаны самыми разными ассоциативными связями.

Психолингвистический анализ трансформации содержания базовых этнических ценностей в русской культуре

Наиболее яркая ценность, представленная в повести «Последний поклон», – милосердие, даже идеал «милосердной любви», который реализуется в конкретной заботе и теплоте бабушки Катерины. Милосердие изображается В. Астафьевым как «любовь-дар», предназначенный всем людям без исключения. Оно реализуется в человеколюбии, сострадании, заботе, душевной теплоте, добре и бескорыстии. Как видим, в реализации этой ценности у В. Астафьева больше совпадений с инвариантным представлением о ее содержании, возможно, потому что само понятие калькировано из старославянских текстов, практически не употреблялось в обиходном крестьянском языке и чаще используется в научном описании при моделировании ценностей.

Таблица 2.12

Сопоставление семантических компонентов лексемы *милосердие* и ценностных смыслов ценности «милосердие» у В. Астафьева

Семантические признаки лексемы <i>милосердие</i> по данным лексикографических источников	Интерпретация семантических компонентов <i>милосердие</i>	Актуальные признаки ценности «милосердие» в творчестве В. Астафьева	Интерпретация контекстуального значения ценности «милосердие» в творчестве В. Астафьева
1	2	3	4
Сочувствие	Способность человека к сопереживанию, прощению, снисхождению	Сострадание	Способность поставить себя на место другого человека, полностью прочувствовать его переживания
Добродетель	Умение направлять свою деятельность на благо окружающих, бескорыстно и не требуя материального вознаграждения	Человеколюбие	Стремление к позитивному разрешению проблем на основе любви и сострадания к окружающим

Окончание таблицы 2.12

1	2	3	4
Сострадание	Способность поставить себя на место другого человека, полностью прочувствовать его переживания	Доброта	Желание кому-то помочь
Любовь к другим людям	Глубокая привязанность к другому человеку	Заботливость	Проявление заботы, внимания
Человеколюбие	Стремление к позитивному разрешению проблем на основе любви и сострадания к окружающим.	Теплота души	Способность согревать нуждающимся светом собственной души; готовность оказать помощь
Благотворительность	Гуманность мировоззрения	Бескорыстие	Способность приносить блага другим, независимо от собственной выгоды
Великодушие	Бескорыстная уступчивость, снисходительность, отсутствие злопамятства, способность жертвовать своими интересами		
Снисхождение	Уступчивое, милостивое поведение индивида по отношению к окружающим		
Желание оказания помощи	Неудержимое желание помочь		

Ценность «семья» представляется доминирующей как у В. Распутина, так и в творчестве В. Астафьева. Она реализуется прежде

Психолингвистический анализ трансформации содержания базовых этнических ценностей в русской культуре

всего в огромном количестве обиходных деталей и обыденных отношений, эмоционально связанных с понятием семьи. С одной стороны, семья – проводник общественно значимых представлений и смыслов, символ объединения людей в единый этнос, с другой – средоточие глубоко индивидуального их присвоения, определяющего жизненные принципы каждого из героев. В семье индивид инстинктивно чувствует, что он защищен от невзгод внешнего мира и испытывает эмоциональный комфорт. Поэтому ценность «семья» включает совокупность следующих актуальных для В. Астафьева смыслов:

Таблица 2.13

Сопоставление семантических компонентов лексемы *семья* и ценностных смыслов ценности «семья» у В. Астафьева

Семантические признаки лексемы семья по данным лексикографических источников	Интерпретация семантических компонентов семья	Актуальные признаки ценности «семья» в творчестве В. Астафьева	Интерпретация контекстуального значения ценности «семья» в творчестве В. Астафьева
1	2	3	4
Кровные родственные отношения	Группа людей с близкими кровными связями	Вера	надежный «оплот спасения», сила души
Социальные отношения	Группа людей в обществе с близкими социальными отношениями, основа человеческого общества	Надежда	Безразрывная эмоциональная связь человека с семьей
Счастье и благополучие	Психологическая поддержка человека	Эмоциональная близость	Чувство полного bezpieczeństwa, теплоты и близости в присутствии семьи

Окончание таблицы 2.13

1	2	3	4
Ответственность	Обязанность отвечать за полноту и стабильность семьи	Безопасность	Чувство защищенности (психологической безопасности личности), семья воздействует на обстоятельства жизни, чтобы обеспечить условия для своего душевного покоя и стимула жизни.
Взаимопомощь	Общежитейский смысл семьи	Теплота и уют	Утешение души
		Духовный ориентир	к чему стремиться человек в духовном и психологическом плане

Специфично и понимание В. Астафьевым ценности «терпимость», которая, как и вера, по сути определяется надеждой. Поэтому терпимость у В. Астафьева, как и у В. Распутина, активна: она не заставляет героев пассивно смиряться с трудными обстоятельствами, а действовать так, чтобы быть готовым к их преодолению: с малых лет детей приучают к труду, аккуратности, эмоциональной сдержанности. Терпимость в смысловом пространстве деревенской прозы – это способность принимать жизнь со всеми ее трудностями и преодолевать их, поскольку у человека есть внутренний стержень – надежда и вера и выработанные навыки такого преодоления.

Психолингвистический анализ трансформации содержания базовых этнических ценностей в русской культуре

Таблица 2.14

Сопоставление семантических компонентов лексемы *терпимость* и ценностных смыслов ценности «терпимость» у В. Астафьева

Семантические признаки лексемы <i>терпимость</i> по данным лексикографических источников	Интерпретация семантических компонентов <i>терпимость</i>	Актуальные признаки ценности «терпимость» в творчестве В. Астафьева	Интерпретация контекстуального значения ценности «терпимость» в творчестве В. Астафьева
1	2	3	4
Снисходительность	Отсутствие строгости, излишней требовательности по отношению к кому-либо	Активность	Положительное качество личности
Смирение	Способность человека перебороть в себе любые проявления эгоизма и гордыни	Эмоциональная сдержанность	Умение управлять своими действиями и проявлениями эмоций
Выдержанность	Способность устоять, не поддаться какому-нибудь вредному влиянию, стойко перенести трудности	Страдание	Способность испытывать крайне неприятные, тягостные или мучительные ощущения, физический и эмоциональный дискомфорт
Пассивность	Сознательное подавление чувства неприятия	Переживание	Испытываемое человеком отрицательное состояние
Упорство	Настойчивое стремление к чему-либо, к осуществлению чего-либо	Проявление сильного характера	Положительное качество личности, характер спокойного перенесения боли, беды, несчастья и т. п.

Окончание таблицы 2.14

1	2	3	4
Страдание	Способность испытывать крайне неприятные, тягостные или мучительные ощущения, физический и эмоциональный дискомфорт	Навыки жизни	Способность переживать безропотно, стойко переносить страдания и бедствия в трудной деревенской жизни

Ценность «Родина» у В. Астафьева прежде всего связана с семьей и дает человеку устойчивое ощущение защищенности и надежду на то, что он не останется одиноким в любой ситуации. С Родиной человек связан многочисленными узами, которые осознаются только в экстремальной ситуации, а в обыденной жизни настолько тесно переплетены с окружающей природой, отношениями с людьми, обиходными предметами, что, как правило, не осознаются, а лишь ощущаются на подсознательном уровне. Таким образом, содержание исследуемых ценностей у В. Распутина и В. Астафьева близко, но при этом значительно отличается от смоделированного в результате научного анализа.

Таблица 2.15

Сопоставление семантических компонентов лексемы *Родина* и ценностных смыслов ценности «Родина» у В. Астафьева

Семантические признаки лексемы <i>Родина</i> по данным лексикографических источников	Интерпретация семантических компонентов <i>Родина</i>	Актуальные признаки ценности «Родина» в творчестве В. Астафьева	Интерпретация контекстуального значения ценности «Родина» в творчестве В. Астафьева
1	2	3	4
Семья	Группа родных по крови и по закону людей	Семья	Группа родных по крови и по закону людей
Ностальгия	Тоска по родине	Защищенность	Чувство безопасности на своей земле

Психолингвистический анализ трансформации содержания базовых этнических ценностей в русской культуре

Окончание таблицы 2.15

1	2	3	4
Территория	Исторически принадлежащая данному народу территория с ее природой, населением, особенностями исторического развития, языка, культуры, быта и нравов	Родное место	Место, где создана род, семья, в котором родился человек
Государство	Страна, гражданином которой является человек	Надежда	В родине существует обоснованное ожидание человека
Патриотизм	Чувство сильной любви к своей стране.	Частица души	Существенно важная часть души для человека, основа жизненной силы
		Вера	Эмоциональный фундамент героя

2.4. Базовые ценности русской деревни в творчестве В. Белова

Стабилизирующая функция духовных ценностей отмечается в творчестве всех «деревенщиков»: без системы ценностей человек разрушается нравственно и физически, без нее не формируется национальная ментальность народа. Писатели-«деревенщики» озабочены тем, что вековые нравственные устои разрушаются, и разрушаются быстро, под воздействием внешних факторов, и все меньше остается людей, способных поддерживать традиции и обычаи, хранить исконные нравственные принципы. Детально изображая незамысловатый деревенский быт и характеры героев, писатели с помощью художественных приемов анализируют содержание русского национального характера, о самобытности которого писал Д.С. Лихачев: «надо понять черты русского характера. Правильно направленные эти черты – бесценное свойство русского человека» [Лихачев 1990, с. 3]. Естественным воплощением природы

русского человека «деревенщики» считают безусловное и бескорыстное милосердие, веру, не требующую доказательств, сохранение и почитание семьи как единства нескольких поколений, доброту к любому живому существу и природе, трудолюбие, родину как место, где ты родился и формировался, терпимость, но не смирение. Эти черты и определяют специфику духовности представителя традиционной русской культуры.

При этом персонажи деревенской прозы не считают свое поведение героическим: для них «привычное дело» много и тяжело трудиться, помогать бескорыстно, верить в лучшее будущее вопреки обстоятельствам и сохранять себя как нравственного человека. Герой В. Белова – это «человек большой силы, большой души и душевной ясности; человек, обладающий негромким, даже невнятным, и все-таки героизмом, который можно, наверное, назвать героизмом повседневным, житейским» [Залыгин 1991, с. 45].

Катерина, героиня повести «Привычное дело», – обычная крестьянка, но одновременно и символический образ русской женщины, способной к проявлению душевной щедрости, милосердия, искренности и доброты, несмотря на очень трудные жизненные обстоятельства. Ее милосердие так же, как и у героев В. Астафьева, проявляется ежедневно, буднично, в обыденных действиях и поведении. Будучи, по сути, нищей, она постоянно думает о том, как помочь родным. Она даже не воспринимает это как проявление высоких моральных качеств – это ее единственно возможная форма поведения: *«Пошлю Танюшке-то хоть в письме пятерочку. За самовар сосновская крестная сулила принести двадцать рублей, да бригадир сорок принесет, надо послать. Анатошке, тому тоже трешник на неделю вынь да положь... Да и валенки вон уже все измолол, ведь в худой обуви в школу не пошлешь, надо ему новые валенки, а Гришке с Васькой по рубахе, уж давно сулила, надо купить... да Марусе сапожки резиновые, весна скоро...»* [Белов 2005, с. 42].

Исследователи называют такое поведение ответственным, милосердным, терпимым, но сам В. Белов намеренно акцентирует отсутствие героизма (и тем более осознания его) в поведении Катерины. Она естественно живет в мире принятых обществом ценностей: заботы о детях, выполнения данного обещания (*уж давно сулила, надо купить*), сохранения «лица» на людях (*в худой обуви в*

школу не пошлешь). Ее жизнь складывается из фрагментов жизни других людей, от которых она себя не отделяет, а потому не ожесточается. В. Белов показывает, что только люди такой высокой нравственной силы способны к самопожертвованию, беспредельной ответственности.

Писатель подчеркивает, что в Катерине сильно материнское начало как проявление бесконечного милосердия и терпимости: *«Катерина все прижимала ребенка. Поправила волосенки, ладонью осушила Марусины слезы и говорила, говорила ласковые тихие слова: – Вот, Маруся, я тебе и пряничков принесла, и домой-то мы сейчас с тобой пойдём, доченька, есть кто дома-то? Нету? Сквозь пелену давнишней недетской тоски в глазах девочки блеснуло что-то мимолетное, радостное, она уже не плакала и не вздрагивала плечами»* [Белов 2005, с. 48]. Интенсивность материнского чувства представлена различными способами: эмоциональной лексикой (*ласковые тихие слова*), словами с уменьшительно-ласкательными суффиксами (*волосенки, пряничков, доченька*); лексикой, выражающей интенсивность ее утешающих действий (*прижимала ребенка; осушила слезы; говорила, говорила*); употреблением слов с аффиксами, снижающими степень категоричности высказывания (*и домой-то, дома-то*), употреблением местоимения *мы* для подчеркивания единства с собеседником и др. Бескорыстная материнская любовь Катерины делает жизнь детей, несмотря на нищенское существование, радостной и светлой, и дети впитывают семейные ценности, веру и терпимость, в естественном процессе обыденного бытия создают духовную опору своего существования.

Герои В. Белова, как и других деревенщиков, проявляют свое милосердие по отношению ко всему живому, потому что это милосердие не внешнее, а глубинное, связанное с каждым обыденным действием. Катерина, только что выписавшись из больницы после рождения девятого ребенка, еще *«слабая после болезни»*, сразу *«пошла в телятник»*: *«Телятишки, как ребятишки, тыкались мокрыми рылами в ее ладони... Чуть не до дневной дойки бегала, чистила стайки, солому стелила»* [Белов 2005, с. 43]. В этой заботе об окружающих Катерина растворяется без остатка, забывая себя,

и потому гибнет в процессе выполнения повседневных обязанностей, даже не осознав, что жизнь ее покидает: *«вдруг не стало хватать воздуха, тошнота подступила к горлу. Не бывало еще так никогда... И вдруг опять будто кто зажал Катерине рот и начал душить, ослабела враз и ничком опустилась на сухую теплую соломенную подстилку»* [Белов 2005, с. 51].

Русская женщина с ее милосердием, терпимостью – центр деревенского бытия, говорит В. Белов. На ней и ее качествах держится семья и род. И если этот духовный стержень ломается, рушится весь привычный уклад, порядок, «вид».

Иван Африканович уже привык к нищете, хотя много трудится – «привычное дело» – но при этом он переносит все тяготы жизни с удивительной терпимостью, ни словом не попрекнув судьбу: *«Тожe жить-то охота, никуда не деваешься. Дело привычное. Жись. Везде жись»* [Белов 2005, с. 133]. Даже череда горестей и бед – долгая работа вне дома, ностальгия и тоска по семье, кончина любимой жены – не лишают его смирения: *«Ничего. Все уйдет, все кончится. И тебя не будет, дело привычное»* [Белов 2005, с. 175]. С уходом жены Иван Африканович теряет последнюю жизненную опору: *«с того дня, как ее увезли в больницу, он похудел и оброс, брился всего один раз, на заговенье. В руках ничего не держится, глаза ни на что не глядят. Катерину увезли на машине еле живую. Врачи говорят: гипертония какая-то, первый удар был. Четыре дня лежала еще дома – колесом пошла вся жизнь. В доме сразу как не топлено стало»* [Белов 2005, с. 408]. Радикальность изменения жизни подчеркнута идиомами, выражающими интенсивность процесса (*жизнь пошла колесом, в руках ничего не держится, глаза ни на что не глядят*), словами, выражающими высшую степень признака, процесса, отношения (*всего один раз, еле живую, вся жизнь*), актуализацией образов, ассоциативно связанных с разрушением привычного уклада жизни (*не топлено в доме, не брился похудел, оброс*).

В образе Катерины и других селян ярко реализуется базовая ценность «терпимость», которая позволяет не однажды выручать семью из затруднительного положения: *«... встанет-то в третьем*

часу, да и придет уж вечером в одиннадцатом, каждой-то божий день эдак, ни выходного, ни отпуска много годов подряд...а она как родит, так сразу и бежит на работу, никогда-то не отдохнет ни денька...» [Белов 2005, с. 131].

Таким образом, особое звучание приобретают в повести «Привычное дело» базовые этнические ценности, ставшие ориентирами обыденного существования людей. Герои В. Белова выражают эти духовные ценности в своем повседневном поведении, актуализируя основные черты русского национального характера.

2.4.1 Ценностные смыслы в прозе В. Белова

Вера, милосердие, семья, терпимость и Родина являются ядерными ценностями и для героев В. Белова, образуя «стержень» их мировоззрения. Однако писателя тоже заботит явная деградация системы традиционных ценностей, проявляющаяся в действиях многих персонажей.

Основания нравственности закладываются в семье, считает В. Белов. Но смысл жизни каждый герой видит по-своему, а иногда ищет его до самой старости. Для некоторых героев мотивом, пробуждающим к жизни, становится вера, но не как религиозность, а как надежда на лучшую жизнь, почти таинственная сила, которая дает героям эмоциональный заряд работать и жить в невыносимых, казалось бы, условиях. Поэтому смыслом ценности «вера» для В. Белова становится положительно эмоционально окрашенное мотивации жизни, надежды, семьи, убежденности, стремления, уверенности и силы.

Таблица 2.16

Сопоставление семантических компонентов лексемы *вера* и ценностных смыслов ценности «вера» у В. Белова

Семантические признаки лексемы <i>вера</i> по данным лексикографических источников	Интерпретация семантических компонентов <i>вера</i>	Актуальные признаки ценности «вера» в творчестве В. Белова	Интерпретация контекстуального употребления ценности «вера» в творчестве В. Белова
Религиозность	Определенная система взглядов, обусловленная верой в сверхъестественное	Вера	Мотивация к жизни
Убеденность	Твердая уверенность в чем-либо	Надежда	положительно эмоциональное чувство, возникающее у человека при напряжённом ожидании исполнения желаемого, особенно при трудных случаях
Уверенность	Состояние бытия без сомнения, свобода от сомнения	Убеденность	Твердая уверенность в чем-либо
Доверие	Уверенность в порядочности и доброжелательности другого человека	Уверенность	Состояние бытия без сомнения, свобода от сомнения
Истина	То, что есть в действительности, соответствует действительности, правда	Стремление	Настойчивое желание, внутренне обусловленная необходимость
Мировоззренческая позиция человека	Необходимая составляющая человеческого сознания	Сила	Энергия для преодоления трудностей человека
Жизненная позиция	Индивидуальное отношение к миру, обществу, своему месту в нем		
Правда	Нечто верное, правдивое, подлинное		
Бог	Устроитель жизни, наставник и помощник		

Психолингвистический анализ трансформации содержания базовых этнических ценностей в русской культуре

Ценность «милосердие» наиболее ярко проявляется в повести «Привычное дело». Сельчане сердечно, дружески и искренне относятся друг к другу, проявляя эмоциональную чуткость и милосердие; они воспринимают природу и животных как часть своего мира, а потому проявляют к ним заботу и любовь. Однако среди них есть особые люди, которые способны к состраданию, сочувствию и самоотверженности без границ. Они служат каждодневным примером «людского» поведения. И это прежде всего женщины, наделенные у В. Белова еще и специфической милосердной женственностью и жалостью к окружающим.

Таблица 2.17

Сопоставление семантических компонентов лексемы милосердие и ценностных смыслов ценности «милосердие» у В. Белова

Семантические признаки лексемы <i>милосердие</i> по данным лексикографических источников	Интерпретация семантических компонентов <i>милосердие</i>	Актуальные признаки ценности «милосердие» в творчестве В. Белова	Интерпретация контекстуального употребления ценности «милосердие» в творчестве В. Белова
1	2	3	4
Сочувствие	Способность человека к сопереживанию, прощению, снисхождению	Сострадание	Способность поставить себя на место другого человека, полностью прочувствовать его переживания
Добродетель	Умение направлять свою деятельность на благо окружающих, бескорыстно и не требуя материального вознаграждения	Эмоциональная чуткость	Способность тонко чувствовать психологическое состояние других

Окончание таблицы 2.17

1	2	3	4
Сострадание	Способность поставить себя на место другого человека, полностью прочувствовать его переживания	Доброта	Желание кому-то помочь
Любовь к другим людям	Глубокая привязанность к другому человеку	Заботливость	проявление заботы, внимания
Человеколюбие	Стремление к позитивному разрешению проблем на основе любви и сострадания к окружающим.	Любовь	Материнская любовь – любовь сильного к слабому, защищенного к беззащитному
Благотворительность	Гуманность мировоззрения	Милосердная женственность	качество, присущее женщине, склонность проявления заботы к другим
Великодушие	Бескорыстная уступчивость, снисходительность, отсутствие злопамятства, способность жертвовать своими интересами	Безграничная самоотверженность	Положительное психологическое и моральное качество личности, способность к подчинению своих интересов и даже жизни
Снисхождение	Уступчивое, милостивое поведение индивида по отношению к окружающим	Жалость	Благородное чувство, эмоциональное оказание помощи
Желание оказания помощи	Неудержимое желание помочь		

Важнейшей особенностью деревенской прозы, как мы выяснили, является изображение многоаспектных взаимосвязей человека с семьей как одним из реальных воплощений понятия «малая родина» и средоточия морально-нравственных традиций. Семья у В. Белова – хранительница и защитница человека, она спасает от безотрадности обыденной суеты, от безнадежности, она является опорой человека и оплотом его веры. Привязанность к семье – почти генетическое эмоциональное чувство, дающее человеку силы.

Психолингвистический анализ трансформации содержания базовых этнических ценностей в русской культуре

Таблица 2.18

Сопоставление семантических компонентов лексемы *семья* и ценностных смыслов ценности «семья» у В. Белова

Семантические признаки лексемы <i>семья</i> по данным лексикографических источников	Интерпретация семантических компонентов <i>семья</i>	Актуальные признаки ценности «семья» в творчестве В. Белова	Интерпретация контекстуального употребления ценности «семья» в творчестве В. Белова
1	2	3	4
Кровные родственные отношения	Группа людей с близкими кровными связями	Вера	Мотивация к жизни
Социальные отношения	Группа людей в обществе с близкими социальными отношениями, основа человеческого общества	Надежда	положительно эмоциональное чувство, возникающее у человека при напряжённом ожидании исполнения желаемого, особенно при трудных случаях.
Счастье и благополучие	Психологическая поддержка человека	Эмоциональная близость	Чувство полного bezpieczeństwa, теплоты и близости в присутствии семьи
Ответственность	Обязанность отвечать за полноту и стабильность семьи	Опора	то, что дает ощущение устойчивости, надежности
Взаимопомощь	Общежитейский смысл семьи	Защищенность	психологической безопасности личности, семья воздействует на обстоятельства жизни, чтобы обеспечить условия для своего душевного покоя и стимула жизни
		Стабильность	Душевное состояние при наличии важных жизненных опор, жизнь с любовью

Содержание традиционной ценности «терпимость» у В. Белова связано с бескорыстной заботой о других людях, особенно членов семьи, с заботой до самоотверженности как проявления стойкого и упорного характера сельчан. Терпимость помогает людям выживать в самых бесчеловечных условиях, преодолевая страдание. У В. Белова появляется и новый смысл ценности: сострадательная любовь-жалость, которая сродни прощению.

Таблица 2.19

Сопоставление семантических компонентов лексемы *терпимость* и ценностных смыслов ценности «терпимость» у В. Белова

Семантические признаки лексемы <i>терпимость</i> по данным лексикографических источников	Интерпретация семантических компонентов <i>терпимость</i>	Актуальные признаки ценности «терпимость» в творчестве В. Белова	Интерпретация контекстуального употребления ценности «терпимость» в творчестве В. Белова
1	2	3	4
Снисходительность	Отсутствие строгости, излишней требовательности по отношению к кому-либо	Бескорыстие	Стремление отдать то, что у себя есть; бескорыстная забота о других людях
Смирение	Способность человека перебороть в себе любые проявления эгоизма и гордыни	Самоотверженность	Способность к подчинению своих интересов, безусловное оказание другим помощи
Выдержанность	Способность устоять, не поддаваться какому-нибудь вредному влиянию, стойко перенести трудности	Стойкость	Проявление стойкого и упорного характера
Пассивность	Сознательное подавление чувства неприятия	Сострадательная любовь-жалость	Способность чувствовать чужое горе, деление эмоционального состояния эмоциональному состоянию (в частности страданию) кого-либо

Психолингвистический анализ трансформации содержания базовых этнических ценностей в русской культуре

Окончание таблицы 2.19

<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>
Упорство	Настойчивое стремление к чему-либо, к осуществлению чего-либо	Упорство	Настойчивое стремление к выживанию в трудных жизненных условиях
Страдание	Способность испытывать крайне неприятные, тягостные или мучительные ощущения, физический и эмоциональный дискомфорт	Страдание	Способность испытывать крайне неприятные, тягостные или мучительные ощущения, физический и эмоциональный дискомфорт

Внимания заслуживает и ценность «Родина» в трактовке В. Белова. Это прежде всего безупречная любовь к родной земле. Вообще источник жизнестойкости и веры героев деревенской прозы – их единство с малой родиной, их обыденная нравственная преданность родной земле, которая дает пищу, на которой строятся жилища и которую принято оберегать как мать-кормилицу. И в том смысле миры писателей-деревенщиков больше сходны, чем различны. У В. Белова Родина символически соотносится еще и с убежищем, с материнским началом.

Таблица 2.20

Сопоставление семантических компонентов лексемы *Родина* и ценностных смыслов ценности «Родина» у В. Белова

Семантические признаки лексемы <i>Родина</i> по данным лексикографических источников	Интерпретация семантических компонентов <i>Родина</i>	Актуальные признаки ценности «Родина» в творчестве В. Белова	Интерпретация контекстуального употребления ценности «Родина» в творчестве В. Белова
Семья	Группа родных по крови и по закону людей	Семья	Группа родных по крови и по закону людей
Ностальгия	Тоска по родине	Любовь к родной земле	Сильное эмоциональное чувство
Территория	Исторически принадлежащая данному народу территория с ее природой, населением, особенностями исторического развития, языка, культуры, быта и нравов	Источник жизнестойкости	Помогать человеку выдерживать трудные ситуации
Государство	Страна, гражданином которой является человек	Неразрывная связь с родиной	Духовная, эмоциональная неразделимость с родиной
Патриотизм	Чувство сильной любви к своей стране.	Убежище	место, где можно спрятать душа и тело человека, дающее абсолютное чувство защищенности

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II

Выводы касаются трех аспектов исследования: (1) особенностей моделирования содержания изучаемых традиционных базовых ценностей на базе художественных текстов некоторых писателей-«деревенщиков»; (2) сравнения содержания ценностей и их иерархии в изученных художественных мирах В. Распутина, В. Астафьева, В. Белова; (3) выявления общих смыслов ценностей, представляющих специфику мировоззрения писателей-«деревенщиков».

Художественный текст, с одной стороны, является носителем фрагмента определенной культуры, вербально фиксирует духовные поведенческие установки, ценности, моральные принципы, формирующие этнический менталитет. С другой стороны, художественный текст можно рассматривать как вербальный результат духовной деятельности автора, поэтому он представляет и особенности интериоризации ценностей автором текста. Поэтому художественный текст является значимым и надежным материалом для моделирования содержания ценностей. Особенно показательна в этом смысле русская деревенская проза, для которой нравственная сторона человека является смысловым центром художественного мира, изображающего деревенский традиционный образ жизни как пространство формирования и бытия национальной ментальности. «Деревенщики» создали особую эстетическую программу с целью сохранения традиционной культуры и национального самосознания ее носителей – жителей русской деревни.

Ценности как доминирующие духовные координаты, которые так или иначе определяют ментальность и поведение индивида, представлены через призму восприятия простых деревенских тружеников, которые изображены в острые моменты социальных конфликтов, напряженных отношений между человеком и природой, разрушающих традиционные нравственные критерии и способствующих исчезновению нравственных идеалов, – в моменты «смуты душ». «Деревенщики» провозглашают, что главным для носителей традиционной деревенской культуры является их неразрывная связь с традициями и обычаями, родственными отношениями, обыденная реализация веками сложившихся духовных ценностей, которые и дают творческие силы и жизненную энергию этносу в целом.

Анализ содержания ценностей, представленных в русской деревенской прозе, производился с опорой на лексикографические источники, позволившие установить инвариантные семантические признаки лексем, номинирующих соответствующие ценности.

Учитывая, что любые социально одобренные значения, представленные в словах, стереотипах, моделях поведения и т.д., присваиваются людьми индивидуально, мы производили контекстуальный анализ ценностей и сопоставляли полученные результаты со словарными данными, для наглядности представляя результаты сравнения в таблицах.

Произведенный анализ художественных текстов позволяет предполагать, что в них представлены новые смыслы, соотносимые с известными базовыми ценностями. Часть признаков, реализуемых в художественном тексте, совпадает с выделенными по словарям. Однако есть и значительные расхождения, особенно проявляющиеся в количестве и иерархии содержательных компонентов ценности.

Поскольку, как демонстрирует В. Распутин, разрушение морально-нравственных устоев осуществляется не только под воздействием внешних обстоятельств, но и в силу личностных качеств людей, можно считать, что иерархическая система ценностей, характерная для каждой конкретной культуры, – это специфическая научная абстракция. Реальное же сравнение культур и концептуальных систем должно учитывать при моделировании этнических ценностей «личностный разброс» в степени присвоенности их содержания.

В. Распутин исследует личность как носителя традиций этнической культуры, особое внимание уделяя женским образам в силу того, что, будучи от природы физически более слабыми, чем мужчины, они проявляют удивительную стойкость и духовную силу.

Вербальное представление нравственных констант как духовных опор героев осуществляется по-разному, но В. Распутин всегда подчеркивает: разрыв с нравственными принципами бытия приводит человека к духовной гибели. Писатель отмечает, что соответствие нравственным идеалам требует от человека самоотверженно-

Психолингвистический анализ трансформации содержания базовых этнических ценностей в русской культуре

сти. Значимость ценностей, обуславливающих жизнь деревни, передается через обиходные, обыденные связи людей с окружающим миром.

В. Распутин утверждает: пока жива связь вещей, олицетворявших веру, с человеком, жив и сам человек, потому что устойчив его привычный ценностный мир, в котором остаются неизменными вера, достоинство, трудолюбие. Все в мире взаимосвязано. И если теряют веру и силы люди, разрушается и окружающий их мир, одухотворенный когда-то людской любовью и деятельностью.

Состав содержательных компонентов исследуемых ценностей не совпадает по данным лексикографических источников и текстов В. Распутина; обнаруживаются также специфические ассоциативные связи ценностей и их особая иерархия. Например, лексическое значение слова *вера* включает признаки религиозность, убежденность, уверенность, доверие, истинность, верность. Для В. Распутина же *вера* – надежда на сохранение традиционных устоев жизни, неосознаваемый принцип бытия, духовная константа крестьянского мира, смыслообразующий фактор жизни. Он деформируется под воздействием внешних факторов, уничтожающих морально-нравственную специфику народа.

Основной анализ осуществлялся на текстах В. Распутина. С целью верификации выводов об специфике реальных ценностных систем «деревенщиков», был произведен анализ произведений В. Астафьева и В. Белова.

Для произведений В. Астафьева и В. Распутина характерно определение основных моральных ценностей человека в его единении со своей семьей, с памятью предков, в соблюдении и сохранении традиций и веры, в милосердии. Все они полагают, что потеря взаимосвязи с традиционными духовными ценностями приводит к нравственной деградации. Но в художественном мире В. Астафьева больше внимания уделено воспитанию духовного мира героев. Стабилизирующая этнические отношения функция духовных ценностей отмечается в творчестве всех «деревенщиков».

ГЛАВА III. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА ЗНАЧИМОСТИ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО НОСИТЕЛЯ КУЛЬТУРЫ

Проза писателей-«деревенщиков» – уникальное явление в мировом литературном процессе, впервые осознавшее и художественно описавшее специфику «слома» базовых этнических ценностей в определенные исторические периоды существования русского этноса. Каковы последствия этого «слома», изменилось ли отношение к исследованным ценностям у современного носителя русскоязычной культуры и может ли он понять художественный мир деревенской прозы и принять его хотя бы частично? Чтобы ответить на поставленные вопросы, мы провели свободный ассоциативный эксперимент с носителями русской культуры 17–26 лет (возраст, когда речевая способность и основные представления о мире сформированы), проживающими в г. Москве, студентами и аспирантами разных вузов, в полном соответствии с общеизвестной методикой проведения эксперимента. В опрос включены исследованные ранее в текстах писателей-деревенщиков лексемы *вера*, *милосердие*, *семья*, *терпимость*, *Родина* и необходимые дистракторы. Всего в эксперименте приняло участие от 700 до 748 человек, и, поскольку эксперимент пилотный, мы сочли необходимым исследовать все полученные реакции.

3.1. Ассоциативный эксперимент как способ установления психологически актуального содержания ценностей

Свободный ассоциативный эксперимент является наиболее разработанным методом проективного исследования содержания ассоциативно-вербальной сети человека. Ассоциативные поля как совокупность реакций носителей языка на определенное словостимул позволяют описывать характер ассоциативных связей психологически актуальных значений и мотивационные отношения пары стимул – реакция.

Специфика национального менталитета также выявляется в особенностях ассоциирования, поскольку оно проявляет субъективное отношение человека к явлениям и предметам действительности, так или иначе задаваемое определенной культурой, к которой он принадлежит. На характер ассоциирования влияют также

Психолингвистический анализ трансформации содержания базовых этнических ценностей в русской культуре

«меняющиеся характеристики условий для жизни, гендера, уровня, возраста, направленности образования, стрессовых ситуаций и формируют ассоциативные отношения» [Горошко 2003, с. 3–4].

Ассоциативный эксперимент может быть направленным (когда перед испытуемым стоит задача производить ассоциации определенной семантической группы или грамматического класса), свободным (и в нашем исследовании применяется именно такой, поскольку он позволяет выявить более непосредственные связи стимула и реакции), цепочечный (когда испытуемый реагирует на стимул несколькими ассоциатами) и др. В нашем случае ассоциативный эксперимент используется в качестве дополнительного способа анализа семантики слов-ценностей, поскольку, как правило, психологически актуальное для индивида содержание, стоящее за словом, не совпадает с инвариантным значением лексемы.

Главная задача нашего пилотного (предварительного) ассоциативного эксперимента – определить психологическую актуальность содержания ценностей «вера», «семья», «терпимость», «милосердие», «Родина» в ограниченной группе носителей современной русской лингвокультуры.

Участниками эксперимента стали русскоязычные студенты московских вузов, а также аспиранты в возрасте от 17 до 27 лет. Эксперимент проводился индивидуально и коллективно. Анкета выдавалась участникам в письменной форме. Согласно инструкции, принятой для проведения свободного ассоциативного эксперимента, респонденты реагировали на предъявляемый стимул словом, пришедшим в голову первым. Всего в эксперименте участвовало 748 человек (от 700 до 748 по разным стимулам). В качестве слов-стимулов использовались следующие лексемы: *безопасность, благосостояние, вежливость, вера, гармония, доброта, доверие, дом, дружба, здоровье, интеллект, карьера, комфорт, любовь, милосердие, мир, образование, порядочность, преданность, природа, работа, радость, Родина, саморазвитие, свобода, семья, слава, справедливость, стабильность, счастье, творчество, терпимость, уважение к родителям, успех, храбрость, честность, обозначающие, по мнению исследователей, 36 базовых универсальных ценностей, в том числе вера, милосердие, семья, терпимость, Ро-*

дина, которые являются, по данным литературоведческих и философских трудов, посвященных выявлению специфики русского национального характера, доминирующими в творчестве писателей-«деревенщиков».

3.2. Методика психолингвистического анализа лексем, обозначающих базовые ценности

3.2.1. Исследование структурно-содержательных особенностей ассоциативного поля вера

Представим результаты проведенного свободного ассоциативного эксперимента на стимул *вера*. Ассоциаты на слово-стимул расположены по мере снижения частотности, реакции с одинаковой частотой упорядочиваются по алфавиту: *честность* 32; *сердце* 30; *улыбка* 25; *забота* 21; *помощь* 21; *милосердие* 16; *мама* 15; *любовь* 15; *искренность* 13; *качество* 12; *животное (-ые)* 11; *зло* 11; *бабушка* 10; *дети* 10; *тепло* 10; *люди* 8; *белый* 8; *вежливость* 7; *собака* 7; *уважение* 7; *ценность* 7; *я* 7; *дружба* 6; *друзья* 6; *злоба* 6; *хорошо* 6; *человек* 6; *мягкость* 5; *наивность* 5; *сила* 5; *слабость* 5; *человечность* 5; *щедрость* 5; *добро* 4; *мать* 4; *милость* 4; *мир* 4; *открытость* 4; *радость* 4; *ребенок* 4; *родители* 4; *свет* 4; *характер* 4; *благотворительность* 3; *Бог* 3; *важно* 3; *главное* 3; *доброта* 3; *друг* 3; *душа* 3; *злость* 3; *к людям* 3; *котенок* 3; *мало* 3; *отзывчивость* 3; *отношение* 3; *редкость* 3; *семья* 3; *спасет мир* 3; *счастье* 3; *черта* 3; *барбариски* 2; *великодушные* 2; *вера* 2; *взаимопомощь* 2; *вода* 2; *волонтерство* 2; *воспитание* 2; *глаза* 2; *глупость* 2; *гуманизм* 2; *дедушка* 2; *добродетель* 2; *добрый* 2; *жадность* 2; *истина* 2; *и честность* 2; *к ближним* 2; *кот* 2; *красота* 2; *ложь* 2; *мораль* 2; *нежность* 2; *нет* 2; *обязанность* 2; *поддержка* 2; *поступки* 2; *поступок* 2; *правильно* 2; *сострадание* 2; *чистота* 2; *алкоголизм*; *бабочка*; *бабуля*; *бесконечная*; *близкое*; *благо*; *благодетель*; *благодушные*; *ближний*; *борода*; *брат*; *важна*; *важное*; *важность*; *взаимность*; *в мелочах*; *внимание*; *воспитанность*; *воспользоваться*; *всегда*; *всегда помогать*; *всем в мире*; *всё*; *в человеке*; *гармония*; *Гитлер*; *голубой (цвет)*; *Гондурас*; *грубость*; *гуманность*; *да*; *девочка*; *деньги*; *детство*; *доброе сердце*; *добросердечность*; *догма*; *доктор*; *должна быть с кулаками*; *достоин-*

Психолингвистический анализ трансформации содержания базовых этнических ценностей в русской культуре

ство; достойным; дружелюбие; друзей; Дукалис; дурак; духовность; души; душевная; естество; есть; жена; женщина; жертва; жертвы; жестокость; живет; жизни; закон; залог успеха; защита; зеленый; земля; знакомый; избыточная; инфантильность; искусство; kindness; капли; к близким; ко всем; ко всем живым; ко всему; к народу; ко всем; корысть; кот Леопольд; кошка; красиво; красота; крокодил Гена; круто; к себе; ласка; легко; Леопольд; лицемерие; лицемерна; луч; любезность; ляпота; маска; Маша; милость; милота; милый; мультик; надо; не доброта; не злость; нейтралитет; необходимость; не порок; неравнодушие; не связано с людьми; нету; не хватает; нехватка; не ценность; нравится; нужна, но ее нет сейчас; нужность; ноль; объятия; окружающие; опасна; основное качество; ответственность; отзывчивость; отлично; относительно; первооснова; печенье; пожертвование; пока; помогающий; понимание; правда; преданность; прекрасно; признак; природа; притворство; приторно; притягательность; уют; приятный; простота; Путин; путь к счастью; работа; редкая; родные; ромашка; рука; рукопожатие; самое главное; самоотдача; саппорт; светло; светлое; свобода; с кулаками; смайлик; собаки; сок; солнце; соперничество; спасение; спокойствие; старик; старость; стержень человека; стоицизм; страсть; сугубо личная; счастливый; таз; терпимость; топ; удовольствие; успех; халявный обед; хлеб; хорошее качество; хороший; хороший человек; цветок; цветы; честь; чеченец; чеченцы; чуткость; это тогда, когда (704/ 278/ 1/ 187). Цифры в скобках последовательно обозначают общее количество испытуемых, количество разных реакций, количество отказов и количество единичных реакций.

В ядро ассоциативного поля условно включены реакции частотностью не ниже 5; *сердце 30; улыбка 25; забота 21; помощь 21; милосердие 16; мама 15; любовь 15; искренность 13; качество 12; животное (ые) 11; зло 11; бабушка 10; дети 10; тепло 10; люди 8; белый 8; вежливость 7; собака 7; уважение 7; ценность 7; я 7; дружба 6; друзья 6; злоба 6; хорошо 6; человек 6; мягкость 5; наивность 5; сила 5; слабость 5; человечность 5; щедрость 5.* В ближнюю периферию (~ 32%) – реакции с частотностью от 4 до 2; в дальнюю периферию (~ 19%) – единичные реакции.

Схема 3.1 Ассоциативное поле стимула *вера*
по данным свободного АЭ

В ядро ассоциативного поля вошло 51.5% ассоциатов от общего количества реакций, в ближайшую периферию – 22%, единичные ассоциаты составили 26.5%.

В соответствии с методикой анализа ассоциатов, разработанной в исследованиях [Пищальникова 2005], [Пищальникова 2007], [Пищальникова 2019], [Степыкин 2011], [Панарина 2017], [Шевченко 2017] и др., выделим предикативные признаки, актуализирующие ассоциативную связь между стимулом и реакцией в ядре ассоциативного поля, в порядке их значимости:

(1) формы проявления веры (*забота 21; помощь 21; милосердие 16; любовь 15; тепло 10; вежливость 7; дружба 6; щедрость 5; мягкость 5; человечность 5*) (~ 15.8 % всех реакций),

(2) носитель веры (*мама 15; животное (-ые) 11; бабушка 10; дети 10; люди 8; собака 7; я 7; человек 6; друзья 6*) (~ 11.4 % всех реакций),

(3) эмоциональное отношение к вере (*улыбка 25; зло 11; тепло 10; злоба 6; ценность 7; хорошо 6; сила 5; слабость 5*) (~ 10.7 % всех реакций),

Психолингвистический анализ трансформации содержания базовых этнических ценностей в русской культуре

(4) условие веры (*честность 32; искренность 13; наивность 5*) (~ 7.2 % всех реакций). Эти реакции можно соотнести и с признаком ‘качество веры’, но однозначной интерпретации дать в этом случае невозможно;

(5) глубинный характер чувства (*сердце 30*) (~ 4.2 % всех реакций),

(6) качество носителя веры (*качество 12*) (~ 1.7 % всех реакций),

(7) тип веры (*белый 8*) (~ 1.1 % всех реакций). Для выявления характера предикации в паре *вера – белый* потребовалась верификация содержания ассоциата в дополнительной беседе с респондентами. Респонденты, давшие такую реакцию, объяснили, что вера бывает белая и черная, но существо такого разделения они не понимают и не объясняют.

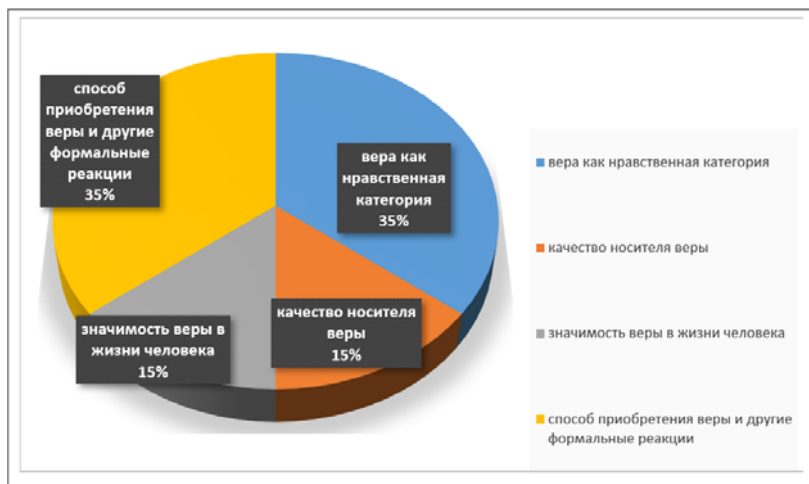

Схема 3.2 Смысловые признаки ценности «вера» по данным свободного АЭ (ядро ассоциативного поля)

Обратим внимание, что религиозный аспект веры представлен в незначительном количестве ассоциатов, к тому же связанных с особой религией – «белой верой», бурханизмом, национальной ре-

лигией алтайцев, зародившейся в начале XX в. на территории Горного Алтая. Никаких указаний на традиционную христианскую веру в ассоциативном поле нет, что свидетельствует о психологической неактуальности данного признака в исследованной группе респондентов.

Респонденты выделяют целый ряд понятийных признаков, связанных с верой (1), представляющие формы ее проявления. В этом случае трудно однозначно интерпретировать этот признак как признак только религиозной веры, потому что, как показал анализ художественных текстов, в обиходной картине мира носителей русской культуры вера как традиционная ценность связывается с религиозностью меньше всего, но тем не менее имеет такие же формы проявления.

Вторым по значимости в исследуемом ассоциативном поле является признак 'носитель веры', но характер ассоциатов позволяет заключить, что большинство респондентов не различает понятия «вера» и «верность», о чем говорят реакции *животное (-ые) 11; собака 7, дети 10, друзья 6*, а также признак (6) 'качество носителя'.

В ядре ассоциативного поля оказывается признак 'эмоциональное отношение к вере', куда вошли как отрицательные, так и положительные реакции, причем положительных реакций больше в 2,4 раза. Значимыми в иерархии признаков оказываются (4) условие веры, (5) глубокий, внутренний характер чувства.

Ближняя периферия ассоциативного поля включает 22 % от общего количества реакций, и они актуализируют те же признаки, что и в ядре ассоциативного поля, причем наибольшее количество реакций связано с признаком (1): формы проявления веры (*милость 4; доброта 3; благотворительность 3; отзывчивость 3; великодушие 2; взаимопомощь 2; волонтерство 2; жалость 2; нежность 2; глаза 2; поддержка 2; поступки 2; поступок 2; страдание 2*). До незначительного сокращается количество ассоциатов, объединяемых признаком 'носитель веры' (*мать 4*), устойчиво проявляется признак 'эмоционально-оценочное отношение к вере' (*радость 4; свет 4; злость 3; счастье 3; редкость 3; мало 3; глупость 2; вода 2; ложь 2; правильно 2; нет 2*), причем как поло-

Психолингвистический анализ трансформации содержания базовых этнических ценностей в русской культуре

жительное, так и отрицательное. Немногочисленные ассоциаты реализуют признаки 'условие веры' (*открытость 4; честность 2; чистота 2*) и 'глубинный характер чувства' (*душа 3*).

Вместе с тем отмечаются и новые признаки: (1) вера как нравственная категория (*мир 4; отношение 3; гуманизм 2; красота 2; истина 2; мораль 2; добродетель 2*) (~ 3.1 % всех реакций), (2) качество носителя веры (*характер 4; черта 3; добрый 2*) (~ 1.2 % всех реакций), (3) значимость веры в жизни человека (*важно 3; спасет мир 3; главное 3*) (~ 1.2 % всех реакций), (4) способ приобретения веры (*воспитание 2*), а также формальные реакции (*вера 2, в добро 4; к людям 3; к ближним 2; барбариски 2* (Вера Барбариска – под таким ником в социальной сети «ВКонтакте» ведется реклама интернет-магазина вкусных подарков «Барбариски»)) (~ 2.1 % всех реакций); реакции, свидетельствующие о неразличении понятий «вера» и «верность» (*котенок 3, кот 2*), вера как обязанность (*обязанность 2*) (~ 0.9 % всех реакций).

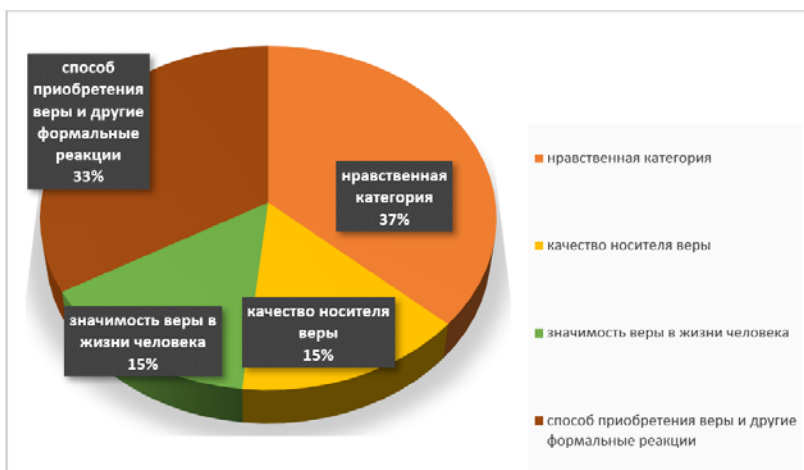

Схема 3.3. Смысловые признаки ценности «вера» по данным свободного АЭ (ближняя периферия ассоциативного поля)

Дальняя периферия реализует практически те же признаки.

Таким образом, можно говорить о том, что вера для большинства респондентов исследуемой группы – это положительное внутреннее качество человека, проявляющееся в милосердии, человечности, заботе о других людях и помощи им. Но одновременно состав ассоциативного поля не дает оснований для однозначного заключения о том, что вера является необходимым нравственным принципом в жизни исследованной группы. Большая часть респондентов знает понятие «вера», выделяет актуальные формы ее проявления, отмечает ее носителей, но никто не говорит о ней как о морально-нравственной ценности, важной для него. Можно предположить, что содержание прозы «деревенщиков», посвященное представлению ценности «вера», в основном будет рационально понято нашими респондентами, но не вызовет сопереживания, сочувствия (однако это надо проверять дополнительно).

3.2.2. Исследование структурно-содержательных особенностей ассоциативного поля милосердие

Представим состав ассоциативного поля лексемы *милосердие*: *доброта* 122; *добро* 30; *помощь* 30; *сострадание* 30; *сердце* 16; *жалость* 14; *любовь* 13; *слабость* 11; *рыцарь* 10; *добродушие* 8; *животные* 8; *церковь* 8; *благотворительность* 7; *душа* 7; *добрый* 7; *мать Тереза* 7; *справедливость* 7; *вера* 6; *к людям* 6; *сочувствие* 6; *благодетель* 5; *важно* 5; *добродетель* 5; *милость* 5; *редкость* 5; *сила* 5; *слезы* 5; *уважение* 5; *врач* 4; *качество* 4; *пощада* 4; *прощение* 4; *религия* 4; *сестра* 4; *собака* 4; *человечность* 4; *Бог* 3; *война* 3; *воспитание* 3; *глупость* 3; *деньги* 3; *дети* 3; *женщина* 3; *забота* 3; *казнь* 3; *люди* 3; *мило* 3; *милосердие* 3; *милостыня* 3; *нищий* 3; *отзывчивость* 3; *правильно* 3; *проявление* 3; *снисхождение* 3; *человек* 3; *честь* 3; *альтруизм* 2; *бабушка* 2; *благо* 2; *великодушие* 2; *гуманизм* 2; *гуманность* 2; *дар* 2; *доброе сердце* 2; *животное* 2; *злоба* 2; *кара* 2; *качество* 2; *к животным* 2; *книга* 2; *котята* 2; *котенок* 2; *литература* 2; *мать* 2; *мир* 2; *монахиня* 2; *нежность* 2; *необходимо* 2; *нет* 2; *отвага* 2; *понимание* 2; *порядок* 2; *редко* 2; *рука* 2; *самоотверженность* 2; *ситуативно* 2; *толерантность* 2; *убийство* 2; *честность* 2; *чувства* 2; *щедрость* 2; *щенок* 2; *эмпатия* 2; *бедность*; *бездомные*; *белый*; *благодушие*; *благородие*; *благородство*; *Богиня*; *боль*; *больные*; *бомж*; *ботинки*; *братья*

Психолингвистический анализ трансформации содержания базовых этнических ценностей в русской культуре

наши меньшие; бред; вежливость; велико; ветеран; взаимопомощь; в меру; внутри; во всем; возможность; «Война и мир»; волонтеры; врачебная форма; высокомерие; Герда; герой; глаза; голубь; да; для слабых; доброе сердце; доброта к ближнему; добро-сердечность; доверие; долготя; должно; доноры; достаток; достоинство; дружелюбие; духовность; жертва; жестокость; затрудняет жизнь; зачем; Иисус; искренность; казнь; Камиде; кампания; Кастро; к бедным; к ближнему; к врагам; к врагу; к живому; к народу; к нуждающимся; к окружающим; ко всем; кончилось; королева; котики; кошки; красный крест; красота; крестоносец; к слабым; кто-то добрый; к чуждому; лицемерие; лучшее; людей; малодушие; мама; маришутка; медсестра; месть; метро; меч; мирудушие; молодец; монета; мораль; мудрость; мушкетер; мягкость; мягкотелость; надежда; наивысшее чувство; недостаток; не испытывал; не критичность; нищета; нищие; объятия; осторожность; отвратительно; открытость; отлично; отношение; очень; очень мало; платок; подарок; подаяние; пожертвование; помилование; попрошайки; постулат; поступок; пощада; православие; присутствует; просветление; проявить; проявление добра; проявлять; путь; раб; рассудок; рациональность; Робин Гуд; родители; светлый; святой; святость; семья; сердоболие; селедка; сердечность; сестры; сжалиться; скрещенные руки; скромность; слава; слезы радости; смерть; смирение; смиренность; снисходительность; собаки; собачки (743/279/0/185).

Схема 3.4 Ассоциативное поле стимула *милосердие* по данным свободного АЭ

В данном случае в ядро ассоциативного поля вошли реакции с частотностью 5 или выше: *доброта 122; добро 30; помощь 30; сострадание 30; сердце 16; жалость 14; любовь 13; слабость 11; рыцарь 10; добродушие 8; животные 8; церковь 8; благотворительность 7; душа 7; добрый 7; мать Тереза 7; справедливость 7; вера 6; к людям 6; сочувствие 6; благодетель 5; важно 5; добродетель 5; милость 5; редкость 5; сила 5; слезы 5* – 52% реакций об общего количества

В ядре определяется основная стратегия ассоциирования – синонимизация стимула, что свидетельствует о понимании стимула, но одновременно и о психологической неактуальности понятия для респондентов. В ассоциативном поле представлен наиболее актуальный признак:

(1) формы проявления милосердия (*помощь 30; сострадание 30; жалость 14; любовь 13; благотворительность 7; справедливость 7; вера 6; сочувствие 6; уважение 5*), а также частотные признаки (~ 15.9 % всех реакций),

Психолингвистический анализ трансформации содержания базовых этнических ценностей в русской культуре

- (2) объекты милосердия (*слабость 11; животные 8; к людям 6;*) (~ 3.3 % всех реакций),
- (3) субъекты милосердия (*рыцарь 10; церковь 8; мать Тереза 7; благодетель 5*) (~ 4.0 % всех реакций),
- (4) эмоционально-оценочные реакции (*важно 5; редкость 5; сила 5; слезы 5*) (~ 2.6 % всех реакций),
- (5) внутренне чувство (*сердце16, душа7*) (~ 3.0 % всех реакций).

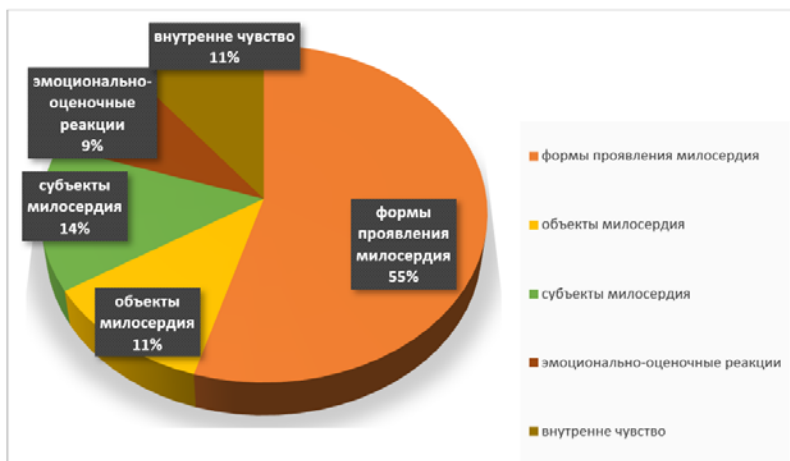

Схема 3.5 Смысловые признаки ценности «милосердие» по данным свободного АЭ (ядро ассоциативного поля)

Аналогичные признаки выделяются при исследовании ближней и дальней периферии ассоциативного поля (исключая однозначно не интерпретируемые ассоциаты *Камиде* и *Кастро*). Важно, что в этом поле встречаются единичные культурно обусловленные реакции-представления, свидетельствующие о наличии личностных смыслов, связанных с данным стимулом: *Герда*, «*Война и мир*», *Робин Гуд*, *Иисус*, *мушкетер* и др.

Однако милосердие устойчиво соотносится с деятельностью церкви, врачей и волонтеров, что проявляется в ассоциатах-представлениях *церковь*, *религия*, *Бог*, *мать Тереза*, *монахини*, *сестры*,

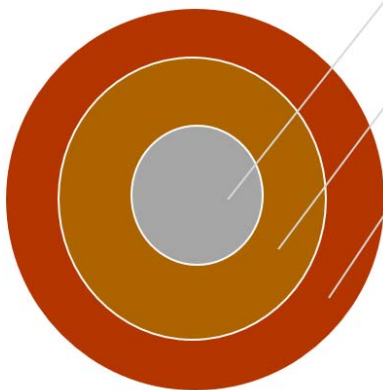
скрещенные руки и др. Милосердие направлено на *бедность, нищих, бездомных, больных, бомжей, собак, кошек*, но не воспринимается как обиходно необходимое отношение ко всем окружающим, что было характерным для традиционной деревенской культуры, в которой проявление милосердия считалось необходимой чертой жизнеустройства «по-людски». Милосердие воспринимается как качество высоконравственных людей или профессиональная обязанность определенной части общества, но не считается лично необходимым свойством каждого человека.

3.2.3. Исследование структурно-содержательных особенностей ассоциативного поля семья

В ассоциативное поле семья включены следующие реакции: *любовь 114; дом 104; мама 86; родители 40; дети 35; забота 23; тепло 21; счастье 19; родные 16; поддержка 14; отец 13; уют 12; мать 11; папа 11; моя 7; жизнь 7; доверие 6; защита 6; близкие 5; главное 5; дружба 5; большая 4; круг 4; люди 4; опора 4; понимание 4; радость 4; родня 4; семья 4; вместе 3; дружная 3; крепкая 3; крепость 3; ответственность 3; помощь 3; ребенок 3; родина 3; родная 3; уважение 3; ценность 3; безопасность 2; брат 2; вода 2; время 2; дерево 2; диван 2; добро 2; друзья 2; есть 2; жена 2; класс 2; кровь 2; люблю 2; мама, папа 2; муж 2; нет 2; самое главное 2; сестра 2; сестры 2; сила 2; традиции 2; цветок 2; батя, мама, брат, сестра; благополучие; время; близкие люди; близость; боль; брак; будущее; верность; вечность; воспитание; всё; гармония; горе; груз; давление; дедуля; деньги; добрая; добро; долг; дорогое; дурдом; еда; единое; единство; ж...а; зависимость; зверь; зло; имя моей девушки; каша; комфорт; космос; круто; любовь и дети; любящая; маленькая; мама, бабушка; маман; мафия; минус; мое всё; навечно; навсегда; напряжение; ненависть; непонимание; несколько; обязанность; общение; общества; община; обязанности; одно целое; однушка; оковы; очаг; патриархальная; патриархат; пенсия; племя; поезд; приоритет; проблемы; процветание; пустота; работа; рад; радость; Родина; род; родные люди; родственник; родственники; самое родное; свалить; свет; семь; смерть; смысл; смысл жизни; собака; сожители; соц. ячейка; союз; спокойствие; ссоры; старость; стимул; стол; счастливая;*

Психолингвистический анализ трансформации содержания базовых этнических ценностей в русской культуре

телевизор; теплота; теплый чай; уход; фотография; холод; хо- рошо; цель; центр; члены семьи; шум; я; ячейка; 1; 7 «я» 1 (748/172/0/109).

Ядро поля: любовь, дом, мама, родители, дети, забота, тепло, счастье, родные, поддержка, отец, уют, мать, папа, моя, жизнь, доверие, защита, близкие, главное, дружба

Ближняя периферия поля: большая, круг, люди, опора, понимание, радость, родня, семья, вместе, дружная, крепкая, крепость, ответственность, помощь, ребенок, родина, родная, уважение, ценность, безопасность, брат, вода, время, дерево, диван, добро, друзья, есть, жена, класс, кровь, люблю, мама (и) папа, муж, нет, самое главное, сестра, сестры, сила,

традиции, цветок
Дальняя периферия поля: батя, брат, сестра, благополучие, брем, близкие люди, близость, боль, брак, будущее, верность, вечность, воспитание, всё, гармония, горе, груз, давление, дедуля, деньги, добрая, добро, долг, дорогое и пр.

Схема 3.6 Ассоциативное поле стимула *семья* по данным свободного АЭ

В ядро ассоциативного поля вошли реакции: *любовь 114; дом 104; мама 86; родители 40; дети 35; забота 23; тепло 21; счастье 19; родные 16; поддержка 14; отец 13; уют 12; мать 11; папа 11; моя 7; жизнь 7; доверие 6; защита 6; близкие 5; главное 5; дружба 5.*

Исследования содержания ценности семья ([Занеги́на 2011], [Ян Фан 2013], [Железнова 2009], [Добровольская 2005] и многие другие), показывают, что понятие «семья» – одно из наиболее стабильных по составу семантических признаков. Семья строится по универсальной модели, где выделяются две составляющие: родственные отношения и этническая часть как основа миропонимания, как нравственный ориентир, предполагающий обязательное участие и взаимопомощь. Подтверждается стабильность такой модели и данными нашего эксперимента. В ядре ассоциативного поля можно выделить следующие актуальные признаки ассоциирования:

- (1) нравственные взаимоотношения как основа семьи (*любовь 114; счастье 19; доверие 6, дружба 5*) (~ 19.3 % всех реакций),
- (2) защитная функция семьи (*забота 23; поддержка 14; защита 6; тепло 21; уют 12*) (~ 10.2 % всех реакций),
- (3) место обитания семьи (*дом 104*) (~ 13.9 % всех реакций),
- (4) родственники (*мама 86; родители 40; дети 35; родные 16; отец 13; мать 11; папа 11; близкие 5*) (~ 29.0 % всех реакций),
- (5) источник существования (*жизнь 7*) (~ 0.9 % всех реакций),
- (6) высокая значимость семьи (*главное 5*) (~ 0.6 % всех реакций).

Схема 3.7. Смысловые признаки ценности «семья» по данным свободного АЭ (ядро ассоциативного поля)

Все эти признаки существенны и для ценности «семья», представленной в творчестве «деревенщиков». Представляется, что понимание этой ценности при знакомстве с деревенской прозой не составит труда для современной молодежи и будет вполне совпадать эмоционально-психологически. Вместе с тем надо отметить, что в ближней и дальней периферии ассоциативного поля наряду с признаками, аналогичными ядерным, отмечаются реакции, свидетельствующие о негативной оценке института семьи, что чаще всего связано с некомфортными условиями проживания, психоло-

гическим давлением семьи и другими факторами, рассмотрение которых может составить предмет отдельного психолингвистического исследования.

3.2.4. Исследование структурно-содержательных особенностей ассоциативного поля Родина

Ценность «Родина» является сложнейшим аксиологическим понятием, специфика которого заключается в его богатейшей ассоциативности и представленности семантических признаков ценности как совокупностью артефактов, так и абстрактных понятий, представлений и оценок. В эксперименте получено следующее ассоциативное поле: *мать 110; Россия 52; дом 30; страна 29; моя 24; патриотизм 20; любовь 10; Земля 9; о (О)тчизна 9; патриот 8; поле 7; мать зовет 7; гордость 6; земля 6; рождение 6; семья 6; защита 5; мама 5; мир 5; город 5; кинотеатр 4; сердце 4; война 4; красный 3; природа 3; горы 2; Есенин 2; защищать 2; леса 2; любимая 2; место 2; Москва 2; мощь 2; нет 2; одна 2; отечество 2; песня 2; привязанность 2; Родина 2; родная 2; родной 2; родной город 2; сила 2; слово 2; стихотворение 2; счастье 2; флаг 2; 9 мая 2; автомобиль; анархия; Амурск; Арбат; Армения; белая; березки; Блок; большая; большой; великая; вид национализма; возвращение; все; героизм; гимн; далекая; двуглавый орел; деревня; деревья; держава; долг; друзья; душа; ждет; жить; жизнь; Земля; Казахстан; карта России; край; красная точка; лес; локация; люблю; люди; малая; мать моя; место, где родился; Междуреченск; мое; мир; народ; наша; навсегда; нет; не хочу служить; ностальгия; огород; озера; определение; память; подвиг; политика; поле; поля; преданность; предательство; призыв; провайдер; пропаганда; поля; понятия; продана; пропасть; прошлое; развитие; Раишка; ретроспектива; родина; родная страна; родное; родные; родственники; Россия, великая гордость; Русь; рябина; Санкт-Петербург; свое; связь; святое; слепота; служба; смех; смородина; Советский союз; спасение; спокойствие; страны; тепло; территория; трава; трактор; тут; уголок; уродина; Усть-Илимск; условка; флаг; Химки; церковь; честь; язык, народ; школа 1 (702/155/8/104).*

Схема 3.8. Ассоциативное поле стимула *Родина* по данным свободного АЭ

В ядро ассоциативного поля включены: *мать* 110; *Россия* 52; *дом* 30; *страна* 29; *моя* 24; *патриотизм* 20; *любовь* 10; *Земля* 9; *о(О)тчизна* 9; *патриот* 8; *поле* 7; *мать зовет* 7; *гордость* 6; *земля* 6; *рождение* 6; *семья* 6; *защита* 5; *мир* 5; *город* 5.

Состав ассоциатов показывает, понимание ценности Родины деревенщиками и современной молодежью взаимосвязано. Результаты позволяют нам заключить, что языковой образ родины представлен у подавляющего большинства респондентов как *мать*, *дом*, *гордость* и *любовь*, и само понятие имеет для них психологически актуальный смысл как духовная принадлежность и близость. Семантическим параметром слова-стимула родины является «место», связанные со словами-реакциями *Россия*, *дом*, *страна*, *поле*, *лес*, *земля*, *Земля*, *отчизна*, *семья*, *мир*, что связано с конкретным пространственным компонентом. Ядро семантического поля Родины включает в себя различные компоненты, в том числе политические (*Россия* 52; *страна* 29; *о(О)тчизна* 9) и эмоциональные (*мать* 110; *дом* 30; *патриотизм* 20; *любовь* 10; *патриот* 8; *гордость* 6; *семья* 6; *мама* 5).

Психолингвистический анализ трансформации содержания базовых этнических ценностей в русской культуре

Проанализируем состав ядра ассоциативного поля с целью установления актуальных семантических признаков, лежащих в основе ассоциирования:

(1) родина как место географического и национального принадлежности человека, место, где человек родился (*Россия* 52; *страна* 29; *Земля* 6; *о (О)тчизна* 6; *город* 5) (~13.9 % всех реакций). Этот признак подтверждается ассоциатами ближней и дальней периферии: *Москва* 2; *отечество* 2; *Родина* 2; *родной город* 2; *Амурск*; *Арбат*; *Армения*; *деревня*; *Казахстан*; *место, где родился*; *Междуреченск*; *родина*; *родная страна*; *Русь*; *Санкт-Петербург*; *Советский союз*; *Усть-Илимск*; *Химки* (~3.1 % всех реакций).

(2) С этим признаком коррелируют положительные эмоционально-оценочные реакции и слова с близкими чувствами к *Родина* в разных зонах ассоциативного поля: *мать* 110; *моя* 24; *патриотизм* 20; *любовь* 10; *патриот* 8; *гордость* 6; *защита* 5; *мама* 5; *сердце* 4; *сила* 2; *любимая* 2; *мощь* 2; *привязанность* 2; *родная* 2; *родной* 2; *счастье* 2; *великая*; *героизм*; *душа*; *любимая*; *люблю*; *преданность*; *родное*; *родные*; *родственники*; *святое*; *спасение*; *спокойствие*; *тепло*; *честь* (~31,2 % всех реакций).

(3) Признак 'культурные эмблемы'. Показательно, что из 700 респондентов так или иначе ассоциируют Родину с специфическими компонентами, имеющими типично культурную представительность: *мать зовёт* 7; *кинотеатр* 4; *красный* 3; *9 мая* 2; *березки*; *двуглавый орел*; *Есенин*; *красная точка*; *Рашика*; *рябина*; *смородина* (~3,2 % всех реакций).

Схема 3.9. Смысловые признаки ценности «Родина» по данным свободного АЭ (ядро ассоциативного поля)

Уже эти выделенные признаки обнаруживают совпадение с понятием «Родина» в деревенской прозе. Обратим внимание на то, что Родина также соотносится у респондентов с местом рождения, домом, семьей – обязательными компонентами модели Родины в исследуемой художественной прозе. Практически все ассоциаты связаны с представлением факторов духовного близости (*мать 110; дом 30; моя 24; семья 6; сердце 4; мама 5; родная 2; родной 2*) и получили максимально положительное значение (*патриотизм 20; любовь 9; патриот 8; гордость 6; защита 5; мир 5; любимая 2; привязанность 2 и пр.*). Если в ассоциатах и отражены конкретные географические признаки страны, которые привязаны к какому-то определенному месту: *Россия 52; Родина 2; родной город 2; Арбат; Армения; Казахстан; Междуреченск; Москва; Санкт-Петербург; Советский союз; Усть-Илимск; Химки*. Такой характер реакций свидетельствует о том, что понятие «Родина» имеет и личностный смысл у подавляющего большинства респондентов, и ассоциаты связаны с конкретными представлениями о Родине.

Однако, вместе с тем в ближнюю и дальнюю периферии поля входят реакции, актуализирующие негативные состояние чело-

века: *нет* 2; *нет, не хочу служить*; *предательство*; *продана*; *пропасть*; *слепота*; *смех* (~1,1 % всех реакций), что свидетельствует об эмоциональной личностной ценности для малой части респондентов исследуемого аксиологического понятия. Эта группа реакций обнаруживается полное несовпадение с содержаниями «Родина» в художественных текстах, в которых представлены одни положительные оценки и понимания о ценности «Родина».

Проанализировав языковой образ базовой ценности «Родина», мы заметили, что его ассоциативное поле обладает такими специфическими чертами: «Родина» представляется собой личностное, персональное восприятие «своего» демографического пространства. Какие бы события ни повлияли на формирование конкретных ассоциативных связей испытуемых, важно, что при моделировании отношения к ценности «Родина» следует учитывать амбивалентные недифференцированные чувства и, что самое показательное, наличие у значительно большей части респондентов эмоционально значимых содержательных компонентов этого аксиологического понятия.

Человек воспринимает себя как «часть» этого родного пространства, к которому испытывает психологически близкое отношение (*мать*; *любовь*; *гордость*; *семья*; *дом*). Простейший смысл «Родина» представлен большинстве респондентов как «Родина – мать», он и является общественно закрепленным и ценностно-окрашенным. В его структуре находится культурная специфика. Так формируется индивидуальный образ, представление слова, в котором максимально выражается специфика восприятия «Родина».

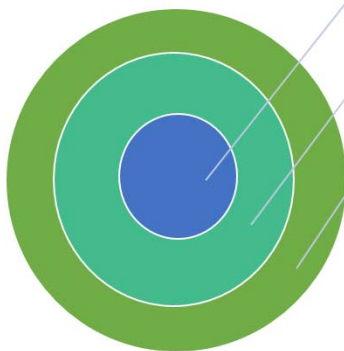
3.2.5. Исследование структурно-содержательных особенностей ассоциативного поля терпимость

Ассоциативное поле *терпимость* представлено следующими реакциями: *толерантность* 87; *вера* 16; *нервы* 16; *уважение* 15; *сдержанность* 14; *качество* 12; *спокойствие* 10; *время* 9; *терпение* 9; *понимание* 9; *характер* 9; *сила* 8; *боль* 8; *выдержка* 7; *люди* 7; *мудрость* 7; *нет* 6; *ожидание* 6; *родители* 5; *смирение* 6; *стойкость* 6; *труд* 6; *успех* 6; *воля* 5; *к людям* 5; *слабость* 5; *важна* 4; *Европа* 4; *злость* 4; *мир* 4; *необходимость* 4; *религия* 4; *терпила* 4; *усидчивость* 4; *хорошо* 4; *я* 4; *вежливость* 3; *воспитание* 3; *дети*

3; жалость 3; ЛГБТ 3; любовь 3; меньшинства 3; негр 3; отношение 3; принятие 3; результат 3; Россия 3; бывает 2; веротерпимость 2; взрыв 2; вред 2; доброта 2; доверие 2; ждать 2; злость 2; камень 2; к окружающим 2; крепкие нервы 2; мама 2; минус 2; мягкость 2; народ 2; не всегда 2; необходима 2; нужда 2; отношения 2; плохо 2; раздражение 2; решимость 2; семья 2; сила воли 2; сложно 2; снисхождение 2; стабильность 2; старание 2; тяжело 2; ум 2; унижение 2; уравновешенность 2; устойчивость 2; человека 2; честность 2; чувство 2; агрессия; Америка; Анна; английский; безразличие; бесконечная; блага; благодущие; благосклонность; благородие; болезнь; брат; бред; буддизм; будущее; важна; важное; важность; везде; век; верность; вероисповедание; ветка; вздох; воздержание; воздержание мыслей; воспитанность; воспринимать боль; вранье; временно; все и всем; выдержка; выносливость; вынужденная; вынужденность; выработка; высшая; Габон; геи; гей; главное; глицин; глупость; гнев; гордость; дар; двуличие; дисциплина; добро; дойти до цели; долг; должна быть; долго; дом; дед; друг; дружба; другие; дурь; дух; душа; евреи; еврей; еж; женщина; забота; закон; закончилась; закрытые глаза, поджатые губы; запад; зло; золото; зубной врач; идиотизм; иллюзия; иногда; иностранцы; Ислам; интернациональность; кавказцы; каждодневная; канат; Кафка; к близнему; к близким; к добру не приводит; к другим; к другим народам; ко всем; ко всему; к кому?; к людям; к общественному мнению; контроль; корысть; костер; кошка; крепость; к родителям; кропотливость; к себе; к поступкам; красной; кротость; к чужим особенностям; к чужим ценностям; лишнее; лучший; люди; мало; мама; машина; мера; милосердие; миролюбивость; молчание; монах; мужчина; наверно; навык; надежда; надо; на нуле; напруг; напряжение; настойчивость; нация; не-не-не; неверно; невозможная; невозможно; не всегда лучший вариант; не всегда нужно; невыносима; негры; не для меня; недосказанность; нежность; ненависть; необходимо; неодобрение; нету; нить; нужна; не нужна; неопределенно; неотъемлемо; не про меня; нетерпимость; не терпение; нехорошо; не я; новости; ноги; норма; нормально; нужна; общество; обязанность; обязательно; ожог; озон; OZON 671; орёл; ориентация; оружие; осёл; отвага; отлично; отрешение;

Психолингвистический анализ трансформации содержания базовых этнических ценностей в русской культуре

отступление; отсутствие; отсутствует; отчаяние; очередь; ошибка; пары; плюс; полезно; порезы; постоянно; правильно; предел; приемлемость; психиатр; путь; пытки; раб; рабство; равенство; равноправие; раздражимость; раздражитель; рамки; рассудительность; реалии; редкость; риск; робость; ролл; рыбалка; светло-серый; свобода; сдержанный; сила духа; сильно; сильный; силы; ситуационно; скука; сложно; сложно достичь; сложность; смех; смирение; снисходительность; собранность; сойдет; солидарность; сосредоточенность; сострадание; сосуд; социум; спокойность; спокойный; способность; ссоры; сталь; старость; стена; стойкий; страдания; страх; стрессоустойчивость; струна; стыд; терпеливый; терпеть; терпила!; терпим; терпимая; терпимый; терплю; телец; тревожность; тренд; трение; трепет; труд, характер; хорошо; трудно; трудности; трудолюбие; удел сильных; умение; умение сдерживать эмоции; умиротворение; упорство; усталость; учеба; учиться; хладнокровие; хорошее качество; целеустремленность; ценность; человек; человеческая; черный; черта; чужда; школа; э, не знаю; эмоциональный; яд I (721/358/2/277).

Ядро поля: толерантность, вера, нервы, уважение, сдержанность, качество, спокойствие, время, терпение, понимание, характер, сила, боль, выдержка, люди, мудрость, нет, ожидание, родители, смирение, стойкость, труд, успех, воля, к людям, слабость

Ближняя периферия поля: важна, Европа, злость, мир, необходимость, религия, терпила, усидчивость, хорошо, я, вежливость, воспитание, дети, жалость, ЛГБТ, любовь, меньшинства, негр, отношение и пр.

Дальняя периферия поля: агрессия, Америка, Анна, английский, безразличие, бесконечная, блага, благодущие, благосклонность, благородные, болезнь, брат, бред, буддизм, будущее, важна, важное, важность, везде и пр.

Схема 3.10. Ассоциативное поле стимула *терпимость* по данным свободного АЭ

В ядро поля вошли: *толерантность 87; вера 16; нервы 16; уважение 15; сдержанность 14; качество 12; спокойствие 10; время 9; терпение 9; понимание 9; характер 9; сила 8; боль 8; выдержка 7; люди 7; мудрость 7; нет 6; ожидание 6; родители 5; смирение 6; стойкость 6; труд 6; успех 6; воля 5; к людям 5; слабость 5.*

41% респондентов дали синонимическую реакцию, означающую знакомство со словом-стимулом, но одновременно указывающую на отсутствие актуализации личностно значимого признака. Оставшиеся ассоциаты демонстрируют следующие признаки предикации в паре стимул – реакция:

(1) терпимость как свойство веры (при этом оснований однозначно указывать на веру как религиозность, по данным ассоциативного эксперимента, нет): *вера 16* (~2,2 % всех реакций),

(2) терпимость как психологическое качество личности: *нервы 16, сдержанность 14, качество 12, спокойствие 10, терпение 9, выдержка 7, мудрость 7, смирение 6, стойкость 6, воля 5, слабость 5.* Обратим внимание на то, что среди всех ассоциатов, представляющих этот признак, только один обладает отрицательной коннотацией (~13,4 % всех реакций),

(3) формы проявления терпимости: *уважение 15, понимание 9, труд 6* (~4,1 % всех реакций),

(4) носители признака: *люди 7, родители 5* (~1,6% всех реакций); обратим внимание на а) нечастотность этого признака и на то, что б) ни один респондент не ассоциирует терпимость с самим собой,

(5) терпимость как требование времени: *ожидание 6, успех 6* (~1,6 % всех реакций),

(6) эмоциональная реакция *нет*, которую можно интерпретировать как отрицание индивидом этой категории или как объективное отсутствие ее в окружающем мире. В ядре отмечена также реакция, свидетельствующая о неразличении респондентами значений ‘терпимость’ и ‘терпение как физическая реакция’: *боль 8* (~1,1 % всех реакций).

Психолингвистический анализ трансформации содержания базовых этнических ценностей в русской культуре

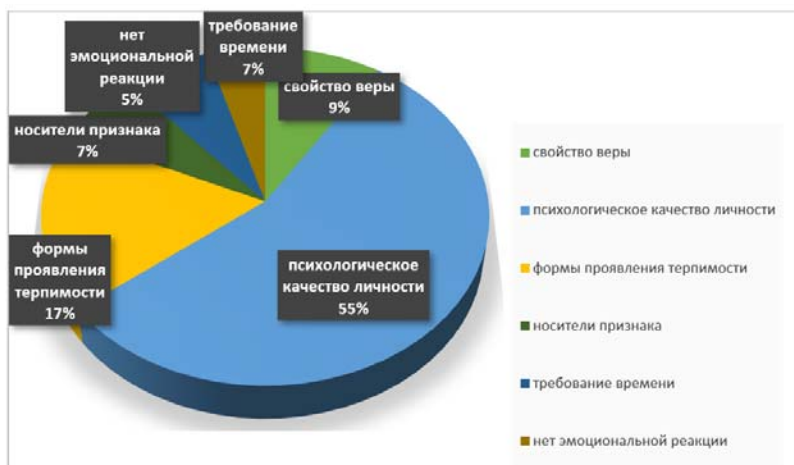

Схема 3.11. Смысловые признаки ценности «терпимость» по данным свободного АЭ (ядро ассоциативного поля)

Отмеченные признаки аналогичны и для других зон ассоциативного поля.

Вместе с тем анализ ближней и дальней периферии ассоциативного поля показывает, что оставшиеся 69 % респондентов понимают стимул как терпимость к иному мировоззрению, образу жизни, поведению и обычаям, т.е. как социологический термин, а не нравственную категорию, присущую традиционной русской культуре. Так, выделяется признак 'объект терпимости', который, по сути, означает 'объект социально толерантного поведения личности': *меньшинства, негр, черный, евреи, болезнь, ориентация, веротерпимость, буддизм, к чужим, к чужим ценностям*. Утверждается социальная необходимость и положительная оценка такого поведения (необходимость, хорошо), однако отмечено значительно превышающее положительные реакции количество негативных ассоциатов: *вранье, дуть, бред, зло, к добру не приводит, лишнее, напряг, не для меня, не про меня, яд* и др. В отличие от ядра поля, в ближней периферии появляются реакции, свидетельствующие о принятии терпимости респондентами: *я 4*. Отмечена значительная часть реакций, которая свидетельствует о неразличении респондентами значений терпимость и терпеливый (физически), а также формальные реакции, также говорящие о неактуальности стимула

в речевой и ментальной деятельности респондентов: *терпеливый; терпеть; терпим; терпимая; терпимый; терплю* и под. 22 респондента отказались от ассоциирования; это показатель того, что слово-стимул редко включается в процесс речевой деятельности исследуемой группы респондентов.

Таким образом, *терпимость* понимается современными носителями русской культуры не как глубинная, традиционная ценность русского этноса, а как активно пропагандируемое отношение современного «глобализированного» к другому человеку, предполагающее возможность существования разных мировоззрений, ценностей, религий, национальностей, культур в целом. Такое отношение выполняет защитную функцию, поскольку создает ощущение уверенности в мире для каждого человека, для более объективного понимания других людей и культур.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ III

Третья глава посвящена пилотному экспериментальному исследованию содержания ценностей у носителей современной русскоязычной культуры с целью определения того, насколько художественный мир «деревенщиков» может быть понятным для представителей поколения 17–27 лет.

Специфика национального менталитета наиболее непосредственно выявляется в особенностях ассоциирования, поэтому мы предприняли пилотный свободный ассоциативный эксперимент для установления основных актуальных признаков стимулов, в качестве которых выступили исследованные в художественных текстах ценности «вера», «семья», «милосердие», «терпимость», «Родина». Ассоциативный эксперимент используется в качестве способа верификации психологически актуального для индивида содержания, стоящего за словом-стимулом, дополнительного к инвариантному словарному значению.

Ядро ассоциативного поля *вера* структурируется следующими основными предикативными признаками, связывающими стимул и реакцию: ‘формы проявления веры’, ‘носитель веры’, ‘эмоциональ-

ное отношение к вере', 'условие веры', 'глубинный характер чувства', 'качество носителя веры', 'тип веры'. Можно предполагать, что вера для большинства респондентов исследуемой группы – положительное психологическое качество человека, реализующееся в милосердии, гуманизме, заботе о людях и помощи им, но ни один респондент не обнаруживает реакций, которые бы свидетельствовали о вере как необходимом нравственном принципе их жизни или морально-нравственной ценности. Представляется поэтому, что содержание прозы «деревенщиков», посвященное представлению специфической ценности «вера», может быть осознано нашими респондентами лишь рационально.

Исследование структурно-содержательных особенностей ассоциативного поля *милосердие* показало, что в этом случае основная стратегия ассоциирования – синонимизация стимула. Это показатель понимания содержания стимула и одновременно – психологической неактуальности понятия для респондентов. В ассоциативном поле представлены такие признаки предикации: 'форма проявления милосердия', 'субъекты и объекты милосердия', 'эмоционально-оценочное отношение', 'внутреннее чувство', подтвержденные исследованием других зон ассоциативного поля, в которых вместе с тем имеются культурно обусловленные реакции-представления. Однако милосердие устойчиво соотносится только с деятельностью церкви, врачей и волонтеров, что отражено в специфических ассоциатах. Милосердие не рассматривается как повседневно необходимое отношение ко *всем* людям, в чем явное отличие от традиционной деревенской культуры. Кроме того, милосердие воспринимается, скорее, как профессиональная обязанность определенной части общества, но не как личностно необходимое свойство каждого человека.

В ядре ассоциативного поля *семья* установлены следующие актуальные признаки ассоциирования: 'нравственные взаимоотношения как основа семьи', 'защитная функция семьи', 'место обитания семьи', 'родственники', 'источник существования'. Все эти

признаки характерны и для содержания ценности «семья», представленной в художественной деревенской прозе. Отметим, что это единственная из исследованных ценностей, содержание которой практически не изменилось и в период социальных и культурных «сломов» в России. Однако отметим, что на периферии ассоциативного поля установлены реакции, указывающие на негативную оценку института семьи.

Состав ассоциатов на стимул *Родина*, напротив, указывает на резкое отличие в понимании Родины деревенщиками и современной молодежью. Эксперимент показывает, что в исследованной группе у подавляющего большинства респондентов представления о родине не сформированы, а само аксиологическое понятие не имеет для них психологически актуального смысла. В паре стимул – реакция в ядре поля актуализируются признаки ‘родина как лексема-симулякр’ (~19,5 %) респондентов, подтверждаемый другими зонами поля, ‘эмоционально-оценочное отношение’ в разных зонах ассоциативного поля, ‘конкретная страна’. Подчеркнем, что из 700 респондентов ассоциируют Родину с Россией (положительно и отрицательно) только четверо.

Выделенные признаки позволяют говорить о радикальном различии в понимании ценности «Родина» героями деревенской прозы и современной молодежью: у последней Родина не соотносится с местом рождения, домом, семьей – необходимыми компонентами модели Родины у «деревенщиков». Географические признаки страны, представленные в ассоциатах, не соотносятся с какими-то конкретными местами. Аксиологическое понятие «Родина» не связано с конкретными представлениями и образами. Однако в ядре поля представлены и реакции, свидетельствующие об эмоциональной личностной ценности этого понятия для части респондентов, при этом негативных реакций значительно больше. 41% респондентов на стимул *терпимость* дали синонимическую реакцию, указывающую на то, что с данным понятием у респондентов не соотносятся личностно значимые признаки. 69 % респонден-

Психолингвистический анализ трансформации содержания базовых этнических ценностей в русской культуре

тов понимают стимул как социологический термин, а не нравственную категорию, присущую традиционной русской культуре. В ассоциатах отражена положительная оценка терпимости, однако количество негативных ассоциатов значительно превышает положительные. Отмечена значительная часть реакций, которая свидетельствует о неразличении респондентами значений 'терпимость' и 'терпеливый (физически)', а также формальные реакции, также говорящие о неактуальности стимула в речевой и ментальной деятельности респондентов. Таким образом, современными носителями русской культуры терпимость рассматривается не как традиционная ценность русского этноса, а только как актуальное для современного мира отношение людей, предполагающее мирное сосуществование разных религий, мировоззрений, культур.

Заключение

Гипотеза о том, что содержание ценностей определенной культуры неосознаваемо реализуется в разных видах деятельности человека и зависит от характера и степени их интериоризации индивидом, аргументирована в исследовании сравнением значений лексем, номинирующих соответствующие ценности, содержанием ценностей, отраженных в художественной прозе деревенщиков, и данными свободного ассоциативного эксперимента, демонстрирующего степень «присвоенности» ценностей индивидом. Если степень «присвоенности» в ассоциатах не выявляется, это означает, что данная ценность не является актуальной для индивида.

В связи с этим в исследовании выдвинуто несколько положений, позволяющих внести определенный вклад в методологию этнопсихолингвистики.

Так, важным представляется утверждение, что присвоение ценности связано в ценностной ориентацией личности и определяется содержанием всей ассоциативно-апперцепционной базы человека. Ценности можно интерпретировать как репрезентацию человеческих представлений о том, какие принципы операционально, неосознаваемо становятся основой жизни людей и какие цели определяют их бытие. Мотивы, оказывающие влияние на характер присвоения ценностей, предлагается определять с помощью анализа предикативных отношений в паре *стимул – реакция*. Иерархия ценностей устанавливается по степени значимости каждой из них в рамках ассоциативного поля. Моделирование системы ценностей, характерной для традиционной русской культуры, осуществлявшееся с учетом разной степени интериоризации ценностей представителями этноса, позволило установить, что для русской деревенской прозы смысловым центром является нравственная сторона человека, а традиционный образ жизни – пространство формирования специфической национальной ментальности. Поэтому ценности в прозе деревенщиков не артикулируются и не осознаются героями, а реализуются в обиходном поведении, в обыденных действиях и поступках людей, поскольку присвоенные ценности участвуют в мотивации поведения. Именно особое пространство бытия порождает новые смыслы, соотносимые с известными базовыми ценно-

стями, в том числе и существенно не совпадающее с моделями ценностей. Поэтому можно говорить о важности взаимосвязи между ценностными ориентациями и направленностью человеческой личности; такая взаимосвязь исследована в первой главе.

На основе анализа художественного текста как репрезентанта базовых аксиологических понятий и способов вербального воплощения их содержания, мы пришли к выводу о том, что в художественном произведении специфически соотносится идеальное представление о этническом менталитете и особенности интериоризации ценностей автором текста, что позволяет считать художественный текст презентативным материалом для моделирования содержания ценностей. Ценности представлены через восприятие и обыденную деятельность персонажей, поэтому обнаружены новые смыслы, соотносимые с известными базовыми ценностями, характерный только для русской деревенской традиционной культуры.

Эти смыслы могут полностью (как ценность «семья») или частично совпадать со смоделированными по лексикографическим источникам, могут отличаться содержанием смысла, количеством смысловых составляющих ценности и их иерархией в системе ценности.

Нет полного совпадения содержания ценностей и в художественных мирах В. Распутина, В. Астафьева, В. Белова. Например, для В. Распутина вера – надежда на сохранение традиционных устоев жизни, неосознаваемый принцип бытия, духовная константа крестьянского мира, и в этом ряду на первом месте стоят ‘надежда’ и ‘эмоциональная связь человека с родной землей’. Для В. Астафьева важно показать, как создается духовный мир героев, поэтому на первом месте оказывается ‘стремление к идеалу’, хотя другие выделенные признаки практически совпадают, в том числе совпадают и представления о стабилизирующей функции духовных ценностей в бытии этноса.

Пилотное экспериментальное исследование содержания ценностей у носителей современной русскоязычной культуры подтвердило существенные расхождения между системой ценностей респондентов исследуемой группы и художественными мирами деревенщиков.

Так, на стимул *вера* нет реакций, которые бы говорили о вере как необходимом нравственном принципе или морально-нравственной ценности.

Стимул *милосердие* не вызвал реакций, свидетельствующих об актуальности этого понятия, у большинства респондентов. Если для писателей-деревенщиков милосердие – единственно возможное состояние человека, для респондентов – это форма проявления профессиональной компетентности врачей, церкви и связанных с ними волонтеров.

Частично отличаются ассоциативные связи *Родины* у деревенщиков и по результатам ассоциативного эксперимента. В исследованной группе у подавляющего большинства респондентов представления о родине сформированы так позитивные представления, так и эмоционально-негативные оценки к *Родине*. А для писателей-деревенщиков у понятия «Родина» имеется одно позитивное значение. Родина и символизирует духовный мир, где сохраняются «коренные» ценности человека, и поэтому, показывая сохранение культурных традиций и верований.

41% респондентов на стимул *терпимость* дали синонимическую реакцию, что указывает на отсутствие личностной значимости понятия, 69 % респондентов понимают стимул как социологический термин, а не нравственную категорию, присущую традиционной русской культуре.

Перспективы исследования мы видим в следующем.

1. Более детальное исследование всего состава ассоциатов изученных ценностей по всем имеющимся ассоциативным базам с целью повышения степени аргументированности предлагаемых моделей ценностей.

2. Изучение имеющихся ассоциативных баз данных с целью установления изменений в содержании ценностей.

3. Сравнительно-сопоставительное исследований изученных ценностей в других культурах с целью создания фундаментальной базы для изучения ментальности различных этносов, социумов, социальных групп.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абакумова О.Б. Пословичные концепты в паремическом дискурсе: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Орел, 2013. 46 с.
2. Абрамов М.А. Догмы и поиск (сто лет дискуссии о диалектике в английской философии). М.: ИФРАН, 1994. 211 с.
3. Абишева А.К. О понятии «ценность» // Вопросы философии. 2002. № 3. – С. 139–149.
4. Андреева Е.Л., Ратнер А.В., Глухих П.Л. Изменение ценностных установок модернизируемого общества // Ценности и смыслы. Социологические науки. М.: Институт эффективных технологий, 2014. – С. 89–101.
5. Антипкин М.А. Проблема ценностей в исследованиях западных социологов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Волгоград: Волгоградский государственный социально-педагогический университет. 2008. № 3. – С. 56–61.
6. Астафьев. Запах сена. URL: <https://azbyka.ru/fiction/poslednij-poklon/#n4>
7. Астафьев. Стряпухина радость. URL: <https://azbyka.ru/fiction/poslednij-poklon/#n4>
8. Ананьев Б.Г. Личность, субъект деятельности, индивидуальность. – М.: Директ-Медиа, 2008. 134 с.
9. Антология концептов / под ред. В.И Карасика, И.А. Стернина. М.: Гнозис, 2007. 215 с.
10. Апресян Р.Г. Общественная мораль: философские, нормативно-этические и прикладные проблемы. М.: Альфа-М, 2009. 494 с.
11. Апресян Ю.Д. Избранные труды Т. I. Лексическая семантика. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. 472 с.
12. Аристотель. Сочинения / ред. А.И. Доватура. В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. – 830 с.
13. Артюхова Ю.В. Ценности и воспитание // Педагогика. М.: Просвещение, 1999. № 4. – С. 117–128.
14. Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров / Акад. пед. и соц. наук, Моск. психол.-соц. ин-т. М.: Институт практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1996. – 768 с.
15. Астафьев В.П. Последний поклон: повести. М.: Молодая гвардия, 1989. 335 с.

16. Багдасарян В.Э. Сулакшин С.С. Высшие ценности Российского государства. М.: Научный эксперт, 2012. 624 с.
17. Баева Л.В. Духовность личности с позиций экзистенциальной аксиологии // Философия образования. 2003. № 8. – С. 209–219.
18. Байдицкая Л.И., Сабурова Н.А. Деонтическая модальность и лингвистические средства ее репрезентации в кодексе профессиональной этики // Науч. Вестник Воронеж гос. арх.-строит. ун-та. 2015. Вып. 5 (19). С. 105–110.
19. Байрамова Л.К., Юнусова Р.Д. Человек гостеприимный: ценности и модели поведения // Ученые записки Казанского гос. ун-та. 2008. Т. 2. № 150. С. 90–96.
20. Бартми́нский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М.: Индрик, 2005. 527 с.
21. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Гнозис, 1963. 361 с.
22. Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория в её преемственности и изменении. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1961. 896 с.
23. Белая Г.А. Гуманистический пафос советской литературы. М.: Наука, 1982. 38 с.
24. Белов В.И. Привычное дело. М.: Эксмо, 2005. 864 с.
25. Белянин В.П. Психолингвистика: учебник. М.: Флинта: Московский психосоциальный институт, 2003. 232 с.
26. Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М.: Философское общество СССР, 1990. 240 с.
27. Бердяев Н.А. Самопознание. М.: ЭКСМО-Пресс, 1998. 620 с.
28. Бобнева М.И. Социальные нормы и регуляция поведения / АН СССР, Ин-т психологии. М.: Наука, 1978. 311 с.
29. Большакова А.Ю. Нация и менталитет: Феномен «деревенской прозы» XX века. М.: Ком. по телекоммуникациям и средствам масс. информ., 2000. 132 с.
30. Большакова А.Ю. Нация и менталитет: феномен «Деревенской прозы» XX в. М.: Комитет по телекоммуникациям и средствам массовой информации правительства Москвы, 2000. 132 с.
31. Дж. Брунер Дж., Гудмен К. Ценности и потребности как организующие факторы восприятия // Хрестоматия по общей психологии. Вып. III. Субъект познания / отв. ред. В.В. Петухов. М.: Российское психологическое общество, 1998. С. 54–67.

32. Брюхова Н.Г. Нравственное саморазвитие человека // *European Social Science Journal* (Европейский журнал социальных наук). Иваново: Проблемы науки, 2015. № 7. С. 289–301.
33. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Модальность // *Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис*. М., 1992. С. 110–153.
34. Булыгина, Т.В., Шмелев, А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 576 с.
35. Василенко В.А. Ценность и ценностные отношения // *Проблема ценности в философии* / под ред. А.Г. Харчева, Т.Н. Горштейн, М.А. Киселя и В.П. Тугаринова. М.: Наука. 1966. С. 41–49.
36. Василюк Ф.Е. Методологический анализ в психологии. М.: МГППУ, Смысл, 2003. 240 с.
37. Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 804 с.
38. Выготский Л.С. Педагогическая психология. М.: Педагогика-Пресс, 1996. 536 с.
39. Выжлецов Г.П. Аксиология культуры в системе философского знания // *Вестник Санкт-Петербургского ун-та*. 2010. Серия 6. Вып. 4. С. 34–39. URL: [http://admin.Novsu.ac.ru/uni/vestnik.nsf/all/37C182FCDA018214C3256AC000205E21/\\$file/Выжл.pdf](http://admin.Novsu.ac.ru/uni/vestnik.nsf/all/37C182FCDA018214C3256AC000205E21/$file/Выжл.pdf) (дата обращения 10.12.2019).
40. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
41. Горнштейн Т.Н., Киселя М.А., Тугаринов В.П. Проблема ценности в философии. М.: Наука, 1966. 262 с.
42. Горошко Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. М.: РА – Каравелла, 2001. 320 с.
43. Горошко Е.И. Языковое сознание – опыт ассоциативного анализа // *Языковое сознание: устоявшееся и спорное: тез. XIV межд. симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации*. М.: Российская Академия Наук; Институт языкознания, 2003. С. 3–9.
44. Гребенюк Т.Н. Образ Родины: общечеловеческая ценность versus политическая ценность // *Вестник Томского гос. ун-та*. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. С. 14–16.
45. Грицанов А.А. Всемирная энциклопедия. Философия. М.: Мысль, 2001. 1312 с.
46. Гусейнов А.А. Цели и ценности: как возможен моральный поступок? // *Этическая мысль*. М.: ИФ РАН, 2002. Вып. 3. С. 10–18.

47. Гущина Т.В. Художественно-эстетические функции женских характеров в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2004. 184 с.

48. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М.: Академический проект, 2015. 602 с.

49. Дильтей В. Описательная психология. СПб.: Алетейя, 1996. 160 с.

50. Добренчиков В.И., Кравченко А.И. Социология. М.: Инфра-м, 2001. 624 с.

51. Добровольская Е.В. Концептуализация семьи в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Добровольская Елена Валерьевна [Место защиты: Том. гос. ун-т]. Томск, 2005. 23 с.

52. Дробницкий О.Г. Мир оживших предметов. Проблема ценности и марксистская философия. М.: Изд. полит. лит., 1967. 351 с.

53. Дробницкий О.Г. Некоторые аспекты проблемы ценностей // Проблема ценности в философии / под ред. А.Г. Харчева. Л.: Наука, 1966. С. 25–40.

54. Есмуряева Ж.Б. Концепт «Родина» (в русском и английском языках) в системе ценностных концептов языковой картины мира // Альманах современной науки и образования. – Тамбов, 2008. № 8. Ч. 2. С. 53–55.

55. Жамалетдинова Э.Х. Психолингвистический анализ трансформации содержания общечеловеческих ценностей в русской культуре: на примере базовых ценностей «вера», «долг», «развитие», «свобода»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Жамалетдинова Эльмира Хамитовна; [Место защиты: Ин-т языкознания РАН]. М., 2018. 290 с.

56. Железнова Ю.В. Лингвокогнитивное и лингвокультурное исследование концепта «семья»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Железнова Юлия Владимировна; [Место защиты: Удмурт. гос. ун-т]. Ижевск, 2009. 205 с.

57. Забияко А.П. Феноменология и аксиология святого в философии религии М. Шелера // Религиоведение. Благовещенск: Изд-во АмГУ. 2001. №2. С. 109–113.

58. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. 204 с.
59. Залыгин С.П. О творчестве Василия Белова // Залыгин С.П. Рассказы. 1981–1989. Литературно-критические статьи. В 6 т. М.: Художественная литература, 1991. С. 401–416.
60. Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. Отношение к труду и ценностные ориентации личности // Социология в СССР. М.: Мысль, 1966. Т. 2. 311 с.
61. Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. М.: Политиздат, 1986. 224 с.
62. Знанецкий Флориан Витольд. Американская социологическая мысль: тексты / под В. И. Добренькова. М.: Изд-во МГУ, 1994. 496 с.
63. Занегина Н.Н. Концепт «семья» в русском литературном языке и принципы его описания: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Занегина Наталия Николаевна; [Место защиты: Моск. гос. лингвист. ун-т]. М., 2011. 254 с.
64. Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: МПСИ МОДЭК, 2010. 808 с.
65. Ильин В.В. Аксиология. М.: Изд-во МГУ, 2005. 216 с.
66. Каган М.С. О философском понимании ценности // Системный подход и гуманитарное знание. Избранные статьи. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. С. 343–351.
67. Каган М.С. Философская теория ценности. СПб.: Петрополис, 1997. 205 с.
68. Кант И. Критика чистого разума. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007. 1120 с.
69. Карандашев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб.: Речь, 2004. 72 с.
70. Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка. М.: Русский язык, 1993. 330 с.
71. Касьянова К.О. О русском национальном характере. М.: Институт национальной модели экономики. 1994. 267 с.
72. Катлин П. Русская деревенская проза. Светлое будущее. Томск: Томский ГУ, 2004. 203 с.
73. Кильберг-Шахзадова Н.В. Введение в профессию «Социальная работа». Нальчик: КБГУ, 2003. 113 с.

74. Коваль Т.С. Образ Родины в значении «Родина-мать»: патриотический дискурс // Общество и этнополитика: материалы Второй международной научно-практической интернет-конференции. Новосибирск: Сибирская академия государственной службы, 2009. С. 199–204.

75. Ковский В.Е. Пафос гуманизма: Современная советская литература и духовный мир личности. М.: Знание, 1985. 127 с.

76. Колобаева Л.А. Художественный мир В. Распутина // Очерки истории русской литературы XX века. – М.: Изд-во Московского университета, 1995. 165 с.

77. Колосов А.В. «Родина» – «Отечество» – «Отчизна». URL: <http://bd.fom.ru/report/map/articles/kolosov/d010227> (дата обращения: 10.12.2019).

78. Курбатов В.Я. Миг и вечность: Размышления о творчестве В. Астафьева. Красноярск: Красноярское кн. изд-во, 1983. 166 с.

79. Лапин Н.Г. Модернизация базовых ценностей россиян // Социологические исследования. – М.: Ин. социологии РАН. 1996. № 5. С. 3–20.

80. Лапин Н.И. Динамика ценностей населения реформируемой России. М.: Эдиториал УРСС, 1996. 221 с.

81. Лапин Н.И. Базовые ценности населения и российская либерализация. Общество и экономика. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 2002. № 12. С. 29–38.

82. Лапин Н.И. Пути России: социокультурные трансформации. М.: ИФ РАН, 2000. 191 с.

83. Лапин Н.И. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов // Социологические исследования. М.: Российская академия наук. 2010. № 1. С. 28–36.

84. Лапченко А.А. Человек и земля в русской социально-философской прозе 70-х годов: В. Распутин, В. Астафьев, С. Залыгин. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 137 с.

85. Леонтьев А.А. Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования. М.: Наука, 1971. 216 с.

86. Леонтьев А.А. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах // Словарь ассоциативных норм русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1977. С. 3–16.

87. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: URSS, 2007. 216 с.
88. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1977. 304 с.
89. Леонтьев А.Н. Опыт структурного анализа цепных ассоциативных рядов (экспериментальное исследование) // Избранные психологические произведения. В 2 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1983. С. 50–71.
90. Леонтьев Д.А. Методика изучения ценностных ориентации. М.: Смысл, 1992. 17 с.
91. Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 4–36.
92. Леонтьев Д.А. Внутренний мир личности // Психология личности в трудах отечественных психологов. СПб.: Питер, 2000. 480 с.
93. Леонтьев Д.А. От социальных ценностей к личностным // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. М.: Изд-во Моск. ун-та., 1996. № 4. С. 35–44.
94. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2007. 512 с.
95. Леонтьев Д.А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени // Психологическое обозрение. URL: <http://psychology.net.ru/articles/content/1089228298.html> (дата обращения: 22.10.2019).
96. Лихачев Д.С. О национальном характере русских // Вопросы философии. М.: Республика, 1990. № 4. С. 3–6.
97. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 444 с.
98. Лосский Н.О. Характер русского народа. В 2 кн. Кн. 2. М.: Ключ, 1990. 160 с.
99. Лурье С.В. Историческая этнология. М.: Гаудеамус; Академический проект, 2004. 624 с.
100. Лурье С.В. Этнопсихология как наука об этнической самоорганизации URL: <http://psy.piter.com/library/?tp=2&rd=5&l=177&p=500> (дата обращения: 23.09.2019).

101. Магун В.С., Руднев М.Г. Альтернативные структуры ценностных переменных Ш. Шварца в Европе // XV апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества / отв. ред. Е.Г. Ясин. В 4 кн. Кн. 4. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2015. С. 488–499.

102. Магун В.С., Руднев М.Г. Базовые ценности россиян в европейском контексте. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Bazov_zen_St1_Magun_Rudnev.pdf (дата обращения: 27.10.2019).

103. Магун В.С., Руднев М.Г., Шмидт П. Европейская ценностная типология и базовые ценности россиян // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. М.: Аналитический центр Юрия Левады, 2015. № 3–4. С. 74–93.

104. Магун В.С. Европейская ценностная типология и базовые ценности россиян // Вестник общественного мнения. М.: Левада-Центр, 2015. № 3–4. С. 74–93.

105. Магун В.С., Монусова Г.А. Личные усилия и общественные блага в сознании жителей европейских стран // XV апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества / отв. ред. Е.Г. Ясин. В 4 кн. Кн. 3. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2015. С. 360–372.

106. Магун В.С., Руднев М.Г. Базовые ценности россиян в европейском контексте (по материалам опросов 2008) // Вопросы экономики. 2010. № 12. С. 107–131.

107. Магун В.С., Руднев М.Г. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. М.: Аналитический центр Юрия Левады, 2008. № 1 (93). С. 33–58.

108. Максименко А.А. Социальная интерпретация понятия «ценность» // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. Кострома: Костромской гос. ун-т им. Н.А. Некрасова 2011. № 2. С.284–291.

109. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. С. 77–105.

110. Мельничук В.А. Аксиологическая динамика русской лексики (конец XIII – начало XIX в.): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01/ Мельничук Виктория Александровна. СПб., 2017. 212 с.

111. Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. М.: Наука. 1988. 430 с.
112. Митрикас А.А. Семья как ценность: состояние и перспективы изменений ценностного выбора в странах Европы. URL: <http://www.demoscope.ru> (дата обращения: 25.10.2019).
113. Монтень М. Опыты. Избранные главы. М.: Правда, 1991. 656 с.
114. Мутушев А.А.-М. Понятие ценности в системе философского знания / Теория и практика общественного развития. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2015/5/philosophy/mutushev.pdf (дата обращения: 25.11.2019).
115. Нагоева Л.Х. Ценностные ориентации: понятие и феномен // Новые технологии. 2011. № 4. С. 286–289. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsenNestnye-orientatsii-ponyatie-i-feNomen> (дата обращения: 09.11.2019).
116. Недосекина М.А. К вопросу о ценностях и их классификации // Наука – ВУЗ – Школа: Сб. науч. тр. молодых исследователей. Магнитогорск: МГПИ, 1998. С. 215–220.
117. Оллпорт Г. Личность в психологии. М.: Ювента, 1998. 345 с.
118. Ортега-и-Гассет Х. История как система. М.: Весь Мир, 1997. 479 с.
119. Панарина Н.С. Психолингвистическое моделирование механизма реализации прецедентности: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Панарина Надежда Сергеевна; [Место защиты: Моск. гос. лингвист. ун-т]. М., 2017. 257 с.
120. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2002. 435 с.
121. Патаки Ф. Некоторые проблемы отклоняющегося (девиантного) поведения // Психологический журнал. 1987. Т. 8. № 4. С. 92–102.
122. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Психология: Словарь. 2-е изд. испр. и доп. М.: Политиздат, 1990. 494 с.
123. Пищальникова В.А. Теория и история психолингвистики. Ч. 1. М.: ИЯ РАН, МГЛУ, 2005. 296 с.
124. Пищальникова В.А. Теория и история психолингвистики. Ч. 2. Этнопсихолингвистика. М.: ИЯ РАН, 2007. 200 с.

125. Пищальникова В.А. Эксперимент как составная часть методологии сопоставительных исследований // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2019а. Т. 18. № 3. С. 52–63.

126. Пищальникова В.А. Интерпретация ассоциативных данных как проблема методологии психолингвистики // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2019. Т. 23. № 3. С. 749–761.

127. Пищальникова В.А., Карданова-Бирюкова К.С., Панарина Н.С., Степыкин Н.И., Хлопова А.И. Ассоциативный эксперимент: теоретические и прикладные перспективы психолингвистики. М.: Р-Валент, 2019. 200 с.

128. Пищальникова В.А., Сонин А.Г. Общее языкознание. Ч. 1. М.: Р-Валент, 2019. 479 с.

129. Пищальникова В.А., Хлопова А.И. Этнопсихолингвистика. Ч.1. Этническая идентичность. М.: МГЛУ; Проспект, 2020. 110 с.

130. Пищальникова В.А., Сонин А.Г. Общее языкознание: учебник для студентов высших учебных заведений. М.: Р-Валент, 2017. 480 с.

131. Пищальникова В.А., Яо Чжипэн. Служить бы рад – прислуживаться тошно, или Динамика значения слова 殷勤的 в китайской лингвокультуре // Известия Юго- Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. Курск, 2019. Т. 9. № 1 (30). С. 56–64.

132. Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3 / общ. ред. А.Ф. Loseva, В.Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1994. 654 с.

133. Платонов К.К. Структура и развитие личности. М.: Наука, 1986. 256 с.

134. Плеснер Х. Ступени органического в человеке. Введение в философскую антропологию / Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. 126 с.

135. Подольская Е.А. Ценностные ориентации и проблема активности личности. Харьков: Изд-во Основа при ХГУ, 1991. 162 с.

136. Привалова И.В. Отражение национально-культурных ценностей в паремиологическом фонде языка // Язык. Сознание. Коммуникация. Вып. 18. М.: МАКС Пресс, 2001. С. 10–17.

137. Распутин В.Г. Что в слове, что за словом? Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1987. 336 с.

138. Распутин В.Г. Избранные произведения. В 2 т. Братск: Братск-комплексхолдинг, 1997. 476 с.
139. Распутин В. Изба // В. Распутин. Собр. соч. В 2 т. Т. 2. Калининград, 2001. С. 607.
140. Распутин В.Г. Живи и помни: Повести. М.: Эксмо, 2004. 736 с.
141. Распутин В.Г. Изба. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=36650&p=1> (дата обращения: 19.12.2018).
142. Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. СПб.: Наука, 1997. 532 с.
143. Риккерт Г. О понятии философии Философия жизни. Киев: Ника-Центр, Вист-С, 1998. 505 с.
144. Розанов В.В. В мире неясного и нерешенного. Из восточных мотивов / под общ. ред. А.Н. Николокина. М.: Республика, 1995. 462 с.
145. Розов Н.С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1998. 292 с.
146. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: Наука, 1973. С. 365.
147. Рубинштейн С.Л. Основы онтологии, логики и психологии. М.: Наука, 1997. 463 с.
148. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер Ком, 1998. 688 с.
149. Руденко А.М. Философия в схемах и таблицах. Ростов н/Д.: Феникс, 2016. 382 с.
150. Рябов А.В., Курбангалеева Е.Ш. Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы. М.: Дом интеллектуальной книги, 2003. 448 с.
151. Рябов О.В. «Матушка-Русь»: опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. М.: Ладомир, 2001. 202 с.
152. Сандомирская И.И. Книга о родине: Опыт анализа дискурсивных практик. Вена: Gesellschaft zur Foerderung slawistischer Studien, 2001. 286 с.
153. Сахарный Л.В. Введение в психолингвистику. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 184 с.

154. Светоносова Т.А. Сопоставительное исследование ценностей в российской и американской политике: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Светоносова Татьяна Александровна. Екатеринбург, 2002. 174 с.

155. Семенов А.А. Ценностно-нормативные и социально-установочные подходы к исследованию саморегуляции социального поведения личности / Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция / под общ. ред. В.А. Ядова. 2-е расш. изд. М.: ЦСПиМ, 2013. С. 22–30.

156. Сержантов В. Ф. Человек, его природа и смысл бытия. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1990. 360 с.

157. Слинин Я.А. Россия и общество будущего // Серия «Мыслители», Я. (А. Слинин) и МЫ.: к 70-летию профессора Ярослава Анатольевича Слинина. СПб.: СПб философское общество, 2000. URL: <http://anthropology.ru/ru/texts/slinin/russia.html> (дата обращения: 09.11.2019).

158. Смелзер Н. Социология. М.: Феникс, 1994. 660 с.

159. Солженицын А.И. Характер русского народа в прошлом // Россия в Обвале. М.: Русский путь, 2009. 37 с. URL: <http://obval.by.ru/6.htm#29> (дата обращения: 28.02.2020).

160. Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал. М.: Мысль, 1990. С. 745–758.

161. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.

162. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: Наука, 1985. 335 с.

163. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004. 992 с.

164. Степыкин Н.И. Способы структурно-содержательного моделирования лингвокультурного концепта: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Степыкин Николай Иванович; [Место защиты: Моск. гос. лингвист. ун-т]. М., 2011. 187 с.

165. Стернин И.А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М.: Российская Академия Наук; Институт языкознания, 1996. С. 97–112.

166. Столович Л.Н. Красота. Добро. Истина. М.: Республика, 1994. 464 с.

167. Слепцова Е.В. Концепт ДОМ в русской языковой картине мира и в театралогии «Братья и сёстры» Ф.А. Абрамова: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – Русский язык/ Слепцова Екатерина Вячеславовна; [Место защиты: Дальневост. гос. ун-т]. Владивосток, 2009. 259 с.

168. Соловьев В.С. Оправдание добра. М.: Республика, 1996. 478 с.

169. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Институт психологии РАН; Академический проект, 1999. 320 с.

170. Столович Л.Н. Аксиологические течения в современной русской философии // Соловьевские исследования. – 2011. № 4 (32). С. 7–26.

171. Синячкин В.П. Психолингвистический и лингвокультурологический анализ общечеловеческих ценностей в русском языковом сознании: монография. М.: Российский университет дружбы народов, 2010. 338 с.

172. Сумина Е. С. Концепт толерантности как компонент русской философской картины мира. URL: <http://e-koncept.ru/2014/14530.htm> (дата обращения: 20.09.2019).

173. Сурина И.А. Ценности. Ценностные ориентации. Ценностное пространство: Вопр. теории и методологии. Ин-т молодежи. М.: Социум, 1999. 184 с.

174. Сурина И.А. Ценностные ориентации как управляющий параметр организации «жизненного мира». URL: http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/professor.ru/Surina_IA2/ (дата обращения: 30.12.2019).

175. Сухина И.Г. Ценность как универсальный антропологический феномен: основные положения философской аксиологии // Российский гуманитарный журнал. СПб.: Социально-гуманитарное знание, 2015. Т. 4. № 5. С. 368–380.

176. Талапова Т.А. Заглавие. Концепт «вера/неверие» в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – Русский язык/ Талапова Татьяна Андреевна; [Место защиты: Хакас. гос. ун-т им. Н.Ф. Катанова]. Абакан, 2009. 22 с.

177. Танака Кнёши. О героях и конфликтах у В. Распутина // Проблемы эволюции русской литературы XX века. М.: МПГУ, 1995. Вып. 2. С. 217–219.

178. Тарасов Е.Ф. Образ России извне и изнутри. Предисловие. Калуга: Эйдос, 2008. 280 с.
179. Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. Сборник статей / отв. ред. Н.В. Уфимцева. М.: ИЯ РАН, 1996. С. 7–22.
180. Тарасов Е.Ф. Проблема анализа содержания общечеловеческих ценностей // Вопросы психолингвистики. М.: Институт языкознания РАН, 2012. № 1. С. 8–17.
181. Томас В., Знанецкий Ф. Американская социологическая мысль: тексты / под В. И. Добренькова. М.: Изд-во МГУ, 1994. 496 с.
182. Тугаринов В.П. Марксистская философия и проблема ценности // Проблема ценности в философии / под ред. А.Г. Харчева, Т.Н. Л.: Наука, 1966. 244 с.
183. Тугаринов В.П. О ценностях культуры и жизни. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1960. 155 с.
184. Тугаринов, В.П. Теория ценностей в марксизме. Л.: ЛГУ, 1968. 124 с.
185. Тураева З.Я. Лингвистика текста. Текст: структура и семантика: учеб. пособие. М.: Просвещение, 1986. 127с.
186. Тюрин В.Б. Лексико-семантическое поле «Родина» в лирике Н. Рубцова: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – Русский язык / Тюрин Владимир Борисович; [Место защиты: Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского]. Н. Новгород, 2017. 211 с.
187. Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. М.: Наука, 1966. 450 с.
188. Устав Организации Объединенных Наций и Статут Международного суда. Нью-Йорк: Издание Департамента информации, 1948. 108 с.
189. Уфимцева Н.В. Языковое сознание как отражение этнокультурной реальности // Вопросы психолингвистики. М.: Институт языкознания РАН, 2003. № 1. С. 102–111.
190. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка. URL: <https://ushakovdictionary.ru> (дата обращения: 25.11.2019).
191. Федоров В.А., Благова А.С. Эволюция понятия «ценность» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. М.: РУДН, 2016. № 1. С. 128–140.

192. Федотов Г.П. Судьба и грехи России. СПб.: София, 1992. 350 с.
193. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 372 с.
194. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. 382 с.
195. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 192–221. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Heidegg/_Gumanizm.php (дата обращения: 09.11.2019).
196. Харченко Л.Н., Березовская О.В. Понятие «ценность» в отечественной научной литературе: к постановке проблемы // Вестник ИрГТУ. Иркутск: Иркутский национальный исследовательский технический ун-т, 2013. № 5(76). С. 294–299.
197. Холостова Е.И., Сорвина А.С. Социальная работа: теория и практика: учеб. пособие. М.: ИНФРА, 2004. 427 с.
198. Хоскинг Дж. Из зарубежной печати. М.: Мир русской деревни, 1991. С. 248–249.
199. Шаззо К.Г. Художественный конфликт и эволюция жанров в адыгейских литературах. Тбилиси: Мецниереба, 1978. 237 с.
200. Шахерова О.Н. Распутин в школе: книга для учителя. М.: Дрофа, 2004. 288 с.
201. Шевченко С.Н. Структурная специфика ассоциативного поля лексических единиц, обозначающих полезные ископаемые, как проявление семантических различий лексем: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 – Теория языка / Шевченко Светлана Николаевна; [Место защиты: Моск. гос. лингвист. ун-т]. М., 2017. 272 с.
202. Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. 490 с.
203. Шледер Б. Структура ценностных ориентаций. Эмпирическое исследование // Иностранная психология. М.: Институт психологии РАН, 1994. № 20. С. 47–56.
204. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира (материалы к словарю). М.: Язык и славянской культуры, 2002. 224 с.
205. Шпаковский И.И. Концептосфера рассказа В. Распутина «Изба» // Карповские научные чтения: сб. науч. ст. Вып. 10: в 2 ч. Ч. 2. Минск: ИВЦ Минфина. 2016. С.330–334.
206. Шпрангер Э. Два вида психологии // История психологии (10–30-е гг. Период открытого кризиса): тексты. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. 364 с.

207. Юнусова Р.Д. Русские и татарские фразеологизмы со значением «гостеприимства / кунакчыллык» как отражение межкультурной коммуникации // Теории и практики языкового плюрализма и билингвизма: междисциплинарный подход. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2006. С 124–125.

208. Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций: курс лекций для студентов магистратуры по социологии. 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Интерсоцис, 2009. 138 с.

209. Ядов В.А., Магун В.С., Борзикова П.В., Водзинская В.В., Каюрова В.Н., Саганенко Г.И., Узунова В.Н., Семенов А.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / под ред. В.А. Ядова. Л.: Наука, 1979. 264 с.

210. Ян Фан. Концепт «семья» в русской и китайской языковых картинах мира // Известия Томского политехнического университета, 2013. Т. 323. № 6. С. 250–254.

211. Kluckhohn C. Values and value orientation in the theory of action // Toward a General Theory of Action / T. Parsons, E.A. Shils. Cambridge: Harvard UP, 1951. P. 388–433.

212. Parsons T. The Concept of Society: The Components and Their Interrelations. In: T. Parsons. Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives. Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall, 1966. P. 5–29.

213. Parsons T. The Social System. London: Lowe and Brydone Ltd, 1951. P. 36–37.

214. Rokeach M. The nature of human values. New York: The Free Press, 1973. 438 с.

215. Sorokin P. Society, culture and personality: their structure and dynamics; a system of general sociology. N.Y.: Harper, 1947. P. 367–379.

СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА И СЛОВАРИ

1. Большой энциклопедический словарь / под ред. А.М. Прохорова. М.: Советская энциклопедия, 1993. 1632 с. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/319990> (дата обращения: 09.09.2019).

2. Большая советская энциклопедия/ гл. ред. О.Ю. Шмидт. М.: Советская энциклопедия, 1926–1947. URL: <https://gufo.me/dict/bse/> (дата обращения: 25.12.2019).

3. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. В 2 т. М.: Русский язык, 2000. 1209 с. URL: <https://www.efremova.info>] (дата обращения 25.12.2019).
4. Кириленко Г.Г., Шевцов Е.В. Краткий философский словарь: 288 понятий, 156 персон. М.: Слово: АСТ, 2002. 479 с.
5. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov/> (дата обращения: 25.12.2019).
6. Новая философская энциклопедия. В 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В.С. Степин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 2010. 734 с.
7. Новейший философский словарь / гл. науч. ред. и сост. Грицанов А.А. Минск: Изд. В. М. Скакун, 1999. 877 с. URL: <https://27.slovaronline.com> (дата обращения: 02.11.2019).
8. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: АСТ, 2010. URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=19121> (дата обращения: 25.12.2019).
9. Словарь русского языка / гл. ред. А.П. Евгеньева. 2-е изд., испр. и доп. В 4 т. М.: Рус. яз., 1983. 750 с. URL: <https://gufo.me/dict/mas>] (дата обращения: 15.11.2019).
10. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Акад. проект, 2001. 989 с.
11. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. Т. 1. М.: Государственный институт «Советская энциклопедия» 1935. 1562 с. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=4438> (дата обращения: 02.11.2019).
12. Философский энциклопедический словарь / подгот. А.Л. Грекулова и др.; редкол.: С.С. Аверинцев [и др.]. М.: Сов. энцикл., 1989. 814 с.
13. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичев [и др.] М.: Сов. энциклопедия, 1983. 839 с. URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/philosophical/> (дата обращения: 25.12.2019).

Для заметок

Научное издание

Чэнь Ваньжоу
Ван Шию

**ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ТРАНСФОРМАЦИИ СОДЕРЖАНИЯ БАЗОВЫХ
ЭТНИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ
В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ**

Монография

Чебоксары, 2023 г.

Компьютерная верстка *Е. В. Кузнецова*
Дизайн обложки *Н. В. Фирсова*

Подписано в печать 22.12.2023 г.

Дата выхода издания в свет 26.12.2023 г.

Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура Times. Усл. печ. л. 9,765. Заказ К-1231. Тираж 500 экз.

Издательский дом «Среда»
428005, Чебоксары, Гражданская, 75, офис 12
+7 (8352) 655-731
info@phsreda.com
<https://phsreda.com>

Отпечатано в Студии печати «Максимум»
428005, Чебоксары, Гражданская, 75
+7 (8352) 655-047
info@maksimum21.ru
www.maksimum21.ru